

СОДЕРЖАНИЕ

Том 88, номер 10, 2018

Наука и общество

Л.В. Бондаренко

Социально-экономические различия между городом и деревней:
научные воззрения и отечественная практика 867

Дискуссионная трибуна

В.А. Тишков

Гуманитарные науки в России 878

Точка зрения

М.И. Клеандров

Конституционно значимые несовершенства судебной власти в Российской Федерации 886

Организация исследовательской деятельности

Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова

Конкуренция социально-экономических университетов России 897

А.В. Гринёв

Научные публикации и наукометрические показатели как объект нечистоплотного бизнеса 908

Обозрение

А.Л. Журавлёв, И.А. Мироненко, А.В. Юревич

Психологическая наука в глобальном мире 918

Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко

Межнациональные отношения как объект научных исследований 928

Проблемы экологии

Г.Г. Матишов, С.Л. Дженюк

Неотложные задачи исследования прибрежной и арктической зоны морей и океанов России 936

Из рабочей тетради исследователя

А.Ф. Яковлев

Геномная селекция и прогнозирование качества потомства животных 946

Этюды об учёных

А.В. Петриков, В.М. Баутин

Выдающийся подвижник аграрной науки. К 100-летию со дня рождения
академика А.А. Никонова 951

Официальный отдел

Президиум РАН решил. — Юбилей. — Награды и премии 958

CONTENTS

Vol. 88, No. 10, 2018

Simultaneous English language translation of the journal is available from Pleiades Publishing, Ltd.
Distributed worldwide by Springer. *Herald of the Russian Academy of Sciences* ISSN 1019-3316

Science and Society

L.V. Bondarenko

- The socio-economic differences between urban and rural areas:
scientific views and domestic practices 867
-

Discussion Forum

V.A. Tishkov

- Humanities in Russia 878
-

Point of View

M.I. Kleandrov

- Constitutionally significant imperfections of the judicial power in the Russian Federation 886
-

Organization of Research

E.V. Balatskii, N.A. Ekimova

- Competition of the socio-economic universities in Russia 897

A.V. Grinyov

- Scientific publications and scientometric indicators as an object of unscrupulous business 908
-

Review

A.L. Zhuravlev, I.A. Mironenko, A.V. Yurevich

- The psychological science in the globalizing world 918

T. Ya. Khabrieva, L.V. Andrichenko

- The interethnic relations as an object of scientific research 928
-

Problems of Ecology

G.G. Matishov, S.L. Dzhenyuk

- Urgent tasks of the study of the coastal and Arctic zones of seas and oceans of Russia 936
-

From the Researcher's Notebook

A.F. Yakovlev

- Genomic selection and forecasting the quality of animals' offspring 946
-

Profiles

A.V. Petrikov, V.M. Bautin

- An outstanding devotee of agricultural science. *To the 100th anniversary
of the birth of academician A.A. Nikonov* 951
-

Official Section

- Decisions of the RAS Presidium. Anniversaries. Awards and Prizes 958
-

НАУКА
И ОБЩЕСТВО

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ
МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ: НАУЧНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ
И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА**

© 2018 г. Л.В. Бондаренко

*Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий —
Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства, Москва, Россия
E-mail: bondarenko_l@mail.ru*

Поступила в редакцию 10.04.2018 г.

Статья содержит исторический экскурс в теорию и российскую практику преодоления различий между городом и деревней. Представлены методика и расчёты интегрального индикатора социальной ситуации в городе и деревне, сформулирована стратегия социального развития села как социально-территориальной подсистемы, выполняющей широкий спектр общенациональных функций, и преодоления различий между городом и деревней.

Ключевые слова: город, деревня, противоположность, различия, эволюция взглядов, демографическая ситуация, занятость, доходы, жилищные условия, социальная инфраструктура, интегральная оценка, стратегия развития, программно-целевой подход.

DOI: 10.31857/S086958730002143-5

Российское село — это 38 млн человек: 26% всего населения страны и 23% общей численности занятых в экономике. Село производит продовольствие, сырьё для промышленности и обеспечивает занятость для многих горожан. Одно рабочее место в сельском хозяйстве позволяет создать, по разным оценкам, 20–40 рабочих мест в других отраслях экономики. Названные и многие другие функции села делают его настоящее и будущее объектом общенационального внимания. Комплексное, всестороннее развитие села, устранение существенных

социально-экономических различий его с городом, приближение качества жизни сельского населения к городским стандартам — важнейшие факторы эффективного использования земли, других природных, а также материально-технических и человеческих ресурсов сельских территорий, повышения устойчивости и динамичности развития экономики всей страны, в том числе обеспечения её продовольственной и национальной независимости и безопасности. В этой связи представляет интерес диалектика научных взглядов на преодоление различий между городом и деревней и эволюция фактической ситуации в этой области в до- и по-реформенной России.

**ОТНОШЕНИЯ ГОРОДА
И ДЕРЕВНИ КАК ПРОБЛЕМА
СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ XIX В.**

История развития села — это история его отношений с городом. Город — парное понятие, обозначающее альтернативную форму поселения, исторически сложившуюся в результате общественного разделения труда. Относительная независимость от стихийных сил природы, аккумуляция капитала,

БОНДАРЕНКО Людмила Васильевна — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ВНИИ экономики сельского хозяйства.

достаточная для обеспечения более высоких технического уровня производства и ступени разделения труда по сравнению с селом, обусловили преимущественный рост производительных сил и богатства в городах.

Сконцентрировав экономическую и политическую власть, город стал эксплуатировать деревню в различных экономических и внеэкономических формах, включая неэквивалентный товарный обмен. Неуклонно нарастал разрыв деревни с городом по всем направлениям: политическому, производственно-экономическому, социально-культурному. Эксплуатация деревни городом явилась экономической основой возникновения противоположности между ними и всё большего отставания села по уровню развития. Вместе с тем множились и усиливались негативные признаки городских поселений: высокая плотность застройки и скученность населения, загрязнение окружающей среды и, как следствие, вспышки эпидемических заболеваний.

Исторически сложившиеся формы общественно-го разделения труда вели развитие общества в тупик, выход из которого в XIX в. искали многие выдающиеся умы. Социалисты-утописты считали, что уничтожить противоположность между городом и деревней можно путём, во-первых, принципиально новой архитектурно-пространственной организации поселений, во-вторых, соединения земледелия с промышленностью. Предлагалась примитивная форма агропромышленной интеграции, когда каждый член общества занимается и сельскохозяйственным, и промышленным трудом.

Подход западноевропейских утопистов к решению проблемы ликвидации противоположности между городом и деревней был воспринят марксизмом. В Манифесте коммунистической партии, впервые увидевшем свет в 1848 г., соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению противоположности между городом и деревней формулируется в качестве меры, которую необходимо осуществить в странах, вставших на путь коммунистического строительства. В издании 1872 г. и в последующих немецких изданиях Манифеста термин “противоположность” был заменён термином “различия”, что, на наш взгляд, меняет существо проблемы. Если противоположность города и деревни — это противостояние, антагонизм их экономических интересов, подчинение интересов деревни интересам города, то термин “различия” можно понимать как все и всякие различия, включая архитектурно-пространственные, а также различия в территориальной концентрации населения.

Е. Дюринг считал, что разрыв между городом и деревней полностью неустраним в силу существования, во-первых, различных естественных

условий (необходимость привязки обрабатывающей промышленности к добыче сырья), во-вторых, различных “экономических разновидностей людей”, обусловленных разнообразием природных способностей и склонностей. По его мнению, средством, которое может отчасти заполнить пропасть между земледелием и промышленностью, является организация в сельской местности промышленной переработки сельскохозяйственного сырья. Дюринг был на правильном пути, но только наполовину, поскольку не предвидел возможности индустриализации самого сельскохозяйственного производства, тогда как именно ей принадлежит решающая роль в преодолении различий между городом и деревней. Ф. Энгельс, полемизируя с Дюрингом, назвал его подход к решению проблемы “город—деревня” “ничтожным паллиативом”. Взамен он выдвинул радикальную марксистскую антитезу — уничтожение старого разделения труда, закрепляющего человека за отдельным видом деятельности. Императивы Энгельса — “более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране”, “гибель больших городов”, “слияние города и деревни” [1, с. 306].

В утрированном виде марксистские положения по вопросу территориального размещения производства и населения отразил выдающийся отечественный экономист-аграрник 1920-х годов, глава организационно-производственной школы А.В. Чаянов в своей фантастической повести “Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии”. Согласно автору, крестьянские партии, взявшие власть в России, провели декрет об уничтожении городов с численностью населения свыше 20 тыс., фабрики были разбросаны по всей России. Страна, в представлении А.В. Чаянова, являла собой “сплошное сельскохозяйственное поселение, прерываемое квадратами общественных лесов, полосами кооперативных выгонов и огромными климатическими парками” [2, с. 4]. В отдельно стоящих группах зданий — “городищах” — размещались местная школа, библиотека, зал для спектаклей и танцев и прочие общественные учреждения. Это — “маленькие социальные узлы”. Города превратились из места жизни в большие “узлы социальных связей” — места празднеств, собраний и некоторых дел. Получило широкое развитие дорожное сообщение, и каждый крестьянин, затратив час или полтора, мог оказаться в ближайшем городе [2, с. 3].

Этот руралистический (превращение городов в сёла) подход к сближению города и деревни и достижению одномерности расселения в реальной истории нашей страны был заменён на противоположный — урбанистический, когда активно проводилась политика ликвидации малых деревень и перехода к многоэтажной застройке сельских поселений.

РАЗВИТИЕ СЕЛА В СССР

На всех этапах советской истории преодоление разрыва между городом и деревней декларировалось в качестве государственной стратегии. Сначала ставилась задача ликвидации противоположности между ними, а затем, когда она была решена, — задача преодоления существенных социально-экономических различий. Однако провозглашаемые лозунги весьма непоследовательно и слишком медленно осуществлялись в реальной жизни.

В принятой в 1919 г. на VIII съезде РКП(б) второй Программе отмечалось, что противоположность между городом и деревней — одна из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни — ставит как город, так и деревню перед непосредственной опасностью вырождения и гибели. В уничтожении этой противоположности партия видела одну из коренных задач коммунистического строительства [3, с. 425]. Для её решения Программа предусматривала масштабное и планомерное привлечение промышленных рабочих к коммунистическому строительству в земледелии [3, с. 425, 448] и возвращение широчайшей помощи крестьянству. Эта помощь заключалась, главным образом, в снабжении деревни продуктами городской промышленности, в первую очередь улучшенными сельскохозяйственными орудиями, семенами и всяческими материалами для повышения сельскохозяйственной культуры и обеспечения труда и жизни крестьян. Экономический союз рабочего класса с крестьянством в этот период намечалось реализовывать на основании прямого обмена продуктов промышленности и сельского хозяйства, но эта форма экономических отношений между городом и деревней оказалась нежизнеспособной.

В 1920-е годы упрочение союза рабочего класса и крестьянства строится путём торговой смычки города и деревни, которая должна была обеспечить подъём сельского хозяйства, стабилизацию денежного обращения и необходимые накопления для индустриализации страны. Благодаря налаживанию экономически обоснованного товарообмена между промышленностью и сельским хозяйством объём его продукции, резко упавший в период Первой мировой, а затем Гражданской войны, за 1921–1928 гг. возрос более чем в 2 раза, несмотря на низкий уровень капиталовложений и материальных ресурсов. Наряду с подъёмом сельского хозяйства партия проводила линию на культурное строительство, развитие первичной формы просветительской работы в деревне — сети изб-читален (в количестве не менее одной на волость), ликпунктов и школ малограмотных, шефских связей между городом и деревней в культурной сфере.

На состоявшемся в 1927 г. XV съезде ВКП(б) впервые нашло чёткое отражение принципиально

важное для исторических судеб советской деревни положение о взаимозависимости решения экономических и социальных задач её развития. Более медленное развитие сельского хозяйства по сравнению с промышленностью в политическом отчёте ЦК объяснялось наряду с отсталостью сельскохозяйственной техники низким уровнем культурного состояния деревни. Поэтому ставилась задача “продолжать линию на дальнейшее улучшение материального и культурного положения основных масс крестьянства и прежде всего крестьянской бедноты” [4, с. 70]. Съезд взял курс на коллективизацию единоличных крестьянских хозяйств, интенсификацию и механизацию земледелия как единственно верный комплекс мер дальнейшего подъёма сельского хозяйства и повышения благосостояния основной массы крестьянства.

С победой социализма, зафиксированной в принятой в 1936 г. Конституции СССР, была ликвидирована противоположность между городом и деревней и открыт путь для постепенной ликвидации социально-экономических и культурно-бытовых различий между ними. Вместе с тем следует отметить, что 1930-е годы характеризовались грубым нарушением эквивалентности товарно-денежного обмена между городом и деревней в целях повышения темпов индустриализации и укрепления обороноспособности страны. Этот дисбаланс превысил экономически допустимые границы и сроки, что повлекло за собой резкое снижение рентабельности сельскохозяйственного производства и затормозило его рост. Великая Отечественная война отодвинула решение задачи преодоления существенных социально-экономических различий между городом и деревней.

К началу 1950-х годов ситуация в сельском хозяйстве, материальное и культурно-бытовое положение сельского населения были крайне тяжёлыми. Мотивация труда в общественном производстве была подорвана, развитие личного подсобного хозяйства административно ущемлялось, назревал массовый уход крестьян в города. Положение стало меняться к лучшему после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г., на котором были приняты решения о снижении норм обязательных поставок сельхозпродукции государству, значительном повышении закупочных и закупочных цен, а также инвестиций в сельское хозяйство, улучшении его материально-технического обеспечения, укреплении кадров и упорядочении управления производством.

Третья Программа КПСС, принятая XXII съездом партии в 1961 г., предусматривала ликвидацию существенных социально-экономических различий между городом и деревней к концу 1980-х годов одновременно с созданием материально-технической базы коммунизма. Был определён путь преодоления этих

различий — преобразование колхозных и совхозных деревень и сёл “в укрупнённые населённые пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями” [5, с. 65]. Третья Программа КПСС осталась коммунистической утопией, но зримые перемены в условиях жизнедеятельности крестьянства происходили в течение всего последующего периода, предшествовавшего реформам 1990-х годов.

Основы аграрной политики КПСС предреформенного 25-летия заложил мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 г. Была разработана широкая программа подъёма сельского хозяйства, повышения материальной заинтересованности работников отрасли и расширения масштабов жилищного и культурно-бытового строительства на селе. Важнейшими мерами стали введение гарантированной оплаты труда колхозников на уровне тарифных ставок работников совхозов (1966 г.) и переход от трудодня к прямой денежной оплате труда. Разрыв в оплате сельскохозяйственного и промышленного труда последовательно преодолевался, и к 1990 г. среднемесячная оплата труда работника сельского хозяйства составляла 95% от заработной платы в среднем по экономике и 93% от заработной платы в промышленности.

Сокращению различий в материальном благосостоянии городского и сельского населения способствовали также отмена в 1965—1966 гг. наценки на продовольственные и промышленные товары, продаваемые в сельской местности (так называемой “гужнадбавки”), создание в 1960—1970-х годах единой системы пенсионного обеспечения и социального страхования колхозников, повышение минимальных размеров их пенсий. В соответствии с решениями пленумов ЦК КПСС — ноябрьского 1964 г. и мартовского 1965 г. — были сняты неоправданные ограничения личного подсобного хозяйства, а в 9—10-й пятилетках приняты специальные меры по его развитию. Право советских граждан на личное подсобное хозяйство было закреплено в новой Конституции СССР.

Период после мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 г. характеризуется также крупными мероприятиями в области индустриализации сельскохозяйственного труда. За 1966—1985 гг. его фондовооружённость увеличилась в 5,2, а энерговооружённость — в 4,2 раза. В 1970-е годы развернулось строительство крупных животноводческих комплексов промышленного типа, птицефабрик, шёл процесс специализации и концентрации производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.

70—80-е годы XX в. — период формирования на селе жилищной и социальной инфраструктуры. Оно стало возможным благодаря увеличению

общего объёма средств, направляемых на развитие сельского хозяйства, и повышению в них удельного веса вложений в непроизводственное строительство. В 1967 г. было образовано союзно-республиканское Министерство сельского строительства, начали разрабатываться новые улучшенные проекты жилых и общественных зданий, практически в каждой области возводились посёлки комплексной экспериментально-показательной застройки, расширились льготы индивидуальным застройщикам, развивалась сеть сельских дорог.

Знаменательной вехой в реализации курса на взаимосвязанное решение в сельской местности экономических и социальных задач стал июльский Пленум ЦК КПСС 1978 г., указавший на необходимость более крутого поворота к улучшению культурно-бытовых условий жизни на селе и в этой связи целесообразность определённого перераспределения общих средств на непроизводственное строительство в пользу села. Пленум задавал вектор на обеспечение сельских семей отдельными благоустроенными домами с приусадебными участками и надворными постройками, развитие на селе дорожного, а также индивидуального и кооперативного жилищного строительства. Качественно новым этапом формирования системы планомерного управления социальным развитием села стала Продовольственная программа СССР на период до 1990 г., одобренная майским Пленумом ЦК КПСС 1982 г. В программе меры по развитию материально-технической базы, совершенствованию планирования и управления АПК, укреплению экономики колхозов и совхозов сочетались с широкомасштабными мерами по социальному обустройству села.

В 1960—1980-е годы в социальном переустройстве села произошли значительные количественные и качественные сдвиги, охватившие все стороны жизнедеятельности сельчан. В 11—12 пятилетках объём ввода жилья на селе в расчёте на 1 тыс. жителей превысил городской уровень. В начале 1990-х годов 4/5 сельских школьников обучались в школьных зданиях, построенных после 1970 г. по типовым проектам с кабинетной системой обучения. За двадцатилетие в 1,9 раза увеличилось число детей, посещающих постоянные детские дошкольные учреждения, оформились библиотечные и клубные системы, сельско-городские музейные объединения. Село значительно обогнало город по обеспеченности торговыми площадями в расчёте на 1 тыс. жителей. Полностью завершилось формирование сети комплексных приёмных пунктов бытового обслуживания и домов быта на центральных усадьбах колхозов и совхозов.

В 12 пятилетке (1986—1990) объём капитальных вложений в непроизводственное строительство только по отрасли “сельское хозяйство” увеличился

по сравнению с девятой пятилеткой (1971–1975) в 3 раза. Удельный вес затрат на возведение непроизводственных объектов в общей сумме капитальных вложений в сельское хозяйство возрос с 18,3% до 25,6%. Капитальные затраты на развитие социальной инфраструктуры в расчёте на одного жителя в городе и деревне сближались, формировались единые региональные системы социального обслуживания городского и сельского населения, наиболее отчётливо проявившиеся в здравоохранении и сфере бытовых услуг. Вместе с тем становилось всё более очевидным, что темпы и масштабы социально-экономических преобразований на селе не соответствуют возрастающим потребностям сельского населения и изменениям в иерархии жизненных ценностей. Принимаемые программы не в полной мере подкреплялись финансовыми и материальными ресурсами, конкретные направления и формы преобразований были не всегда эффективны, копировались городские стандарты и нормы, ликвидировались так называемые неперспективные деревни, что приводило к неоправданному укрупнению сельских населённых пунктов, концентрации и централизации социального обслуживания сельского населения.

Деревня долгие годы рассматривалась в качестве донора для развития города, поэтому её социальная сфера развивалась в основном за счёт колхозов и совхозов, а строительство жилья осуществлялось главным образом на средства населения, тогда как социальная инфраструктура городов инвестировалась преимущественно из бюджетных средств. Рост технической оснащённости производства при отсутствии необходимых систем машин и новых промышленных технологий, слабой эргономической ориентированности не сопровождался адекватным улучшением условий труда и сокращением потребности в рабочей силе. Сдвиги в отраслевой структуре села, расширение его функций не носили программного и устойчивого характера, в силу чего сохранялись узость сфер приложения труда, ограниченность профессионального выбора, особенно для женщин, сезонность труда. Моноотраслевой характер сельской занятости также ограничивал источники формирования доходов сельского населения. Доходы сельскохозяйственных товаропроизводителей формировались в условиях сохраняющегося неэквивалентного экономического обмена между городом и деревней, низкой оценки общественной значимости сельскохозяйственного труда, игнорирования его тяжести и неблагоприятных условий, жёсткого регулирования государством внешних и внутривоспроизводственных экономических отношений колхозов и совхозов. Экономическая заинтересованность сельского населения сдерживалась также недостаточным развитием на селе потребительского комплекса, что ограничивало реализацию денежных доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей.

В целом, при всей очевидности социально-экономического прогресса темпы социальных преобразований на селе в доперестроечный период не отвечали возрастающим требованиям общества к селу как продовольственной и сырьевой базе. Между городом и деревней сохранялись серьёзные социально-экономические различия, преодоление которых тормозилось командно-административной системой управления сельским хозяйством и неэффективным экономическим механизмом социального развития села, не ориентированным на мобилизацию его внутренних движущих сил.

Неудовлетворённость условиями труда и быта при нарастающей информированности о городских жизненных стандартах приводила к оттоку наиболее дееспособной части сельских жителей в города, ухудшению демографической ситуации на селе, дефициту квалифицированных сельскохозяйственных кадров в основной массе регионов и увеличению потребности отрасли в сезонной рабочей силе. К началу 1990-х годов миграционный потенциал села был практически исчерпан, а демографическая база воспроизводства сильно сужена, дефицит кадров усугублял недостаточную эффективность использования земли и материально-технического потенциала сельского хозяйства. Обеспечение мотивационного механизма экономического и социального развития села требовало коренного преобразования земельных и производственных отношений, изменения социально-экономической структуры аграрного производства.

В самый канун реформ, 21 декабря 1990 г., задача сближения города и села была введена в правовое поле. Верховным Советом РСФСР был принят Закон “О социальном развитии села”, в котором социально-экономическое развитие села и агропромышленного комплекса определялось в качестве приоритетного направления экономической, правовой и социальной политики. Социальная политика на селе предусматривала обеспечение опережающих темпов строительства жилых домов, детских дошкольных учреждений, общеобразовательных школ, объектов культуры, здравоохранения, социального обеспечения, коммунально-бытового назначения, автомобильных дорог, а также развития телефонизации, связи, радиофикации, телевидения, медицинского, бытового и других видов обслуживания. И, что очень важно, были гарантированы объёмы средств, выделяемых на решение поставленных задач: начиная с 1991 г. на поддержку агропромышленного комплекса предусматривалось ежегодно отчислять не менее 15% национального дохода РСФСР.

В соответствии с Законом “О социальном развитии села” II съезд народных депутатов РСФСР принял Программу возрождения российской

деревни, включающую 6 государственных программ, утверждённых Правительством России в январе 1991 г. и рассчитанных на 5-летний период — до 1995 г.: “О строительстве объектов жилищного и культурно-бытового назначения”, “О сельской газификации”, “О дорожном строительстве в сельской местности”, “О развитии водоснабжения сельских населённых пунктов”, “О развитии электрификации села”, “О развитии средств электрической и почтовой связи, радио и телевидения в сельской местности”. Для контроля за выполнением Закона “О социальном развитии села” и программ по возрождению российской деревни была образована Комиссия Правительства РФ по вопросам социального развития села.

Однако грандиозным планам не суждено было сбыться. Начавшаяся аграрная реформа, призванная возродить село и обеспечить его поступательное развитие, не принесла ожидаемых результатов. Ошибки и просчёты в стратегии и тактике реформирования, демонтаж старых организационных и экономических механизмов социально-экономического развития села и социальной защиты сельских товаропроизводителей, при неразработанности новых, ещё более обострили ситуацию, 1990-е годы стали едва ли не самым драматичным периодом в истории российского села в XX в.

Государство отстранилось от решения проблем развития сельских поселений на федеральном уровне: функции управления и финансирования социальной сферы села были переданы с республиканского на региональный и местный уровни. В то же время порядок формирования бюджетной системы и отсутствие необходимой налогооблагаемой базы не позволяли региональным и местным органам выполнять возложенные на них функции. Не было средств и у сельскохозяйственных организаций, поставленных в тяжелейшие экономические условия. Это привело к практическому прекращению финансирования Программы возрождения российской деревни, ставшей очередной утопией, была упразднена и Комиссия Правительства РФ по вопросам социального развития села [6, с. 52–69].

ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Трансформационный период в России сопровождался огромными социальными издержками, которые легли в большей мере на сельское население. Была предана забвению ранее проводимая политика преодоления существенных социально-экономических различий между городом и деревней, и деревне, более уязвимой перед законами рынка, пришлось уступать ранее завоёванные позиции не только в экономической, но и в социальной сфере. “Ножницы”

между городом и селом в уровне и качестве жизни разошлись, начались деструктивные демографические процессы, поставившие под угрозу формирование трудового потенциала отечественного продовольственного комплекса, нарастала социальная напряжённость. На рубеже тысячелетий российское село подошло к точке невозврата. В 2000-х годах положение несколько изменилось. Целый ряд нормативно-правовых и программных документов и их реализация создали предпосылки для укрепления производственного и инфраструктурного потенциала села, способствовали повышению уровня занятости и доходов сельского населения, улучшению жилищных и других условий жизнедеятельности. К таким документам относятся: принятый в 2006 г. федеральный закон о развитии сельского хозяйства, установивший правовые основы реализации государственной социально-экономической политики в сфере развития сельского хозяйства и содействия устойчивому развитию сельских территорий, ФЦП “Социальное развитие села до 2013 года”, приоритетные национальные проекты “Развитие агропромышленного комплекса”, “Образование”, “Здоровье”, государственные программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. и 2013–2020 гг., другие федеральные и региональные программы, постановления Правительства РФ и указы Президента РФ, связанные с развитием аграрного сектора и сельских территорий.

Тем не менее ситуация на селе остаётся весьма проблемной. На сельских территориях концентрируются российская безработица и бедность. Положение на сельском рынке труда, только на первый взгляд, выглядит относительно благополучным. Уровень безработицы снижается: в 2016 г. он составлял 8%, что ниже предельно допустимого по международной оценке 10%-ного показателя. Но в городе уровень безработицы в 1,7 раза ниже — 4,8%. И эта диспропорция практически стабильна. Речь идёт о безработице, учтённой по методологии Международной организации труда, которая не включает лиц, выразивших желание работать, но не занимающихся поиском работы или не готовых к ней приступить в неделю обследования. На селе в 2016 г. таких насчитывалось 1,3 млн человек, тогда как официальная армия безработных составляла 1,4 млн. Принимая во внимание численность неучтённого контингента, получаем уровень безработицы порядка 15%. Важно ещё и то обстоятельство, что численность стоящих на регистрационном учёте почти в 4 раза меньше численности официально учтённых. А не зарегистрированные безработные не получают пособия по безработице, помощи в трудоустройстве, профессиональной подготовке и переподготовке, то есть находятся вне государственно регулируемого рынка труда [7, с. 127–136].

Заработная плата в сельском хозяйстве составляет 59,3% от средней по экономике, тогда как в 1990 г. она была практически на среднероссийском уровне (95,5%). Располагаемые ресурсы на члена сельской семьи, включающие все денежные и натуральные поступления в домохозяйство, составляют 63,5% от городского уровня. К началу реформ среднедушевой совокупный доход семьи, аналог этого показателя, достигал у сельчан 88% от дохода горожан. Доля населения с денежными доходами ниже черты бедности на селе в 1,8 раза выше, чем в городе, и вдвое превышает предельно допустимый по мировым меркам 10%-ный рубеж [7, с. 160–164]. За чертой бедности находится каждый пятый сельчанин. Можно сказать, что у российской бедности крестьянское лицо (табл. 1).

В целях сокращения затрат на содержание объектов социальной сферы проводится политика “оптимизации” сети учреждений социальной сферы села, приводящая к массовой ликвидации маловместимых сельских школ, детских садов, клубов, библиотек. Закрываются участковые больницы, амбулатории, фельдшерско-акушерские пункты, вследствие чего увеличиваются радиусы их доступности. Этот курс основан на принципе так называемого “здорового смысла” и предусматривает финансовую выгоду здесь и сейчас, что противоречит стратегически

Таблица 1. Численность и удельный вес бедного населения в России*

Показатель	2010	2016
Численность бедного (с денежными доходами ниже прожиточного минимума) населения, всего, млн человек	17,7	19,8
в городе	10,6	12,2
на селе	7,1	7,6
Удельный вес бедных (уровень бедности), всего, %	12,5	13,5
в городе	10,1	11,2
на селе	18,9	20,1
Коэффициент локализации бедности в сельской местности (соотношение доли сельского населения в численности бедных с долей в общей численности населения РФ)	1,53	1,49

* Показатели по городской и сельской местности являются ориентировочной оценкой, полученной с использованием данных бюджетных обследований Росстата по распределению бедного населения между городом и селом по показателю располагаемых ресурсов [8]. Однако следует учесть, что наложение этого распределения на макроэкономические показатели бедности по денежным доходам приводит к занижению фактического уровня бедности на селе, исчисляемой в мировой практике по денежным доходам.

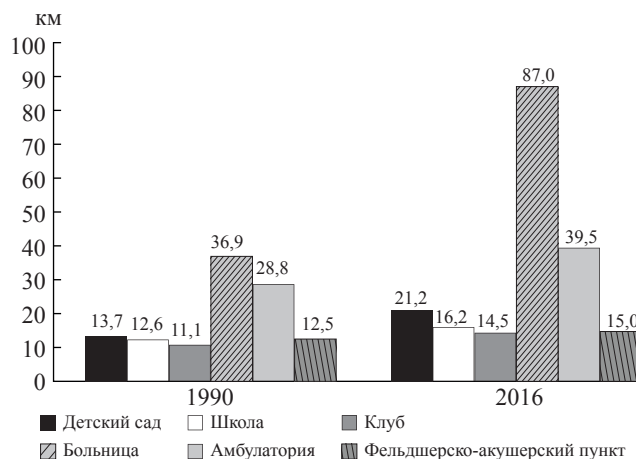

Рис. 1. Средний радиус доступности объектов социальной сферы в сельской местности

необходимым сбережению и приращению человеческого капитала деревни, без которых не стоит рассчитывать на сохранение как самой деревни, так и нашей государственности (рис. 1).

Неудовлетворительные условия жизни пагубно сказываются на демографической ситуации в сельских поселениях. За 22 года (1995–2016) естественная убыль сельского населения и миграционный отток составили в совокупности 2,4 млн человек. Согласно прогнозу Росстата, в дальнейшем этот процесс в среднегодовом исчислении ускорится в 2,6 раза, и за последующие 14 лет численность сельского населения сократится ещё на 4 млн. В пользу такого сценария говорит и широкомасштабный характер миграционных настроений. По данным наших социологических обследований, проведённых в 2016 г. в 23 субъектах РФ и охвативших все федеральные округа и около 4 тыс. респондентов, твёрдое намерение перебраться в город в ближайшие 2–3 года было у 10% сельских жителей, а среди молодёжи 18–30 лет – у каждого пятого. Задумывались о переезде 21% респондентов, в том числе 27% молодёжи. Согласно прогнозу Росстата, к 2030 г. демографический базис формирования трудового потенциала села снизится до 34 млн человек против 38 млн на начало 2017 г. Таким образом, российское сельское хозяйство, во-первых, в целом характеризующееся высокой трудоёмкостью и невозможностью скачкообразного технического перевооружения, во-вторых, поставленное перед необходимостью вовлечения в хозяйственный оборот около 19 млн га не используемой в настоящее время пашни, столкнётся с угрозой серьёзного дефицита трудовых ресурсов.

Социальное развитие сельских и городских территорий характеризуется большим числом показателей, одни из них изменяются в лучшую сторону,

другие — в худшую, и, как правило, разными темпами. Поэтому, чтобы оценить и сопоставить уровни социального развития в городе и на селе в целом, необходим интегральный индикатор. В соответствии с разработанной нами методикой, такой индикатор должен отвечать следующим требованиям: отражать основные сопоставимые аспекты социального развития обеих подсистем социума; содержать частные показатели, представленные в одной размерности, а именно, в относительных величинах, и однородные по эффекту (положительный или отрицательный) увеличения/уменьшения числового значения.

Частные показатели соотносятся с каким-либо критерием — либо нормативом (если таковой имеется), либо определённой условной величиной. Например, за критерий продолжительности жизни можно

принять 100 лет, хотя этот возраст в современных условиях нельзя считать нормой. Критерием для оценки уровня занятости населения может служить 100%-ный показатель, хотя фактически занятость никогда не бывает абсолютно полной. Нормативные критерии могут иметь характер как социального стандарта, то есть величины, к которой следует стремиться, так и предельно допустимого значения, которое нельзя превышать или опускаться ниже.

Предлагаемую методику построения интегрального индикатора социального развития сельских и городских территорий можно формализовать следующим образом:

$$K = \sum_{i=1}^n \frac{X_i}{X_{iK}},$$

Таблица 2. Интегральная сравнительная оценка социального развития сельских и городских территорий, 2016 г.

Частный показатель	Критерий	Село		Город	
		факт	отношение к критерию, раз	факт	отношение к критерию, раз
Отношение числа родившихся к числу умерших, разы	1	0,86	0,86	1,05	1,05
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	100	70,5	0,71	72,4	0,72
Доля небезработного населения в численности экономически активного населения в возрасте 15–72 лет, %	90*	92,0	1,02	95,2	1,06
Доля населения с денежными доходами выше величины прожиточного минимума, %	90*	79,9	0,89	88,8	0,99
Соотношение располагаемых ресурсов на одного члена домохозяйства с величиной прожиточного минимума, разы	1	1,73	1,73	2,72	2,72
Обеспеченность населения общей площадью жилища, м ² на 1 человека	18**	26,1	1,45	24,5	1,36
Доля жилищного фонда, оборудованного всеми видами благоустройства, %	100	31,5	0,32	78,7	0,79
Обеспеченность амбулаторно-поликлиническими организациями, посещений в смену на 10 тыс. населения	258,5 (город), 161,7 (село)***	151,0	0,93	306,7	1,19
Охват детей в возрасте 1–6 лет дошкольными образовательными учреждениями, %	70****	48,8	0,70	73,2	1,05
Удельный вес зданий общеобразовательных организаций, не требующих капитального ремонта и не находящихся в аварийном состоянии, %	100	84,7	0,85	87,3	0,87
Удельный вес домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет	100	67,2	0,67	80,3	0,80
Коэффициент интегральной оценки социального развития		Σ гр.4 = 10,13		Σ гр.6 = 12,60	

* Критический уровень по международным оценкам.

** Среднероссийский норматив постановки на учёт нуждающихся в жилых помещениях.

*** Современная нормативная база отсутствует, поэтому использованы стандарты 1980-х годов [9, с. 176].

**** СП 42.13330.2011 “Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений”.

где K — коэффициент интегральной оценки социального развития, X_i — i -ый частный показатель, X_{iK} — нормативный (критериальный) уровень i -ого частного показателя, n — число частных показателей.

Для интегральной сопоставительной оценки уровня социального развития сельских и городских территорий используется 11 показателей, соотношение которых с критерием строится по принципу “чем больше, тем лучше”: отношение числа родившихся к числу умерших; ожидаемая продолжительность жизни; доля безработного населения в численности рабочей силы в возрасте 15–72 лет; доля населения с денежными доходами выше величины прожиточного минимума (индикатор, обратный уровню бедности); соотношение располагаемых ресурсов на 1 члена домохозяйства с прожиточным минимумом; обеспеченность населения общей площадью жилища; доля жилищного фонда, оборудованного всеми видами благоустройства; обеспеченность амбулаторно-поликлиническими организациями; охват детей в возрасте 1–6 лет дошкольными образовательными учреждениями; удельный вес зданий общеобразовательных организаций, не требующих капитального ремонта и не находящихся в аварийном состоянии; удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет [6, с. 69–80]. В таблице 2 представлен расчёт коэффициента интегральной оценки социального развития сельских и городских территорий за 2016 г.

В соотношении города и села по уровню социального развития в последние три года сложилась положительная динамика. Если в 2013 г. коэффициент интегральной оценки ситуации в городе превосходил аналогичный индикатор по селу почти на треть, то в 2016 г. — на четверть. Однако процесс сокращения социальных различий шёл в условиях ухудшения ситуации в городе при, хотя и незначительном, улучшении на селе (рис. 2). Снижение коэффициента интегральной оценки уровня социального развития в городе было обусловлено ухудшением соотношения среднедушевых располагаемых доходов населения с прожиточным минимумом и повышением уровня бедности, сокращением обеспеченности населения амбулаторно-поликлиническими организациями и повышением удельного веса зданий школ, находящихся в неудовлетворительном техническом состоянии. На селе отрицательный тренд сложился, как и в городе, по показателям, характеризующим материальное положение семьи (располагаемые ресурсы, уровень бедности) и техническое состояние школьных зданий. Кроме того, ухудшилось соотношение числа родившихся и числа умерших, что стало следствием снижения уровня рождаемости. В 2015–2016 гг. уровень рождаемости на селе впервые за последние 39 лет опустился ниже показателя города.

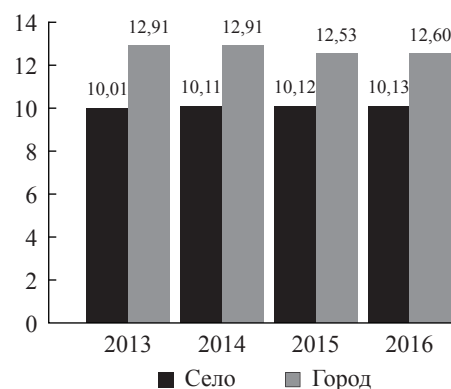

Рис. 2. Динамика коэффициентов интегральной оценки уровня социального развития в городе и на селе

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО СЕЛА

Поскольку сельские и городские территории функционируют не автономно, а включены в целостную систему финансово-экономических, производственных и социальных связей, развитие села не может рассматриваться как самостоятельная проблема, не связанная с развитием города. Стратегическая цель заключается в создании на селе условий жизни, качественно равных городским, и уравнивании на этой основе социальной ценности (престижа) труда и жизни, сближении условий приложения капитала в обоих типах поселений, оптимизации выполнения сельскими территориями их общенациональных функций — производственной, демографической, трудовресурсной, социально-культурной, рекреационной, природоохранной и др. Достижение этой цели не предполагает ни урбанизации (распространения городских форм и условий жизни на сельское население), ни рурализации (распространения сельских форм и условий жизни на городское население) общества, то есть достижения внешнего сходства городских и сельских поселений.

Процесс преодоления различий между городом и деревней должен носить относительный характер: необходимо сохранить особенности сельского расселения, форм жизнедеятельности и образа жизни, обеспечив при этом её одинаковое качество. С внедрением в сельский труд и быт многих положительных черт города деревня не должна утратить свой самобытный облик и позитивные черты образа жизни. Различия между городом и селом будут определяться отраслевыми особенностями сельского хозяйства как биосоциальной производственной системы, спецификой сельского расселения, традициями быта и культуры народа.

Сохранение исконных черт села как исторически сложившейся формы социально-территориальной

организации общества позволит более полно и эффективно использовать его природно-экономический и социально-культурный потенциал. В этих условиях одинаковое качество жизни в городе и на селе будет обеспечиваться на основе компенсации ряда позитивных сторон города, не воспроизводимых на селе, специфическими позитивными сторонами села и дополнительными социально-экономическими преимуществами, которые надлежит обеспечить сельскому населению. Так, на селе невозможны соразмерный городскому диапазон выбора сфер приложения труда, профессий, личностных контактов, развлечений, такая же сезонная равномерность трудового ритма, доступность культурных ценностей, высококвалифицированной медицинской помощи, столь же широкое предложение товаров и услуг и т.д. Разрыв между селом и городом в возможностях жизненного выбора и уровне социального обслуживания должен сократиться, но не может исчезнуть совсем. Преимущества города отчасти будут компенсироваться такими достоинствами села, как меньшая загрязнённость среды обитания, близость к природе, рассредоточенность населения, изолированность жилища, тишина, использование в питании свежих, экологически чистых продуктов. И для того, чтобы сделать село не менее престижным для приложения труда и капитала, чем город, эти особенности сельского образа жизни необходимо сохранять и усиливать: щадить и оберегать окружающую среду, не переуплотнять застройку, не повышать этажность строительства. Однако этого недостаточно.

Невоспроизводимость на селе многих позитивных сторон городской жизни требует дополнительной компенсации. В качестве компенсационных факторов (преимуществ) социально-экономического характера могут выступать более высокие доходы, более просторное и комфортное жильё, лучшие условия обучения и общественного воспитания детей с использованием для этого преимуществ малочисленных сельских школ и детских дошкольных учреждений. Таким образом, можно будет взаимно погасить преимущества одного и недостатки другого вида поселения и в целом уравновесить социальную ценность труда и жизни в городе и в деревне. При этом важно отметить, что сближение села и города должно происходить не на фоне застоя или регресса в городской среде, а при одновременном поступательном движении обеих подсистем общества при опережающих темпах позитивных преобразований в сельской местности. Это обеспечит сближение и, наконец, уравнивание города и села по качеству жизни в более высокой точке спирали общественного развития [10].

Основной целенаправленный организационно-экономический механизм регулирования социальных процессов на селе — Федеральная целевая

программа устойчивого развития сельских территорий на 2014—2017 гг. и на период до 2020 г. Но она, как и предыдущая 12-летняя ФЦП социально-го развития села, имеет инфраструктурный характер. Программа не предусматривает диверсификации сельской экономики, которая бы позволила повысить уровень занятости и доходов сельского населения. А это особенно важно в условиях технико-технологической модернизации сельского хозяйства. Не содержит Программа и мероприятий по улучшению экологического состояния сельских территорий, без чего невозможно выйти на траекторию долгосрочного устойчивого развития.

Кроме того, отличительной особенностью Программы от предыдущей является её направленность на точки роста. Мероприятия реализуются только в населённых пунктах, где осуществляются инвестиционные проекты в АПК. Это приведёт к углублению и без того значительной дифференциации сельских территорий по уровню развития и расширению зон депрессии и обезлюдения [11].

Что касается ресурсного обеспечения Программы, то оно изначально не соответствовало заявленной цели — “создать комфортные условия жизнедеятельности в сельской местности”. По паспорту Программы объём её финансирования за счёт всех источников должен был составить 299 млрд руб., тогда как, по нашим расчётам, для реализации поставленной цели требуется как минимум в 20 раз больше — 6—7 трлн руб. При этом Программа корректируется в сторону уменьшения объёмов финансирования и соответственно снижения значений целевых показателей и увеличения дистанции между поставленной целью и средствами её достижения.

Сравнительный анализ значений основных целевых показателей, предусмотренных первоначальным паспортом ФЦП, их фактических значений за 2014—2016 гг. и предусмотренных на 2017—2020 гг. показал, что объёмы ввода объектов социальной и инженерной инфраструктуры сокращаются в интервале от 22,5% по спортивным сооружениям до 62% по учреждениям культуры. Практически это провал программы (табл. 3).

ФЦП устойчивого развития сельских территорий не единственный организационно-хозяйственный механизм социального обустройства села федерального уровня. В стране действует 41 общегосударственная программа, из которых с сельским развитием связано 22. Однако в них сельские территории не выделены, что не позволяет оценить вклад этих программ в развитие села. А как показывает исторический опыт, сельские территории при раздаче стоят, как правило, “в хвосте”.

Распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 г. № 151-р утверждена Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской

Таблица 3. Основные целевые показатели ФЦП “Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года”

Показатель	Предусмотрено по первоначальному паспорту Программы*	Ожидаемое значение с учётом фактических показателей за 2014–2016 гг. и предусмотренных на 2017–2020 гг.**	Ожидаемое значение к предусмотренным, %
Ввод жилья, тыс. м ²	5438,8	3106,4	57,1
Ввод общеобразовательных организаций, тыс. уч. мест	22,3	14,58	65,4
Ввод фельдшерско-акушерских пунктов и/или офисов врачей общей практики, ед.	858,0	529,0	61,7
Ввод плоскостных спортивных сооружений, тыс. м ²	519,2	402,27	77,5
Ввод учреждений культуры, тыс. мест	9,9	3,76	38,0
Ввод распределительных газовых сетей, тыс. км	18,2	8,44	46,4
Ввод локальных водопроводов, тыс. км	12,9	6,08	47,1

* Постановление Правительства РФ от 15.07.2013 г. № 598.

** Постановление Правительства РФ от 13.12.2017 г. № 1544.

Федерации на период до 2030 г., в которой главная цель государственной политики в этой области обозначена как “создание благоприятных социально-экономических условий для выполнения сельскими территориями их общенациональных функций”. Но понятие “благоприятные условия” весьма неопределённо и не позиционирует село относительно города, а значения целевых показателей свидетельствуют о том, что создание благоприятных условий далеко выходит за пределы стратегического периода. Например, доходы сельского населения остаются значительно ниже городского уровня. Заработная плата в сельском хозяйстве составит 80% от средней по экономике, а среднедушевые располагаемые ресурсы жителей села – 90% от городского уровня. Всеми видами благоустройства будет оборудовано только 45% общей площади жилых помещений в сельских населённых пунктах, 5% сельских школ останутся без водопровода, центрального отопления и канализации, 20% учреждений культурно-досугового типа – в неудовлетворительном состоянии, 20% сельских населённых пунктов не будут иметь связи по дорогам с твёрдым покрытием с сетью автомобильных дорог.

Вывести российское село на траекторию устойчивого развития и создать условия жизни, качественно равные городским, можно только при решении проблемы в рамках жёсткой системы координат: цели и задачи – адекватные ресурсы – желаемые результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20 М.: Издательство политической литературы, 1961.
2. Кремнев И. (Чаянов А.В.) Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. М.: Госиздат, 1920.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. Изд. 7-е. М.: Госполитиздат, 1954.
4. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчёт. Ч. I. М.: Госполитиздат, 1961.
5. Программа КПСС. М.: Госполитиздат, 1962.
6. Бондаренко Л.В. Российское село в эпоху перемен. М.: ФГУП “ВО Минсельхоза России”, 2003.
7. О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2015 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. Вып. 3. М.: Росинформгротех, 2017.
8. Социально-экономические индикаторы бедности // Статбюллетень. М.: Росстат, 2014, 2017.
9. Планирование экономического и социального развития в РСФСР. М.: Советская Россия, 1982.
10. Бондаренко Л.В. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социсследования. 2016. № 3. С. 76–82.
11. Бондаренко Л.В. Совершенствовать программно-целевой подход к социальному развитию сельских территорий // АПК: экономика, управление. 2017. № 3. С. 72–80.

ДИСКУССИОННАЯ
ТРИБУНА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В РОССИИ

© 2018 г. В.А. Тишков

Институт этнологии и антропологии РАН

E-mail: tishkov@iea.ras.ru

Поступила в редакцию 08.01.2018 г.

В статье рассматриваются достижения, тенденции и проблемы в развитии общественных наук, прежде всего гуманитарных — истории, филологии и др. после 1991 г. Автор определяет особенности этой сферы фундаментальной науки и тенденцию роста приоритета отечественной тематики при сохранении установки на изучение глобальной тематики и старой структуры научных учреждений. Предлагается список инновационных тем для будущих планов и проектов. Особое внимание обращено на грантовую политику РГНФ–РФФИ, которая позволила преодолеть кризисные явления, возникшие после 1991 г., скорректировать научную повестку в пользу междисциплинарных, практически ориентированных исследований, а в институциональном плане — в пользу вузовской науки. Автор фиксирует кризисные и негативные явления в современной социогуманитарной науке, особенно связанные с её институциональным обеспечением, нормами научной этики и ответственности. Предлагаются меры по улучшению ситуации, в том числе касающиеся неоправданного сокращения доли грантовой поддержки учёных в системе Российской академии наук — средоточии гуманитарной фундаментальной науки в России.

Ключевые слова: гуманитарные науки, научные достижения, Российская академия наук, РГНФ, РФФИ, гранты, научно-исследовательские институты, вузовская наука, приоритеты, научные стандарты и этика.

DOI: 10.31857/S086958730002144-6

Гуманитарные науки — это блок научных знаний о человеке и обществе, к которым относятся прежде всего такие комплексные дисциплины, как история (включая археологию и этнологию) и филология (включая лингвистику и литературоведение), а также философия и политология, но две последние вне сферы моей компетенции. Вместе с социальными науками — экономикой, социологией, правом, психологией — этот комплекс составляет круг так называемых

общественных наук. Указанное деление довольно условно, некоторые науки трудно отнести к какой-то одной категории, здесь многое зависит от метода, исследовательской задачи и темы.

Можно выделить некоторые отличительные особенности гуманитарных наук:

- необходимость и самостоятельная значимость не только вывода, но и самого описания во многих гуманитарных дисциплинах и, соответственно, специфика научного продукта (монографии, словари, энциклопедии и др.);
- обращённость гуманитарных научных знаний не только к узкому профессиональному сообществу, но и к более широкой аудитории, ибо историю и литературу хотят знать многие, это необходимая часть культурного багажа современного человека, его идентичности;
- большой объём в исследованиях архивных, текстологических, полевых работ (раскопки, этнографические и фольклорные экспедиции, опросы и т.д.);

ТИШКОВ Валерий Александрович — академик РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель ИЭА РАН, член бюро Совета РФФИ.

- первостепенное значение публикации различного рода материалов: архивных документов, памятников письменности, первоисточников и т.д.

ИТОГИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ И ОБЩИЕ ТРЕНДЫ

В последнее время так называемые междисциплинарные исследования занимают ведущее место, ибо именно на стыке разных дисциплин чаще всего рождается новое знание [1, 2]. Не приди 40 лет тому назад к археологам в новгородский археологический раскоп лингвист А.А. Зализняк, не состоялись бы многие открытия в чтении берестяных грамот и истории русского языка. Нынешние антропологи, археологи, искусствоведы сотрудничают с биологами, генетиками, медиками, проникая в тайны артефактов, древних текстов, современного языка и мышления человека.

Наши коллеги физики и математики любят шутить по поводу того, что “есть науки естественные и есть неестественные”, имея в виду под последними общественные науки. Но должен сказать, что нужны и важны все науки, а не только расширяющие наши знания о природе и законах её развития. В отличие от естественных наук, для которых характерны общемировые тематики и тенденции развития (не существует отдельных российской, французской, немецкой химии или биологии), гуманитарные науки имеют более явную страновую специфику с точки зрения приоритетов и решаемых задач. Но и в области общественных наук присутствует общемировая повестка, ибо человек и производимые им культурные явления носят во многом универсальный характер [3].

Для России как страны с мировым геополитическим статусом характерен глобальный и универсальный интерес к явлениям общественного развития, эволюции человечества и отдельных обществ и государств, культурным феноменам и процессам. Поэтому, имея в виду научную стратегию, важно не впасть в две крайности: одна из них — глобальные претензии на изучение всего мира с неизбежным ослаблением интереса к отечественной проблематике; другая — изоляционистская позиция, когда во внимание принимается только Россия, а что происходит, к примеру, в Бразилии или Австралии — не наша забота. Тренд российского общественнознания конца XX и начала XXI века — возрастание отечественных приоритетов по причине утвердившейся в России интеллектуальной свободы, “открытия общества” и его драматического развития. Кстати, автор этой статьи — далеко не единственный учёный-гуманитарий, перешедший с конца 1980-х годов с зарубежной тематики на российскую, ибо здесь открылись новые возможности и собственная страна стала интереснее, чем

зарубежье. Поворот к отечественной тематике подкреплялся формировавшейся в России в 1990-е годы государственной грантовой политикой, а также более живым запросом власти и общественных институтов на разнообразную аналитику и информацию вместо практиковавшихся в советское время зачастую убогих “записок в инстанции” или рефератов малодоступных зарубежных публикаций для незнающих иностранные языки учёных и партийных работников.

Несмотря на кризисные явления начала 1990-х годов и многие сохраняющиеся трудности, прошедшие два-три десятилетия можно оценить как наиболее плодотворный в истории отечественного общественнознания период, с которым трудно сравнить какие-либо предшествующие. Достаточно сказать, что в институтах Отделения историко-филологических наук РАН, например, была радикально расширена тематика и увеличено число публикуемых работ, выполнены крупные научные проекты, вошедшие в золотой фонд российской науки. Это открытия в области ранней истории человечества и освоения им Ойкумены (Государственные премии РФ 2004 и 2012 гг.), исследования новгородских древностей и языка (Государственная премия РФ 2009 г.), создание многотомной “Всемирной истории” и исторической энциклопедии (Государственная премия РФ 2014 г.), энциклопедия “Народы и религии мира” и историко-этнографическая серия “Народы и культуры” (Государственные премии РФ 2001 и 2015 гг.), труды в области китаеведения (Государственная премия РФ 2009 г.). Помимо этих работ нужно назвать фундаментальные труды по истории России, создание корпуса русского языка, академических словарей, подготовку собраний сочинений русских писателей, изучение сибирского фольклора, миноритарных языков, истории религий.

Необходимо признать, что основной объём фундаментальных научных исследований, как это было и в прошлом, выполнялся штатными научными сотрудниками 15 так называемых центральных (Москва и Санкт-Петербург) и примерно 10 региональных (Новосибирск, Екатеринбург, Владивосток, Уфа, Улан-Удэ, Махачкала, Петрозаводск и другие) научно-исследовательских институтов, входящих в состав РАН, с 2013 г. — в систему ФАНО, а с 2018 г. — в систему вновь созданного Министерства науки и высшего образования и под научно-методическим руководством профильного отделения РАН. Все эти годы институты с числом научных сотрудников немногим более трёх тысяч имели скромное, но стабильное государственное финансирование и фактически самостоятельно определяли приоритеты и разрабатывали свои научные планы [4]. Конечно, такая система устарела, ибо обладает большой инерционностью и недостаточной ориентированностью на общественный запрос (или так называемый социальный заказ). Однако в тот же период важную роль в развитии и обновлении гуманитарных наук сыграла поддержка со

стороны созданного в 1992 г. Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), который в 2016 г. вошёл в состав Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). В какой-то мере грантовый отбор научных тем и проектов корректировал низовую научную инициативу, и в этом проявлялось внешнее научное воздействие со стороны экспертов и советов научных фондов [5, 6].

В условиях явного бюджетного недофинансирования за эти годы грантовую поддержку получили более 250 тыс. российских учёных-гуманитариев. К началу 2017 г. было профинансировано более 50 тыс. научных проектов, в том числе: выполнено более 30 тыс. проектов научных исследований; опубликовано в рамках их выполнения свыше 150 тыс. научных статей; проведено около 2,5 тыс. симпозиумов, конференций, семинаров и других научных мероприятий; поддержано около 3 тыс. экспедиций, других полевых исследований; создано более 1 тыс. информационных ресурсов в сети Интернет; издано около 6 тыс. научных книг.

Особенно впечатляет издательская программа в области гуманитарных наук. За 25 лет более 200 российских библиотек бесплатно получили почти 1 млн экземпляров научных книг, изданных при грантовой поддержке. По сути дела, грантовая поддержка в наиболее сложные времена спасла научное книгоиздание в области социогуманитарных наук. И не только спасла, но и помогла вывести его на новый уровень, ведь для учёных-гуманитариев в большинстве случаев книга — это и единственный способ введения полученного в ходе исследований нового знания в научный оборот, и способ внедрения нового знания в практику. Установленные в последние годы контрольно-финансовыми органами ограничения на тираж и на право продажи изданных по грантам научных книг, на мой взгляд, ошибочны и требуют срочного пересмотра. Научная книга очень редко приносит коммерческую прибыль, она должна продаваться и присутствовать на книжных полках магазинов не один год, отвечая на запросы каждого нового поколения учёных и студентов. По крайней мере, такова практика магазинов научной книги в университетских кампусах мира. В России же система продажи научной книги просто разрушилась, в том числе и из-за неповоротливости издательства “Наука”, несмотря на бесспорные заслуги последнего.

С 1998 г. в гуманитарной сфере стали проходить региональные конкурсы РГНФ в соответствии с соглашениями, заключёнными с администрациями и правительствами субъектов Российской Федерации. Эти конкурсы способствуют развитию гуманитарной науки не только в традиционно сложившихся научных центрах, но и по всей стране, они нацеливают учёных на решение проблем

региона. Региональные проекты посвящены изучению языков, литератур, культурного наследия народов России, проблемам социального и экономического развития региональных и местных сообществ и способствуют активизации социогуманитарных исследований в субъектах Российской Федерации. Всего за время проведения региональных конкурсов было поддержано более 11 тыс. научных проектов социогуманитарной направленности, на их финансирование выделено более 1 млрд руб. Учитывая, что поддержка региональных проектов, как правило, осуществляется фондом и субъектами Российской Федерации в равных долях, получается, что и из местных бюджетов к финансированию региональной гуманитарной науки была привлечена почти такая же сумма.

Эффективным способом реагирования на запросы общества, включая интересы органов власти, стало проведение целевых конкурсов проектов междисциплинарных исследований. В связи с объявлением 2006 г. Годом гуманитарных наук, культуры и образования — Годом академика Д.С. Лихачёва — был проведён конкурс “Культурное наследие России”. 2007 год стал Годом русского языка, и РГНФ провёл тематический конкурс “Русский язык в современном мире”. Первый собственно целевой конкурс “Россия в условиях мирового кризиса” прошёл в 2009 г. Начиная с 2011 г. целевые конкурсы проводятся ежегодно. За это время в их рамках поддержано 250 научных проектов на общую сумму более 688 млн руб. Среди успешных по своим результатам можно, в частности, назвать конкурсы: “1150 лет российской государственности”, “1812 год в истории и культуре России”, “Россия в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)”, “Творческое наследие М.Ю. Лермонтова и современность”, “Россия в 1917 году”, “Крым в истории, культуре и экономике России”, “Подготовка словарей русского языка различного типа и назначения”.

Этот позитивный тренд развития отечественной тематики в сфере гуманитарных наук может и должен получить подкрепление, если не только государство, но и частные лица и компании почувствуют вкус и потребность в поддержке гуманитарного знания, в том числе и такого, которое не приносит прямых и быстрых дивидендов. Пока же спонсоры, дающие деньги на изучение, скажем, русских летописей, фольклорную экспедицию, подводную археологию и что-то подобное, воспринимаются преобладающей частью делового сообщества как щедрые чудики, а не как норма. Приведу один пример. Из почти 40 томов серии “Народы и культуры”, посвящённых народам России и сопредельных стран, большинство вышли в свет благодаря поддержке РГНФ–РФФИ, несколько томов о титульных народах российских республик получили

поддержку от республиканских властей. А вот труднее всего оказалось найти спонсоров на тома “Русские” и “Евреи”. В первом случае непонятно было, к кому обращаться за поддержкой: “все за русских, но денег нет”; во втором — труднообъяснимая экономность и внутриеврейские “диспозиции” затянули решение вопроса почти на два года при уже готовой рукописи труда.

Подведу итог. Научная стратегия в развитии гуманитарного знания должна опираться на триединую составляющую: инициативу самих учёных, запрос и поддержку государства и частное спонсирование не только бизнесом, но и институтами гражданского общества, для чего требуется разяснительная работа [2]. Нужно убедить потенциальных спонсоров, что дать деньги на научную экспедицию или издание академического труда не менее достойно, чем оплатить гала-концерт или престижный приём.

СКОЛЬКО И КАКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ НУЖНО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

Отечественная гуманитарная наука с момента её становления развивалась на мультидисциплинарной основе и отличалась всеохватными установками и амбициями, которые во многом были оправданы и подтверждались реальными достижениями. Достаточно привести примеры комплексных кругосветных экспедиций Российской академии наук времён Российской империи (И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лисянский, О.Е. Коцебу и другие) или советской номенклатуры академических научных институтов общественно-гуманитарного профиля, которая охватывала все основные дисциплины, регионы и страны, а также мировые процессы в целом. Так, в годы краха колониальной системы и рождения десятков новых стран в АН СССР создали Институт Африки, случилась Кубинская революция — появился Институт Латинской Америки, в период войны во Вьетнаме Институт востоковедения получил 100 новых ставок. После 1991 г. сформированная в СССР система НИИ сохранилась как феномен всеохватного интереса с отсылкой на роль страны в мире, отчасти — по инерции. Какие здесь возможны перемены — вопрос важный и явно не предполагающий волюнтаристских решений. Однако, на мой взгляд, в России нет смысла сохранять глобальный фронт гуманитарных исследований в старом советском варианте, но нужно без крайностей изоляционизма скорректировать научные приоритеты вокруг отечественной проблематики и части глобальных проблем, имеющих прямое отношение к национальной безопасности, к обеспечению экономической и культурной конкуренции во внешнем мире.

В области исторических наук это прежде всего история России, в области археологии и этнологии — историко-культурное наследие, этническое и религиозное многообразие на территории исторического Российского государства, в области востоковедения — евразийский компонент российского прошлого и настоящего. Корректировка в пользу собственно российской тематики возможна и необходима по всему комплексу гуманитарных дисциплин, конечно, в разумных пределах. Потребность в знании о внешнем мире и о прошлых эпохах человеческой истории должна сохраняться в образовательных целях и в целях внешней политики, российской дипломатии и бизнеса.

В области филологических наук следует поддерживать мировой уровень российской лингвистики, хотя увлечённость структурной лингвистикой проходит, а на передний план выходят современные языковые процессы, языковая политика и так называемая корпусная лингвистика. Нам бы следовало возродить интерес к классическому литературоведению, особенно в том, что касается изучения истории русской литературы и её мирового значения. Нынешние поколения россиян всё меньше “читают и перечитывают классику”, как к тому призывает известная передача на телеканале “Культура”. Кстати, в планах РФФИ — организация целевых конкурсов, посвящённых творчеству Ф.М. Достоевского, А.М. Горького, В.В. Маяковского.

Особое место с учётом многонациональности нашей страны занимают гуманитарные исследования в республиках Российской Федерации. Здесь почти повсеместно существовали один-два научно-исследовательских института гуманитарного профиля, входивших в систему АН СССР, а позднее — в РАН. Эти коллективы не отличались особо выдающимися достижениями, но свой скромный хлеб отработывали вполне достойно, а самое главное — здесь велась разработка не только локальных проблем, но, что очень важно, и таких, которые имеют общероссийское и даже мировое значение. Ну, скажите, где ещё в мире лучше всего изучать калмыцкий язык и эпос “Джангар”, как не в самой Калмыкии? Где ещё возможно полноценное исследование уникального для всего мира языкового разнообразия Дагестана — этой “горы языков”, как не в профильном гуманитарном институте Дагестанского научного центра РАН? И так по всем республикам, где сохраняется и изучается историко-культурное наследие народов России как часть мирового культурного достояния. Не говорю уже о том, что республиканские учёные-гуманитарии работают на сохранение языков, традиций и поддержание этнокультурной идентичности титульных народов республик. В то же время их принадлежность к Российской академии наук и связь

с её ведущими институтами обеспечивают подготовку кадров учёных, должны научные стандарты и предохраняют от риска впасть в периферийный изоляционизм. Это замечание важно, ибо часть гуманитарных институтов в республиках уже попала под нож проводимой ФАНО реструктуризации академических научных учреждений.

Какие старые приоритеты стоит сохранять и какие новые можно предложить? Есть ряд так называемых классических дисциплин и научных занятий, требующих постоянной поддержки и развития как бы по самому факту своего существования и российской ответственности за их развитие. Назовём наиболее важные из них:

- исследования в области русской словесности и культуры, языков и культур народов России и общенационального историко-культурного наследия;
- исследования образа жизни, интересов и потребностей, традиций и ценностей жителей страны, жизненных смыслов и стратегий современных россиян;
- основы социальной жизни и организации общества на всех его уровнях — от общенационального до регионального и локального;
- исторический опыт управления и самоуправления культурно сложным обществом;
- условия, механизмы и формы воспитания ответственного гражданина, правовой культуры;
- психологическое состояние общества, гражданская солидарность и согласие.

Достижения по всем этим направлениям различаются с точки зрения уровня разработок, но везде ощущается недостаток в объединении усилий представителей гуманитарных дисциплин вокруг крупных проектов, есть потребность в инновационных исследовательских методиках.

Грантовая политика последних лет и шаги по инвентаризации системы научных учреждений, казалось бы, ориентируют на междисциплинарность, на создание творческих коллективов с охватом в том числе и вузовской профессуры. От последней требуют научной продукции самого высокого уровня, и за это Минобрнауки России было готово щедро платить, но, к сожалению, не всем, а только вузам-лидерам, избранным для вхождения в число ста ведущих вузов мира. Однако линия поддержки вузовской науки, в том числе за счёт сокращения поддержки академического сектора, вошла в конфликт с установкой на резкое повышение заработной платы профессуры, ибо последнее оказалось возможным только при условии увеличения учебной нагрузки. Не нужно обманываться: нынешние чрезмерные нормы аудиторной занятости преподавателей не оставляют им времени и сил

для занятий наукой. К этому добавились разные “укрупнительные” инициативы в университетах, в результате которых стали исчезать классические исторические и филологические факультеты, а также самостоятельные кафедры по научным направлениям, где и делалась вузовская наука.

В итоге вузовская гуманитарная наука в России как была, так и осталась провинциальной, вторичной, ожидаемых прорывов здесь не произошло, кроме хороших показателей четырёх-пяти главных университетов страны, способных привлекать совместителей из академических институтов. Вузовские учёные российской провинции пытаются пробиться в число научных авторитетов, но без среды, контактов, командировок, а самое важное — без продолжительных творческих отпусков особых сдвигов не произойдёт. Как минимум, каждый пятый учебный год должен быть для вузовских преподавателей свободным от учебных занятий и отведён для научных изысканий. Такова мировая практика, которая никак не утвердится в России. Но даже если произойдёт существенное улучшение качества гуманитарной науки в вузах, что можно только приветствовать, всё равно Российская академия наук и её научно-исследовательские институты останутся главными центрами фундаментальной науки в нашей стране. Именно отсюда и частично от зарубежных коллег исходят научные новации по части тем и методик.

Несмотря на фактически сохранившуюся за 25 лет систему научно-исследовательских институтов в системе РАН и их кадрового и финансового обеспечения, всё же происходит некоторая перегруппировка в соотношении основных обществоведческих дисциплин хотя бы на уровне грантовой научной политики. В этой связи интересные выводы можно сделать из анализа поддержанных за 25 лет деятельности РГНФ проектов по различным областям социогуманитарного знания. Традиционно среди таких проектов особенно высока была доля историко-филологических наук. Так, в 1996 г. по истории, включая археологию и этнографию, было поддержано 31% от всех профинансированных проектов, по филологии — 20%, итого — 51% всех поддержанных проектов были по истории и филологии. В 2004 г. ситуация была следующая: история — 26,6%, филология — 18,4%, итого — 45%. В 2016 г. проекты по истории составили 22% от числа поддержанных, по филологии — 21%, итого — 43%. Как видим, распределение поддержанных проектов историко-филологического блока не остаётся постоянным, но всегда лидировала история, а весь этот блок, оставаясь по-прежнему лидером, несколько уступил свои позиции и уже не дотягивает до 50% в общем количестве предоставленных грантов.

Кстати, уменьшилась и доля одобренных проектов по комплексу наук, объединяемых обычно под

рубрикой “общественные науки” (с 23,1% в 1996 г. до 19% в 2016 г.). Зато значительно увеличилась поддержка грантов по блоку наук, объединяющему психологию, педагогику и комплексное изучение человека (с 8,5% в 1996 г. до 19% в 2016 г.). Доля экономических наук выросла не так значительно (с 12,5% в 1996 г. до 15% в 2016 г.). Возникло новое направление, по которому поддерживаются научные проекты, — “глобальные проблемы и международные отношения”, однако их доля невелика: в 2016 г. всего 2%.

Анализируя приведённые цифры, конечно, вряд ли правильно будет делать окончательные выводы о каком-то глобальном переструктурировании поля гуманитарных наук. Но всё же можно отметить одну тенденцию, подтверждаемую, кстати, и наблюдениями других исследователей: повышается интерес к тем сферам социогуманитарного знания, которые предполагают более короткий путь от фундаментальных разработок к их прикладному использованию. Таковыми, без сомнения, являются психология, педагогика, социальные проблемы здоровья и экологии человека, экономика. Не берусь оценивать эту тенденцию, однако, судя по всему, это общее веяние времени, выражаемое кратко словом “прагматизм”.

Признавая первичность инициативы самих учёных, рискну предложить перечень перспективных тем и приоритетов в области социогуманитарных наук.

1. Исследование феномена коллективной и личностной идентичности россиян, включающей в себя такие составляющие, как чувство сопричастности с Родиной, понятие общественного блага, ответственности за собственные здоровье и семью, соблюдение прав и обязанностей.

2. Проблема жизненных приоритетов и смыслов разных возрастных категорий и социальных групп с учётом не только прошлого опыта и традиций, но и современных ценностей и интересов.

3. Пространственное развитие российской нации с учётом географического и хозяйственного факторов, исторического опыта освоения природных ландшафтов и ресурсов, а также динамики этнического состава и миграции населения.

4. Проблема индоктринации и рекрутирования представителей разных групп, возрастов и национальностей в радикальные идеологии и общественные практики как условие для проявления экстремистского насилия, включая терроризм.

5. Проблема “культурных пригородов” в виде районов массовой застройки с отсутствием форм социального контроля, общественной самоорганизации и чувства жизненной удовлетворённости.

6. Грозящие конфликты на основе культурных и социальных различий между старожильческим

населением посёлков и деревень и населением новых мегаполисов.

7. Проблема сохранения природной и исторической среды обитания, культурной памяти, сакральных мест в условиях рыночной экономики и частной собственности на землю и ресурсы.

Это очень широкие темы, разработка которых невозможна без участия экономистов, социологов, политологов и специалистов других направлений, научные интересы которых лежат за пределами сугубо гуманитарных дисциплин.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В этой области существуют серьёзные проблемы и самая главная из них — разрушение профессиональных стандартов, нравственно-этических норм и ответственных межличностных отношений в среде научных работников и профессорско-преподавательского состава. В сферу образования и науки, не изжив практики старого советского так называемого номенклатурно-телефонного права, агрессивно внедрились коммерческо-денежные интересы и погоня за научными степенями (к сожалению, преимущественно в области социальных и гуманитарных наук) со стороны “людей с ресурсами”, амбициозных и полукриминальных личностей.

Научное сообщество не смогло выстроить барьеры этому явлению, а часть его представителей сама приняла участие в изготовлении учебных и научных работ “на заказ”, в “остепенении” чиновничьей братии. До последнего времени не было никаких ограничений для госслужащих и других влиятельных лиц на приобретение (покупку) степени и звания. Предыдущий руководитель верхней палаты российского парламента как-то хвастался, что три четверти сенаторов имеют научные степени и звания, поэтому особой нужды в научном обеспечении своей деятельности такой сенат не имеет! Проблема недостаточной компетенции при выработке политических решений не входит в задачу данной статьи, но такая проблема, безусловно, существует.

Длительное существование своеобразной формы академической коррупции, особенно в вузовской среде и в части академических институтов, привело к воспроизводству поколения малоквалифицированных представителей научной интеллигенции, деградации представлений о научности как таковой и научной этике. Это новое кризисное явление усугубило старые проблемы организации гуманитарных исследований: наличие в кадровом составе значительного числа малопродуктивных и даже неспособных к научной работе работников институтов и вузов, инерция в исследовательской деятельности, отсутствие инициативы в поиске источников и заказчиков-потребителей

научных результатов. По Институту этнологии и антропологии РАН, которым я руководил 26 лет, могу сказать с уверенностью, что примерно треть научных сотрудников утратила способность или прекратила свою научную деятельность, ещё треть довольствуется минимальными показателями, и лишь на оставшуюся треть приходится основной объём значимых научных результатов. Всякие разговоры, что для научных “звёзд” нужен “бульон” из середняков и слабых, несостоятельны, скорее, они носят оправдательный характер. Может быть, в каких-то учреждениях этот балласт не так велик, но проблема научных коллективов как своего рода “собеса”, где можно годами жить за счёт других, остаётся. Возможно, она самая главная, ибо отсюда проистекают уравниловка и недоплата тем, кто заслуживает большего. Пока проводимое ФАНО кадровое обновление институтов и вузов этой проблемы никак не касается. Одним из вариантов её решения могут быть своего рода “научные пенсии” для уходящих в отставку работников и более четкие квалификационные требования. Печально известные “ПРНД” в научных учреждениях не работают, а придуманные кабинетными умниками новые показатели носят ещё более неадекватный характер. Как раз самые нерадивые и ловкие оказываются первыми по разным формальным показателям, проплатив в том числе для себя даже “зачётные” публикации.

Инициативы последних четырёх лет по реорганизации академической науки мало что дали российским гуманитариям: балласт (малопродуктивные и фактически неработающие люди в науке) не был затронут реорганизацией институтов, проникновение случайных людей и их “остепенение” не прекратилось, морально-нравственный климат в системе научных сообществ не стал чище. Ко всему этому добавилась растущая индустрия изготовления платных публикаций и надувания наукометрических показателей, в чём опять в большой степени отличились именно гуманитарные науки. Оказавшиеся в списке рейтинговых, по сути, “мусорные” журналы (за давние заслуги или за громкие имена на титулах) стали пухнуть от денежных заказов на публикацию статей, но так и остались низкопробными изданиями. Качественные научные журналы, где есть обязательное анонимное рецензирование и где работают редакционные коллегии, вынуждены тратить массу усилий, чтобы попасть в эти престижные списки без лоббистских усилий.

Или другая болезненная проблема: вдруг выясняется, что интернет-версия журнала невозможна, ибо сам он когда-то и кем-то был продан коммерческой фирме, которой важно не донести знание до специалистов, а продать побольше подписных экземпляров. Такова, например, история с компанией “Ист-Вью пабликейшн”, которая подобрала под себя зарубежную подписку научных журналов и в запутанном тандеме с издательствами “Наука” и “Плеядес

паблишинг” лишила издательских прав научные институты, создавшие эти журналы и обеспечивающие их работу поныне. Приведу в качестве примера некогда главный академический журнал историков “Вопросы истории”, который 25 лет тому назад приватизировал коллектив редакции и который превратился в хилый семейный междусобойчик, но пребывает в списке Web of Science за свою давнюю славную историю. Теперь, благодаря платным статьям, денежные дела у журнала пошли в гору, но никак не в смысле научного уровня публикаций.

Невиданная вещь стала твориться в науке: теперь статьями по гуманитарным наукам могут считаться тексты в 3–5 страниц, лишь бы были ключевые слова, английское резюме и список литературы. В одном из таких новомусорных журналов по этносоциальным проблемам я обнаружил в каждой из статей в списке литературы работы главного редактора журнала, и так — из номера в номер и независимо от темы! Это явный пример паразитической системы “выращивания” наукометрических показателей. Но сам журнал тронуть трудно: на самом вершине в председателях попечительского совета стоит такая фамилия, что лучше не связываться.

Вынужден отметить, что в России в самые последние годы наблюдается падение престижа учёных-гуманитариев, пренебрежение профессиональным знанием, расцветает паранаука и эзотерические, антинаучные конструкции и намеренные фальсификации [7]. Политики и пропагандисты не выдерживают искушения так называемым презентизмом, проявляющимся в формулировании и навязывании таких концепций и оценок истории и явлений культуры, которые годятся на потребу дня и совсем необязательно находятся в согласии с наукой. Миф объявляется истиной, если в него уверовали конструкторы субъективных предписаний и вместе с ними — массовый потребитель. Обращение к подлинности считается ненужным и даже вредным.

Принятые отечественной наукой концепции истории России подвергаются ревизии со стороны внешних политизированных интерпретаторов русофобской направленности и внутренних неофитов разного толка — от ультраконсервативных активистов до авторов сугубо скандальной направленности. Объясните мне, зачем крупному российскому издательству публиковать книгу некоего Понасенкова с бредовой версией истории Отечественной войны 1812 года? Если с целью заработать копейку на скандальности, то это очень плохо, если же по причине некомпетентного отбора — тогда ещё хуже. Создаётся впечатление, что российские издатели перестали заботиться о репутации и воздействии своей продукции на мораль, психику и компетенции россиян, главное для них — продать и заработать.

Уже три десятилетия полки наших книжных магазинов заставлены историческими “трудами” с золотыми обрезами, авторы которых намеренно выступают разрушителями научно-академических взглядов на историю, сочиняют эзотерические версии происхождения человека, человечества и отдельных народов, не гнушаясь расизмом и экстремистскими трактовками. Эта антинаучная муть по своему вредному воздействию на читающих граждан мало чем отличается от антироссийских фальсификаций, вызывающих справедливое осуждение общественности. На наших глазах популярные ненавистники России типа Т. Снайдера и Э. Аппелбаум натаскивают нынешнее поколение западной молодёжи на полную ревизию фундаментальных научных версий истории XX столетия. Мало чем отличаются по своей антинаучной заданности и отечественные реабилитаторы Сталина и массовых репрессий или создатели ореола святости вокруг российской монархии. В такой ситуации профессиональных гуманитариев зачастую охватывает чувство безысходности и желание закрыться в академических “башнях из слоновой кости”, что, по сути, является ошибочной позицией.

Нынешняя ситуация в российской гуманитарной науке требует программы мер концептуально-теоретического, институционального, научно-организационного характера. Среди них можно предложить следующие.

1. Поднять престиж важнейших направлений социально-гуманитарных наук, включив некоторые из них в перечень соответствующих важнейших научных направлений, утверждённых на уровне государства.

2. Провести общественные дискуссии и выработать разделяемые научным сообществом нормы и подходы к критериям научности и профессионализма в области гуманитарных наук.

3. Выработать качественные и репутационные критерии в оценке эффективности деятельности исследовательских институтов, групп, отдельных ученых в области гуманитарных наук.

4. Провести реформу ВАК, обновить советы по присуждению учёных степеней и выполнить внешнюю экспертизу правомочности вузов самостоятельно присуждать учёные степени.

5. Принять более строгие критерии для учреждения научных изданий и их включения в так называемый список ВАК, а также условия и критерии для грантовой поддержки и проведения конференций в области социально-гуманитарных наук.

6. Повысить персональные требования к учёным и их ответственность за подготовку диссертаций, отзывов о работах, рецензирование публикаций и оценку грантовых заявок.

7. Снять излишние бюрократические ограничения по части условий расходования средств, отчётности и реализации итогов выполненных по грантам исследований.

Но самое важное предложение — хотя бы частично отыграть назад дискриминационную политику в отношении академических научно-исследовательских институтов, которые и без того отстали от вузовской профессуры по части оплаты труда, а за последние четыре года пережили сокращение доли и в грантовых субсидиях. Применительно к социогуманитарным наукам в 1996 г. доля выполняемых в институтах РАН и других государственных академий наук проектов составила 54% от всех поддержанных. В 2013 г. она снизилась до 52%, а в 2016 г. — 26,3%. В вузах (включая МГУ) в 1996 г. выполнялось 20% поддержанных проектов, в 2013 г. — 33%, а в 2016 г. — 53%. Здесь налицо резкий рост числа и объёма финансирования выполняемых в вузах проектов и драматическое сокращение числа проектов, выполняемых учёными академических институтов, причём именно в последние три года (с 52% в 2013 г. до 26,3% в 2016 г.). Некоторые полагают, что это всего лишь последствия слияния двух фондов, но мне представляется, что без намеренных установок и настроений экспертов здесь дело не обошлось, и эту неблагоприятную для академических учёных ситуацию следует исправить.

Хотя всё высказанное отражает мою личную позицию как учёного, смею надеяться, что предложенный анализ ситуации станет предметом обсуждения и поводом для возможных корректив в области отечественной научной стратегии.

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда, проект № 14-18-03090.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковальчук М.В. Наука и жизнь: моя конвергенция. Т. 1. М.: ИКЦ “Академкнига”, 2011.
2. Лебедев С.А. Основные модели развития научного знания // Вестник РАН. 2014. № 6. С. 506–513.
3. Тишков В.А. О пользе гуманитарного знания // Независимая газета. 2012. 12 сентября.
4. Наука России в цифрах: 2014. Статистический сборник. М.: ЦИСН, 2014.
5. Семёнов Е.В. Явь и грёзы российской науки. М.: Наука, 1996.
6. Воротников Ю.Л. Российский гуманитарный научный фонд: 10 лет в системе государственной поддержки гуманитарных исследований // Благый фонд, благое дело. К 10-летию Российского гуманитарного научного фонда. М.: РГНФ, 2004.
7. Тишков В.А. Новая историческая культура. М.: Изд-во МГОУ, 2011.

ТОЧКА
ЗРЕНИЯ

КОНСТИТУЦИОННО ЗНАЧИМЫЕ НЕСОВЕРШЕНСТВА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2018 г. М.И. Клеандров

Институт государства и права РАН, Москва, Россия

E-mail: mklean@ksrf.ru

Поступила в редакцию 07.03.2018 г.

В статье рассматриваются фундаментальные недостатки нынешнего отечественного организационно-правового механизма судебной власти — всех трёх его составляющих: судостроительной, судопроизводственной и судебско-статусной, которые в той или иной мере не соответствуют положениям ст. 10, ч. 1 ст. 19, ч. 5 ст. 32, ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 47, пункту “л” ч. 1 ст. 72, ч. 2 ст. 118, ч. 2 и 3 ст. 128 Конституции РФ. По мнению автора, локальным изменением отдельных законодательных норм и корректировкой правоприменительной практики исправить ситуацию невозможно. Необходимы научно обеспеченная разработка, утверждение и реализация государственного проекта под условным названием “Справедливый суд”, что позволит провести радикальные модернизационные комплексные преобразования всего механизма российского правосудия, по своему масштабу сопоставимые с Судебной реформой 1864 г.

Ключевые слова: суд, судебная власть, механизм правосудия, фундаментальные недостатки, конституционно значимые несовершенства, государственный проект “Справедливый суд”.

DOI: 10.31857/S086958730002145-7

Правосудие как способ несилового разрешения споров, ссор и конфликтов зародилось задолго до образования государства. В самой зачаточной форме оно было “открыто” первобытным человечеством, видимо, одновременно с началом использования огня, и можно утверждать, что в истории человеческой цивилизации эти открытия сыграли примерно равную роль. Развиваясь, правосудие обрело организационно-правовой механизм своего отправления, структурировалось,

специализировалось, порой принимало весьма причудливые формы и к настоящему времени превратилось в большинстве стран в самостоятельную ветвь государственной власти.

На протяжении тысячелетий главным движущим звеном данного механизма был судья. Вначале эту роль брали на себя вождь племени, жрец, властитель, судебские функции которого, по бытовавшим представлениям, восходили к божественному началу, потом — административная, выражаясь современным языком, фигура, для которой судебские полномочия не были основными и осуществлялись как бы по совместительству. В России, как и в других государствах, примерно полтора века назад образовался класс профессиональных судей, единственной функцией которых стало непосредственное осуществление правосудия.

В самом упрощённом виде правосудную деятельность судьи, судебный процесс можно свести при рассмотрении конкретного дела к выполнению двоякой задачи: установлению того, “что там происходило на самом деле”, и юридической оценке того, “что там произошло”. При этом центральной функцией правосудия было, есть

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИГП РАН, главный редактор журнала “Государство и право” РАН.

и обязательно будет восстановление порушенной справедливости.

Безусловно, обеспечение справедливости в обществе — важная задача государства, его органов и его служащих. Но для государственного механизма правосудия — это центральная догма. Недаром известный остроумец С.Е. Лец верно подметил: “Как судить о другом государстве, не погрешив против справедливости? Проще всего — на основании его суда” [1, с. 183]. Поэтому можно сказать: каков суд, таково и государство. И наоборот.

Каков же суд у нас, в нашем государстве? Ответит ли он потребностям нашего общества в справедливом правосудии? Отсюда — что надо сделать, чтобы он стал лучше, справедливее?

Ответ зависит от адресата вопросов. Наверняка, некоторые из адресатов заявят: “суд наш хорош”, “судьи справедливы”, а “судебные решения почти безукоризненны”, и “в механизме правосудия нужно лишь провести незначительную рихтовку: поправить некоторые законы, немного улучшить судебную практику”, а на возражение: почему же в обществе крепко убеждение, что справедливость в наших судах можно найти не всем, не всегда, не во всём (и это — мягко сказано), ответят: “Народ сам виноват: законы не знает, судебную практику не изучает, даже свои требования к суду толком сформулировать не может”. То есть обществу нужно подтянуться до уровня суда. В этом случае единственное, что нужно сделать для улучшения правосудия, — провести пропагандистскую кампанию, “открыть народу глаза”, показать, какой у нас прекрасный суд. Но это, если исходить из представления: общество для суда (почти библейская дилемма — человек для субботы или суббота для человека?). Однако, если исходить из представления о том, что суд существует для общества (а именно этим постулатом и нужно руководствоваться), то картина становится совсем иной, как и задачи в сфере улучшения правосудия.

Так каков же сейчас наш суд — справедлив ли, скор ли, прав ли объективно? Имею в виду не конкретный суд как судебный орган, не отдельную судебную коллегия, судебный состав, не персонально данного судью, а весь совокупный организационно-правовой механизм правосудия, состоящий из трёх вышеназванных сегментов и соответствующей судебной инфраструктуры.

Разумеется, наш суд сегодня не столь плох, как нам пытаются внушить апологеты несостоятельности российского государства (справедливости ради стоит сказать, что сегодня их голос тонок, несопоставим со звучавшим даже 10 лет назад). Но всё-таки каков он объективно, с учётом качественно новых задач, вставших перед ним сравнительно недавно, когда появились новые виды и составы

правонарушений, включая тяжкие преступления, обусловленные плодами научно-технического прогресса?

Чтобы лечить любую болезнь (социальные — не исключение), необходимо поставить диагноз. И такой диагноз, такую по-настоящему объективную оценку состояния сегодняшнего отечественного правосудия дал наш судейский корпус. Эта объективная оценка содержится в принятом единогласно постановлении № 1 от 19 декабря 2012 г. “О состоянии судебной системы Российской Федерации и основные направления её развития”, принятом VIII Всероссийским съездом судей. В его преамбуле говорится: “Всё более настоятельной потребностью становится необходимость разработки государственного проекта стратегических преобразований организационно-правового механизма отечественного правосудия, конечной целью которого стало бы построение справедливого суда, отвечающего чаяниям российского общества. К отысканию путей решения этой задачи целесообразно привлечь потенциал высших судов страны, соответствующих государственных органов, научных учреждений, органов судейского сообщества и общественных формирований” [2, с. 37]. При этом следует принять во внимание, что избрание делегатов Всероссийского съезда судей (их менее 1 тыс.) всем судейским корпусом страны (около 35 тыс. человек) проходит по сложной квотируемой системе, поэтому можно утверждать: голос съезда — это голос всего судейского корпуса.

Таким образом, ставится задача разработки государственного проекта стратегических преобразований механизма правосудия. Но, увы, никакой реакции на это постановление не последовало, и на IX Всероссийском съезде судей в декабре 2016 г. о процитированном призыве даже не упоминалось. Причина очевидна: попросту некому организовать разработку проекта, некому привлечь к ней профессионалов, включая учёных, некому эту работу финансировать, координировать, контролировать. В нашей стране до сих пор нет так необходимого государственно-властного органа, представляющего судебную власть, органа, стоящего в одном ряду с федеральным парламентом, представляющим законодательную власть, и федеральным Правительством, представляющим исполнительную власть. Органа, разрабатывающего стратегию судебного строительства, всего механизма правосудия в стране, обеспечивающего реализацию стратегических решений, отвечающего в конечном счёте за то, чтобы общество положительно оценивало наше правосудие.

Верховный суд РФ не может быть таким органом: в соответствии со ст. 126 Конституции РФ он является высшим судебным органом по

гражданским, уголовным, административным делам, разрешению экономических споров и иным делам, подсудным судам; осуществляет судебный надзор, даёт разъяснения по вопросам судебной практики. Да и право законодательной инициативы у него ограничено ч. 1 ст. 104 Конституции РФ пределами собственного ведения. А то, что он иногда выходит с отдельными законопроектами за эти пределы, так это от безысходности — интересы механизма правосудия подчас настоятельно требуют законодательного решения, а его инициировать некому. На роль названного органа не могут претендовать также ни Конституционный суд РФ, ни какой-либо орган судейского сообщества, ни тем более Судебный департамент при Верховном суде РФ.

Между тем примерно в половине государств мира, в том числе в ряде стран СНГ, такие конституционные органы есть. У них различная компетенция, разные способы формирования, зоны ответственности, но обычно в их наименовании присутствует слово “Совет”. На них чаще всего замыкаются вопросы финансирования и материально-ресурсного обеспечения судебной системы, комплектования судейского корпуса, обучения кандидатов на судейские должности и повышения квалификации судей, нередко — решение вопросов их дисциплинарной ответственности и т.д. Практически везде — это “генеральный штаб” судебной власти государства, определяющий стратегию развития в нём правосудия. Иногда им руководит президент страны. Например, во Франции ст. 64 Конституции провозглашает: “Президент Республики является гарантом независимости судебной власти. Ему содействует Высший совет магистратуры”, а ст. 65 устанавливается, что высший совет магистратуры возглавляет Президент Республики [3, с. 53, 63]. И эти органы бурно развиваются. Например, в Армении в феврале 2018 г. Высший судебный совет заменил Совет юстиции; в Казахстане весной 2016 г. была принята новая редакция Закона “О Высшем совете правосудия”, существенно расширившая его полномочия.

В нашей стране подобный орган мог появиться в 1993 г. как Высшее судебное присутствие (ст. 125¹ “ельцинского” проекта Конституции РФ) или же в 2001 г. как Высший судебный совет, предложение о создании которого было сформулировано Рабочей группой по вопросам совершенствования законодательства РФ о судебной системе, образованной распоряжением Президента РФ В.В. Путина

¹ Небезынтересно, что, выступая 5 июня 1993 г. на пленарном заседании Конституционного совещания, Б.Н. Ельцин, не отвергая идею данного государственного института, предложил лишь изменить подходы к его формированию [4, с. 519, 523]. Чёрные дни октября 1993 г. перечеркнули эту плодотворную идею.

от 8 ноября 2000 г.² Эти идеи не были воплощены в жизнь, но объективная потребность в таком органе не исчезла, более того, возрастает³. Есть настоятельная потребность в реализации тех или иных функций, которые должны исполняться государственно-властным органом, олицетворяющим и представляющим судебную власть страны, но поскольку он не создан, эти функции исполняют государственно-властные органы, представляющие иные ветви государственной власти. Например, Федеральные целевые программы “Развитие судебной системы России” на 2002–2006 гг., на 2007–2011 гг. и на 2013–2020 гг. разрабатывались органами исполнительной власти и утверждались Правительством РФ. А ведь в этих программах содержатся не только и не столько вопросы финансового, материально-ресурсного и иного обеспечения судебной системы. В ныне действующей Программе, утверждённой постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406, содержится указание на её цели (повышение качества осуществления правосудия, совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций и др.), её задачи (обеспечение открытости и доступности правосудия, обеспечение независимости судебной власти и др.), её целевые индикаторы (снижение доли граждан, считающих организацию работы судов неудовлетворительной, с 19,1% в 2012 г. до 5% в 2020 г.). При этом руководителем Программы назван министр экономического развития РФ, который, как в ней установлено, несёт персональную ответственность за её реализацию и конечные результаты.

Но ведь всё это не вписывается в провозглашённую ст. 10 Конституции РФ формулу принципа разделения властей: “Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны”. Не Конституция РФ виновата в сложившейся ситуации, не Правительство РФ — страшно представить, что было бы с механизмом правосудия, прежде всего с его инфраструктурой, если бы не эти федеральные целевые программы (а они до 2002 г. отсутствовали, и о том периоде судьи, работавшие тогда, и вспоминать не хотят). Просто здание нашей государственной власти не достроено

² Это предложение не прошло, по всей видимости, из-за попытки возложить на данный орган функции суда — рассмотрение возможных споров о подведомственности дел между Конституционным, Верховным и Высшим арбитражным судами РФ, что потребовало бы внесения изменений в Конституцию РФ.

³ Обоснование необходимости в таком органе, абрис его конструкции, полномочий и иные аспекты предложены автором в [5].

именно указанным выше государственным органом. С его созданием удастся ликвидировать одно очень серьёзное конституционно значимое несовершенство механизма судебной власти России, а ст. 10 Конституции РФ не будет в этом сегменте нарушаться.

Сопоставлением с положениями ст. 10 Конституции РФ несовершенство механизма судебной власти, к сожалению, не ограничивается. Далее будут названы ещё несколько конституционных положений, которым не соответствуют (или даже нарушаются) урегулированные правом и сложившимся устойчивым правоприменением определённые общественные отношения. В данном случае речь идёт не о несовершенстве самой Конституции РФ, а о несовершенстве отдельных звеньев механизма правосудия — оно не достроено до уровня, закреплённого Конституцией РФ.

В ч. 1 ст. 19 Конституции РФ провозглашается равенство всех перед законом и судом. Однако в реальности — в конкретном сегменте — это требование не обеспечено ни в части закона, ни в части суда. Приведу пример. Житель Санкт-Петербурга, посчитавший, что его права и законные интересы, закреплённые Уставом г. Санкт-Петербурга, нарушены законом этого города, обратился за защитой своих прав в Уставный суд Санкт-Петербурга — специализированный одноинстанционный судебный орган субъекта РФ, созданный именно для разрешения таких дел. А житель другого субъекта РФ — Москвы — в абсолютно идентичной ситуации вынужден обращаться в Мосгорсуд, поскольку Уставного суда в Москве нет. Мосгорсуд — суд общей юрисдикции, и требования заявителя о нарушении его прав, закреплённых Уставом г. Москвы, рассматривают судьи административной коллегии Мосгорсуда, причём по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ, а не в режиме конституционно-уставного судопроизводства. В тех субъектах РФ, в которых конституционные (уставные) суды не созданы, конституционный (уставный) нормоконтроль по правилам административного судопроизводства судами общей юрисдикции допускается только в целях реализации гарантированного ч. 1 ст. 46 Конституции РФ права на судебную защиту (п. 1 постановления пленума Верховного суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части” [6, с. 396]). То есть житель Санкт-Петербурга получит защиту специализированным правосудием, а житель Москвы — неспециализированным. Таких субъектов РФ, как Санкт-Петербург, у нас в стране 16, а таких, как Москва, 69. И нет у их жителей равенства ни перед законом, ни перед судом в этом сегменте их конституционных прав.

Далее. Ч. 5 ст. 32 Конституции РФ провозглашает: “Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия”. Разумеется, здесь речь идёт о судебных заседателях, а не о профессиональных судьях, которым посвящена ст. 119 Конституции РФ. Что означает “имеют право участвовать”? Здесь нет ни условий, ни ограничений, кроме ценза гражданства РФ, значит, гражданин захотел участвовать в отправлении правосудия — ему должна быть предоставлена возможность реализовать это его конституционное право. Но действующие институты судебных заседателей на реализацию такого права граждан не нацелены. Присяжные заседатели для участия в отправлении правосудия по конкретным уголовным делам отбираются по жребию, а жребий данное желание гражданина “не воспринимает”. Арбитражные заседатели — это вообще судьи-эксперты в определённой сфере экономических отношений, в каждом арбитражном суде субъекта РФ их корпус формирует сам суд, исходя из потребностей в специалистах того или иного профиля. Других институтов судебных заседателей у нас сегодня нет, однако даже если бы они были (в лице народных заседателей), не факт, что каждый желающий гражданин РФ смог бы таким заседателем стать — процедуры их отбора и утверждения отсекали бы многих потенциальных участников. Вместе с тем представители народа крайне желательны в осуществлении правосудия. Повысилась бы прозрачность судебных процессов и доверия людей к суду, сократилось бы число хамских проявлений со стороны судей и работников суда. Ч. 5 ст. 32 Конституции РФ принималась не для того, чтобы только присутствовать в ней — она должна быть обеспечена реальным содержанием и применением в жизни.

Или такое противоречие. В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции РФ каждому гражданину гарантируется судебная защита его прав и свобод. В этой связи весьма характерна трактовка доступа к правосудию Федеральной целевой программой “Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы”, где в разделе I сказано: “Важнейшим фактором обеспечения доступа к правосудию является создание необходимых условий для осуществления правосудия, то есть размещение федеральных судов в зданиях, отвечающих современным требованиям осуществления правосудия...”. Но ведь в принципе правосудие можно осуществлять и в непригодных для этого помещениях (в 1945–1946 гг. немало судов на территориях, по которым прокатилась война, размещались в землянках). Доступ к правосудию — это право, принцип и гарантия [7]. Однако оно недоступно, если этому препятствует федеральное законодательство. Оно в реальности недоступно для 15 млн трудоспособных граждан РФ, коих именуют самозанятыми,

их правовой статус на каких-либо правовых предписаниях не базируется [8].

Безусловно, они не тунеядцы, они работают, поскольку кормят себя и содержат свои семьи. И также безусловно, что они осуществляют предпринимательскую деятельность, то есть используют имущество, продают товары, выполняют работы или оказывают услуги — так определяется эта деятельность п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ. Но если они посчитают, что их предпринимательские права нарушены и обратятся в суд общей юрисдикции, например к мировому судье, им скажут: “Это нарушение предпринимательских отношений, а значит — это дело экономического правосудия”. Если же они обратятся в арбитражный суд, осуществляющий именно экономическое правосудие, и там им откажут в правосудии, ибо в упомянутом п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ сказано, что “предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность... лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке”. А самозанятые граждане не зарегистрированы ни в качестве юридических лиц (организаций), ни в качестве индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица, ни в качестве фермеров. То есть граждане, не зарегистрированные как предприниматели, заниматься предпринимательской деятельностью в реальном секторе экономики по закону не могут⁴. Зачастую самозанятые граждане (не платящие налоги и не производящие иные обязательные платежи) активности в достижении доступа к правосудию не проявляют. Но это отнюдь не означает, что их конституционные права, закреплённые в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, не должны быть реально защищены.

Далее. Ч. 1 ст. 47 Конституции РФ провозглашает: “Никто не может быть лишён права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом”. По сути речь идёт о праве на законный суд для каждого дела. И проблема не в случаях нарушений, в том числе умысленных, а также вызванных ошибочным пониманием установленного процессуальным законодательством права подсудности и/или подведомственности споров и дел — этим небезуспешно занимаются вышестоящие судебные инстанции, вплоть до Верховного суда РФ. Проблема

в особенностях федеративного устройства нашей страны, в частности, в ситуациях, закреплённых ч. 4 ст. 66 Конституции РФ, когда автономный округ как субъект РФ входит в область, также являющуюся субъектом права, притом что, согласно ч. 4 ст. 5 Конституции РФ, все субъекты РФ во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти равноправны. Это сложно представить: одно входит в другое, но оба — равны. Суть ситуации определил Конституционный суд РФ в постановлении от 14 июля 1997 г. № 12-П “По делу о толковании содержащегося в ч. 4 ст. 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области”. Это вхождение означает “такое конституционно-правовое состояние, при котором автономный округ, будучи равноправным субъектом РФ, одновременно составляет часть другого субъекта РФ — края или области, и это состояние определяет особенности как автономного округа, так и края, области, в состав которых он входит, — их взаимоотношения отличаются от отношений с другими субъектами РФ; вхождение автономного округа в состав края, области не изменяет их конституционно-правовой природы как субъектов Федерации и не означает, что автономный округ утрачивает элементы своего статуса — территорию, население, систему государственных органов, устав, законодательство и т.п.; вхождение автономного округа в состав края, области означает наличие у края, области единых территории и населения, составными частями которых являются территория и население автономного округа, а также органов государственной власти, полномочия которых распространяются на территорию автономных округов в случаях и пределах, предусмотренных федеральным законом...”. Сказанное означает: территориальная подсудность споров и дел, однозначно закреплённая всеми без исключения процессуальными кодексами императивно за судом соответствующего субъекта РФ (например, по месту нахождения ответчика или по месту совершения преступления), в сложноустроенных субъектах РФ распространяется, если ответчик дислоцируется или преступление совершено в автономном округе, входящем в состав края (области), сразу на оба субъекта РФ. Исковое заявление к ответчику, к примеру, из Нижневартовска Ханты-Мансийского автономного округа (Югры) может рассматривать как арбитражный суд округа, так и арбитражный суд Тюменской области, ибо область включает в себя и свой юг, и Ханты-Мансийский автономный округ (Югру), и Ямало-Ненецкий автономный округ. А ситуация, когда одно дело могут и обязаны по закону рассмотреть сразу два суда, противоестественна и не соответствует положению ч. 1 ст. 47 Конституции РФ.

⁴ Кстати, опубликованный 25 января 2018 г. на портале Министерства финансов РФ федеральный законопроект “О цифровых финансовых активах” определяет майнинг как “добычу криптовалют путём решения математических задач” и относит его к предпринимательской деятельности. Значит, физическим лицам, не зарегистрированным в качестве индивидуальных предпринимателей, заниматься майнингом нельзя? Но уже есть судебная практика по этому вопросу.

Обратимся к п. 1 ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, в соответствии с которым кадры судебных органов находятся в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов. Речь идёт о федеральных судьях, поскольку судьи субъектов РФ, мировые и конституционных (уставных) судов находятся в исключительном ведении субъектов Федерации. Первоначально Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 “О статусе судей в Российской Федерации” [9] устанавливал (ст. 6), что судьи федеральных судов, за исключением судей Верховного и Высшего арбитражного судов РФ, военных судов, а позже — кассационных и апелляционных арбитражных судов, назначаются Президентом РФ по представлению, соответственно, председателя Верховного суда РФ и председателя Высшего арбитражного суда РФ с учётом мнения законодательного (представительного) органа соответствующего субъекта РФ и только при наличии положительного заключения соответствующей квалификационной коллегии судей. Но не о ней здесь речь. Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”» требование об учёте мнения законодательного (представительного) органа соответствующего субъекта РФ было снято, что, кстати, отдельными учёными-юристами приветствуется [10, с. 132].

Разумеется, требование “учитывать мнение” при назначении судей федеральных судов можно трактовать по-разному, что на практике и происходило. Но в большинстве регионов оно проявлялось в рассмотрении на очередной сессии законодательного органа субъекта РФ представления председателя суда общей юрисдикции или арбитражного суда субъекта РФ конкретной кандидатуры и дачи согласия (обычно) либо отказа в согласии (довольно редко) на такое назначение. Возникали и серьёзные, подчас скандальные противоречия между федеральными органами и представительными (законодательными) органами субъектов РФ по отдельным кандидатурам. Однако полное лишение полномочий субъектов РФ в этом вопросе (всё-таки на местах конкретную кандидатуру знают лучше, чем в федеральном центре) не вполне соответствует принципу федерализма. Поэтому названное конституционное положение о совместном — Российской Федерации и субъектов Российской Федерации — ведении кадров судебных органов нужно наполнить соответствующим содержанием.

Перейдём теперь к ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, провозглашающей, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Здесь необходимо ответить на вопрос: на каком количестве законодательных актов

оптимально может и должен базироваться конкретный вид судопроизводства? Хорошо бы — на одном, коим для уголовного судопроизводства служит Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Ну, хотя бы на двух, как в гражданском судопроизводстве: это Гражданский процессуальный кодекс РФ и положения Арбитражного процессуального кодекса РФ, которые регулируют разрешение экономических споров, возникающих из гражданских правоотношений. В крайнем случае — на трёх, как в административном судопроизводстве: это Кодекс административного судопроизводства РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, где процессуальные нормы сконцентрированы в разделах 4 и 5, и положения Арбитражного процессуального кодекса РФ, которые регулируют разрешение экономических споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Но ведь не на 24-х? А именно на таком количестве законодательных актов базируется конституционное судопроизводство. Это Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ “О Конституционном суде Российской Федерации” [11] с 14-ю изменениями и дополнениями и 23 закона субъектов РФ о своих конституционных и уставных судах, притом что сами эти суды созданы и действуют лишь в 16 субъектах, хотя нормативные положения об этих судах содержатся в конституциях и уставах 50 субъектов РФ [12]. И без того незначительная процессуальная составляющая рассредоточена чуть ли не по всему тексту каждого из 24 законов. Все эти суды — моносуды, то есть они одноинстанционны, обжаловать их решения невозможно, между ними нет никаких скреп, общей составляющей — ни в институциональной, ни в инстанционной, ни в организационной, ни в финансовой, ни в кадровой, ни в иных сферах. Между тем в таких государствах, как Белоруссия и Монголия, не федеративных и не имеющих, кроме конституционного суда, никаких иных судебных органов конституционного правосудия, есть, помимо законов о конституционных судах, и законы о конституционном судопроизводстве.

Ещё одно противоречие касается ч. 2 ст. 128 Конституции РФ, в которой говорится, что судьи федеральных судов, кроме судей Конституционного и Верховного судов РФ, назначаются на должность Президентом РФ. Между тем ст. 7.1 “Исполнение обязанности судьи” Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации”, введённая в действие Федеральным законом от 21 июня 1995 г. № 91-ФЗ (в редакции от 23 декабря 2010 г. № 371-ФЗ и от 4 апреля 2013 г. № 20-ФЗ), устанавливает: “1. К осуществлению правосудия в качестве судьи, кроме исполнения обязанностей судьи Конституционного суда Российской Федерации, может быть привлечён с его согласия судья, находящийся

в отставке, имеющий стаж работы в качестве судьи не менее 10 лет (почётный судья) <...> на срок до одного года в случае наличия вакантной должности судьи, либо в случае временного значительного увеличения объёма работы в суде, либо в случае отсутствия судьи или приостановления его полномочий. 2. Привлечение судьи федерального суда, находящегося в отставке, к исполнению обязанностей судьи федерального суда производится председателем вышестоящего суда при наличии положительного заключения квалификационной коллегии судей и документа, свидетельствующего об отсутствии у судьи, находящегося в отставке, заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи”.

Разница в привлечении к осуществлению правосудия судьи-отставника между Президентом РФ и председателем вышестоящего суда в этой проблемной ситуации заключается в том, что в первом случае предварительно осуществляется большой комплекс проверочных мероприятий, в среднем занимающих год, а во втором эти мероприятия проводятся в предельно усечённом виде и в результате к осуществлению правосудия иногда привлекаются те федеральные судьи-отставники, которых к этому нельзя допускать по формальным основаниям. Например, так была привлечена к осуществлению правосудия в один из районных судов Москвы судья П., до ухода в отставку имевшая стаж судейской работы существенно менее 10 лет. Факт осуществления П. в качестве отставника судейских полномочий с вынесением нескольких сот судебных актов был установлен [13]. Но основная проблема здесь не в нарушении судьёй П. и иными должностными лицами процедур допуска судей-отставников к осуществлению правосудия, не в их вине, наказании за содеянное. Главная проблема заключается в правовой природе судебных актов, которые вынес судья, назначенный на должность неправомочно.

Ведь п. 10 и 11 ст. 5 Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации” (в редакции от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ) устанавливается: “10. Квалификационная коллегия судей в случае выявления нарушения требований к кандидатам на должность судьи, предусмотренных пунктами 1 и 5 статьи 4 настоящего Закона, после принятия решения о рекомендации соответствующего лица на должность судьи немедленно отменяет указанное решение и сообщает об этом: 1) Президенту Российской Федерации — при отмене решения о рекомендации лица на должность судьи федерального суда. 11. В случае, если выявлены нарушения требований к кандидатам на должность судьи <...> после внесения представления о назначении рекомендуемого лица на должность судьи, председатель соответствующего суда немедленно отзывает указанное представление”. А без решения

квалификационной коллегии судей о рекомендации данного лица на должность судьи и без представления об этом председателя соответствующего суда (эти важные документы сразу же отозваны, получается — их и не было), назначение на должность судьи не может состояться. Значит, само назначение аннулируется, и это лицо — не судья, причём с самого момента назначения. Тогда какова же судьба сотен судебных актов, вынесенных им за это время? Ведь они вынесены не судьёй, следовательно, пересмотру в процессуальном порядке не подлежат. Но эти судебные акты в реальности были, исполнялись, вышестоящими судебными инстанциями подтверждались или корректировались. На каком основании? Ответа, соответствующего нормам закона, увы, нет.

Коснёмся ч. 3 ст. 128 Конституции РФ, провозглашающей, что порядок деятельности федеральных судов устанавливается федеральным конституционным законом. Нет сомнений, что под порядком деятельности судов здесь понимается правосудная деятельность, регулируемая процессуальным законодательством. Но дело в том, что все без исключения кодифицированные процессуальные законодательные акты — Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ — имеют форму федеральных законов, а не федеральных конституционных законов (последние более защищены от изменений). Действующие же процессуальные кодексы, особенно Уголовно-процессуальный, подвергались изменениям и дополнениям, причём в существенных положениях десятки раз, что не способствует стабильности в судопроизводственной составляющей механизма правосудия. Помимо прочего, ситуативное изменение действующего процессуального законодательства подрывает доверие к праву, делает нормы закона подчас “одноразовыми”, препятствует формированию устойчивой судебной практики и ведёт к утрате этими актами их нормативно-регулирующего свойства.

Перечисленные несовершенства механизма правосудия свидетельствуют о столь серьёзном недострое здания судебной власти, что он становится причиной невыполнения (в лучшем случае — невыполнения) положений Конституции РФ. К сожалению, это свидетельствует о незавершённости государственного строительства, опорного каркаса самой Конституции РФ. Для решения поставленных здесь конституционно значимых проблем необходимы крупномасштабные комплексные научные исследования. Представляется, что предложения Центра стратегических разработок по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменению нормативных актов

в целях их реализации [14], несмотря на их структурированность и впечатляющий объём (в бумажном формате 111 стр.), ни одну из обозначенных выше фундаментальных проблем конституционного уровня не решают. Конечно, часть наработок, например, по повышению оплаты труда сотрудникам аппаратов судов, по наделению помощников судей процессуальными полномочиями, нужно реализовывать, с учётом того, что некоторые из предложений давно и обстоятельно обсуждаются в научной литературе, некоторые обрели форму законопроектов⁵. Но в целом эти предложения ставят частные, тактические задачи и могут дать лишь сиюминутный малозначительный эффект. Это всё равно, что трещину на автомобиле замазать краской и определить данную операцию в качестве капитального ремонта всего автомобиля. Показательна в этом отношении опубликованная в “Независимой газете” информация о специальном заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ в феврале 2018 г, где обсуждались законопроекты Верховного суда РФ по реформированию системы судопроизводства. Участвовавший в этом заседании секретарь Пленума Верховного суда РФ, председатель Совета судей РФ профессор В.В. Момотов на просьбу одного из членов Совета рассказать о концепции развития судебной власти в стране, без чего трудно принимать какие-либо поправки, заявил, что концепции нет, а план развития знает председатель Верховного суда [15]. А ведь перечисленные мной конституционно значимые несовершенства механизма судебной власти — это не все фундаментальные проблемы, которые нужно решать. Есть и такие, которые напрямую сопоставить с конкретными положениями Конституции РФ или весьма затруднительно, или вообще невозможно. Но от этого они не становятся менее фундаментальными и не теряют острой потребности в их решении.

Например, не решена проблема целеполагания в судопроизводстве. В литературе [16] отмечается, что правосудие настолько сложное и многоплановое явление, что, безусловно, имеет цель многоставную и глубокую. Ясно, что, например, приговор по уголовному делу должен полностью соответствовать материалам и обстоятельствам дела, быть справедливым, основанным на нормах материального права и процессуального законодательства. Ну, вот он таким и вынесен — по конкретному делу о нанесении телесных повреждений одному соседу другим в сельском поселении. Эти соседи

много лет дружили семьями, помогали друг другу, случалось — выпивали, и вдруг между ними — приговор (почему дело дошло до суда — не суть, тут важно обобщение). Значит, последуют: обостряющееся недоверие между семьями, затянувшаяся ссора, жёны ругаются, дети дерутся. Кое-где всё это переходит в проявления кровной мести. Мировой судья, который обычно такие дела рассматривает, нацелен на вынесение законного решения, однако цели примирения сторон не ставит, хотя в наименовании его должности слово “мировой” — ключевое. Если бы он эту цель преследовал, если бы его к этому обязывал закон, отношения между соседями и их семьями, скорее всего, восстановились бы и стали по-прежнему доброжелательными.

Не решена и важная проблема оценки качества правосудной деятельности отдельных судей, судебного состава, судебной коллегии, судебного органа, судебной системы. По сути, непонятно, кого хвалить, кого ругать, а главное — за что? За количество рассмотренных дел и вынесенных судебных актов? Но рассмотрение одного уголовного дела с десятками подсудимых и сотнями эпизодов преступлений, длящееся год, а то и больше, и рассмотрение в один день двух десятков дел о мелких административных правонарушениях — несопоставимые величины. В первом случае нужны высочайший профессионализм, напряжение сил, и для некоторых судей завершение процесса сопровождается нервным потрясением. А во втором случае с задачей легко справляется начинающий, малоопытный судья. Но “эффективный менеджер” оценит работу судьи в первом случае низко (“одно дело за год”), а во втором — высоко (“стахановец”). Может быть, следует использовать в качестве критерия процент отмены вынесенных судьёй судебных актов вышестоящей судебной инстанцией? Но у судьи, рассматривавшего уголовное дело с присяжными заседателями в течение года, в случае отмены приговора, например, по причине наличия у одного из присяжных судимого в прошлом родственника (а сам судья тут при чём?), показатель отмены за год будет равным 100%. Всё, что сейчас практикуется в сфере оценки качества правосудия, — зыбко и результатами серьёзных научных исследований не обеспечено.

Далёк от завершения и процесс судостроительства. В частности, нам явно недостаёт отдельного федеративного моносуда, единственной функцией которого было бы разрешение экономических споров с участием стратегических иностранных инвесторов. Россия — одна из немногих стран, откуда собственные бизнесмены “перебегают” в юрисдикцию иного государства — в центры по разрешению экономических споров Стокгольма, Лондона, Сингапура. Нам надо убедить иностранных инвесторов в том, что для защиты их прав и законных

⁵ Например, законопроект “О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции”, зарегистрированный в Государственной думе под № 374020-7.

интересов у нас создан специальный суд — с особым статусом, особыми процедурами, применением по согласованию с инвестором норм процессуального права иного государства.

Ещё более значимая проблема — неопределённость в вопросе о пределах специализированности в правосудии: отдельные конституционные (уставные) и арбитражные суды — это хорошо, но почему в одном суде общей юрисдикции осуществляется и уголовное, и гражданское, и административное правосудие? А ведь ещё в 2000 г. Государственная дума приняла в первом чтении законопроект о создании отдельной системы административных судов в стране, но до второго чтения дело так и не дошло.

Серьёзно, по множеству параметров хромает организационно-правовой механизм отбора кандидатов на должность судей, даже института кандидата на эту должность нет в законодательстве, как нет и процедур наделения (а это 9 этапов) их судейскими полномочиями. В отличие от многих других стран у нас нет законодательного регулирования спецпроверок кандидатов на должности судей, с их, разумеется, на это согласия. Но как иначе, допустим, определить отсутствие или наличие у кандидата болезненного влечения к азартным играм? Такой способен поставить на кон судьбу приговора по рассматриваемому им делу. В результате судьями иногда становятся те, кто по психофизиологическим, морально-нравственно-этическим, профессиональным или иным критериям недостоин судейской мантии. И наоборот: по необъективным и даже не определённым законом основаниям не становятся судьями те, кто достоин звания судьи, а значит, на эту должность назначается человек менее достойный.

Механизм мотивации судьи к длительной плодотворной и результативной работе практически отсутствует, а введённый Федеральным законом от 25 декабря 2012 г. № 269-ФЗ порядок квалификационной аттестации судей стимулирующую функцию выполняет в недостаточной мере.

Дефектен и организационно-правовой механизм очищения и самоочищения судейского корпуса от недостойных быть судьями. В частности, действующая формула дисциплинарного проступка судьи допускает возможность применения мер дисциплинарной (юридической) ответственности за этический (не юридический) проступок; механизм же этической ответственности для судей не предусмотрен [17].

И этот перечень несовершенств можно продолжать, притом что на ряд иных проблемных недостатков стратегического уровня в механизме судебной власти, требующих фундаментальных научных исследований, автор уже обращал внимание [18]. Очевидно, что периодической корректировкой

отдельных законоположений, как и совершенствованием правоприменительной практики, названные проблемы фундаментального уровня, требующие к тому же комплексного глубокого эшелонированного решения, не осилить. Нужен Государственный программный проект, о котором говорилось на VIII Всероссийском съезде судей 19 декабря 2012 г., под условным названием “Справедливый суд”, проект, который содержал бы взаимоувязанный комплекс стратегических мероприятий по коренному преобразованию всего организационно-правового механизма судебной власти, проект, который можно было бы приравнять к полномасштабной, а не косметической судебной реформе, такой, которая по содержанию и последствиям была бы схожа с Судебной реформой 1864 г. Основными её признаками должны быть:

- крупномасштабные радикальные комплексные модернизационные преобразования, проводимые одномоментно, в кратчайшие сроки;
- эти преобразования должны иметь единую программную основу;
- их необходимо обеспечить необходимыми организационно-властными, финансовыми, материально-техническими, информационными и иными ресурсами;
- преобразования должны быть поддержаны обществом.

Для разработки данного Государственного проекта необходима соответствующая программа работ (научно-исследовательских и иных) — поэтапная, с определением исполнителей и ответственных за этапы и всю работу, скоординированная, ресурсообеспеченная, а главное — являющаяся государственным заданием для разработчиков. Фундаментальной основой её должны стать крупномасштабные научные исследования юристов, социологов, экономистов, математиков, специалистов в сфере интернет-технологий и т.д. Результатом реализации программы должен стать свод соответствующих законо- и нормопроектов, а также проект дополнения главы VII “Судебная власть” Конституции РФ (в части создания Совета судебной власти РФ).

Главная цель всех законо- и нормопроектов программы и всего Государственного проекта “Справедливый суд” — формирование полномасштабного механизма воистину справедливого правосудия в России, ибо понятие “справедливость” для нашего народа издревле сакрально (ради правды шли на эшафот, брались за вилы, уходили в тайгу). Но необходимо признать, что сложностей при реализации данного Государственного проекта будет вряд ли намного меньше, чем при воплощении Атомного и космического проектов, хотя сложности будут,

конечно, иного рода. Ведь сам Государственный проект “Справедливый суд”, как и все его проектные разработки, должен решить проблемы не только сегодняшнего дня, но и обеспечить решение будущих, в том числе загоризонтных, проблем отправления правосудия. Надо иметь в виду, что уже сегодня возникают проблемы усвоения мозгом судьи огромного, превышающего его биологические возможности объёма судебной информации. В экономическом правосудии, к примеру по делам о банкротстве, это дела, состоящие из 300–350 томов бумажного текста (каждый том по 150 листов). Особенности дела о банкротстве АО “Славянка” (структура небезызвестного “Оборонсервиса”) потребовали от суда рассмотреть каждую из 2 тыс. сделок на предмет их соответствия закону, а также их исполнение на предмет соответствия условиям сделок. По делу о банкротстве одной из крупных страховых компаний суд вынужден был рассматривать 4300 требований кредиторов об их включении в соответствующий реестр, притом что каждое требование суд должен “взвесить” на предмет его обоснованности и доказанности. И всё это — при жесточайшем дефиците времени, отводимого на рассмотрение дела, и реальной невозможности сдвинуть плотный график. В подобной ситуации Агентство по страхованию вкладов (АСВ) для упрощения доказывания в судах использовало технологию на основе закона больших чисел — определённой выборки из массива чего-то большого и распространения результатов оценки выбранного на весь массив. Таким образом, АСВ оспорило в арбитражном суде покупку банком у ООО кредитного портфеля, выбрав 691 заёмщика из 44 тыс., проверило их кредитные истории и распространило результаты проверки на весь кредитный портфель. Арбитражный суд первой инстанции поддержал такой подход, посчитав закон больших чисел общеизвестным фактом, не подлежащим опровержению. Апелляционная инстанция оставила это решение без изменений, но кассационная оба решения отменила, указав, что закон больших чисел не является общеизвестным фактом, поэтому результаты выборки нельзя распространить на весь массив. Так что подобная технология, способная — в потенции — стать весьма эффективной в арбитражном судопроизводстве при рассмотрении дел с “неподъёмным” для анализа мозгом судьи-человека объёмом судебной информации, судом же была отвергнута.

Такие же неподъёмные для мозга судьи-человека объёмы информации в последнее время возникают не только в механизме арбитражного, но и уголовного правосудия. Например, по делу широко и печально известного массового убийства в Кущёвском районе Краснодарского края в суд было передано уголовное дело в 477 томах.

Невозможность объять подобный объём информации отметил известный адвокат А.Г. Кучерена: «Недавно мне пришлось столкнуться с уголовным делом, обвинительное заключение которого занимает объём в 19965 страниц текста, и сделал жёсткий вывод: “Понятно, что ни один судья не способен в обозримые сроки этот текст прочесть и тем более тщательно проанализировать, с тем, чтобы вынести законное и справедливое решение”» [19]. В самом деле, 20 тыс. страниц — это больше 100 томов, а поскольку в любом уголовном деле обвинительное заключение вряд ли может занять больше десятой части всего его объёма, то значит, само уголовное дело, с которым пришлось столкнуться А.Г. Кучерене, составляет более 1000 томов. А ведь с делом надо знакомить каждого из обвиняемых. Перевод материалов дела на электронные носители ситуацию облегчит весьма незначительно. Судье, если он будет нормально работать с делом, вряд ли удастся за день “переварить” информацию, содержащуюся более чем в одном томе. Но разве в современной системе координат уголовного судопроизводства возможно знакомиться (до начала процесса!) с делом три года, без выходных и праздников? Приговор по такому делу, кстати, вряд ли получится по объёму меньшим, чем обвинительное заключение.

Уже сейчас настоятельно необходимы, в том числе для творческой обработки гигантских объёмов судебной информации, принципиально новые судебные технологии. Без цифровизации отдельных узлов и элементов механизма правосудия их внедрить невозможно, и отсюда, что уже появляются исследования юристов по этой тематике [20, 21]. Но необходима комплексная научная проработка всего спектра проблем радикального совершенствования механизма правосудия с учётом будущих вызовов, которые сегодня только-только намечаются футурологами. Очень бы не хотелось, чтобы цифровизация механизма правосудия продвинулась, пусть в далёком будущем, до создания судьи-робота, с очевидностью не способного понимать, что такое справедливость.

Статья подготовлена на основе научного доклада автора на заседании учёного совета Института государства и права РАН 30 января 2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лец С.Е.* Непричёсанные мысли / Перевод с польского Е.В. Смирновой. М.: РИПОЛ классик, 2010.
2. Постановление VIII Всероссийского съезда судей от 19 декабря 2012 г. № 1 “О состоянии судебной системы Российской Федерации и основные направления её развития” // Российская юстиция. 2013. № 2. С. 37–49.

3. *Соловьёв А.А.* Европейские модели организации и функционирования органов судейского сообщества. Королевство Бельгия и Французская Республика. М.: Московский государственный университет им. О.Е. Кутафина, 2016.
4. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, доклады (1990–1993 гг.). В 6 томах. Т. 4: 1993 год. Кн. 2. М.: Волтерс Клувер, 2009.
5. *Клеандров М.И.* О Совете судебной власти Российской Федерации. М.: Норма, 2016.
6. *Худoley К.М.* Нужен ли конституционный (уставный) суд в субъекте РФ? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 34. С. 391–401.
7. *Грищенко Е.В.* Доступ к защите субъективных прав в рамках административного судопроизводства в России в контексте универсальных стандартов доступа к правосудию // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 6 (60). С. 13–21.
8. *Клеандров М.И.* О необходимости обретения незарегистрированным предпринимателям легального статуса // Предпринимательское право. 2015. № 3. С. 3–13.
9. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792.
10. *Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А.* Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного исследования. СПб.: Норма, 2010.
11. Собрание законодательства Российской Федерации РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
12. *Демидов В.Н.* Конституционная (уставная) юстиция субъектов Российской Федерации как институт защиты прав и свобод человека и гражданина. Казань: Идел-Пресс, 2015.
13. Постановление Совета судей г. Москвы от 1 июля 2016 г. № 131 «О соблюдении судьей в отставке требований Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”».
14. <http://www.pravo.ru> (дата обращения 12 февраля 2018 г.).
15. *Трифопова Е.* Судебную реформу притормаживают // Независимая газета. 2018. 28 февраля.
16. *Амосов С.М.* К вопросу о целях правосудия // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2001. № 1. М.: Норма, 2002. С. 1–9.
17. *Клеандров М.И.* Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования. М.: Норма, 2017.
18. *Клеандров М.И.* Проблемы судебной власти и академическая наука // Вестник РАН. 2014. № 9. С. 810–816.
19. *Кучерена А.Г.* Ваша электронная честь // Известия. 2017. 26 сентября.
20. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
21. *Гаджиев Г.А.* Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15–29.

ОРГАНИЗАЦИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КОНКУРЕНЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ

© 2018 г. Е.В. Балацкий^{1,2*}, Н.А. Екимова^{1,**}

¹Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

²Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия

*E-mail: evbalatsky@inbox.ru; **E-mail: n.ekimova@bk.ru

Поступила в редакцию 21.04.2018 г.

Статья посвящена борьбе ведущих социально-экономических университетов (СЭУ) России за передовые позиции на рынке высшего образования. Показано, что только в России СЭУ наряду с классическими университетами и технологическими институтами входят в число сильнейших игроков на рынке вузов. Приведены данные рейтингования высших экономических школ страны за 2013–2016 гг., которые свидетельствуют об обострении конкуренции между самыми успешными СЭУ России, что проявляется в постоянной рокировке вузов в топ-листе рейтинга. Авторы указывают на значение таких факторов повышения конкурентоспособности СЭУ, как издание передовых экономических журналов, создание сети научных подразделений в структуре университетов, формирование общероссийской информационной повестки на своей территории, развитие центров региональной аналитики.

Ключевые слова: университеты, рынок экономических исследований, высшие экономические школы, рейтинги, факторы успеха, конкурентоспособность.

DOI: 10.31857/S086958730002146-8

В настоящее время в России разворачивается очередной виток соревнования вузов за передовые места в различных системах координат. Как

БАЛАЦКИЙ Евгений Всеволодович — доктор экономических наук, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве РФ. ЕКИМОВА Наталья Александровна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве РФ.

правило, успех университетов проявляется в их особом административном статусе и высоком месте в различных рейтингах — национальных и международных. Однако опыт последних лет показывает, что ресурсов для вузов становится всё меньше, в связи с чем обостряется конкуренция даже между передовыми университетами страны. Такая борьба имеет одну ярко выраженную особенность: она основывается на своеобразной конкурентной креативности, которая позволяет вузам использовать новые, порой нетрадиционные модели успеха на фоне почти полного исчерпания стандартных инструментов административного доминирования.

Данное обстоятельство во многом предопределяет двоякую цель данной статьи: во-первых, сформировать рейтинговую фотографию вузов, причём не только на определённый момент времени, но и в динамике; во-вторых, объяснить изменения на рынке университетов на основе специфических моделей успеха вузов. Основное ограничение предметной области состоит в рассмотрении не всех российских вузов, а только социально-экономических университетов (СЭУ). В качестве методов исследования будут выступать данные

специализированных рейтингов и метод стилизованных примеров (МСП), развитый в работе [1].

Специфика университетской модели России. С некоторой степенью упрощения можно утверждать, что на Западе современный рынок вузов представлен двумя определяющими сегментами — классическими университетами (КУ) и технологическими институтами (ТИ). Разумеется, есть и другие вузы — медицинские, аграрные, педагогические, гуманитарные и прочие, но они, как правило, не могут конкурировать с двумя указанными формами вузов за передовые позиции на рынке. Между тем технологические институты не просто конкурируют с университетами, но нередко и побеждают в этой борьбе.

Для примера укажем, что в глобальном рейтинге университетов по версии Times Higher Education (ТНЕ) за 2018 г. на третьем месте оказался Калифорнийский технологический институт (California Institute of Technology), пятую позицию занял Массачусетский технологический институт (Massachusetts Institute of Technology), десятую — Цюрихский федеральный технологический институт (ETH Zürich — Swiss Federal Institute of Technology Zurich), тридцать третью — Технологический институт Джорджии (Georgia Institute of Technology), тридцать восьмую — Федеральная политехническая школа Лозанны (École Polytechnique Fédérale de Lausanne), сорок четвертую — Университет науки и технологий Гонконга (Hong Kong University of Science and Technology), пятьдесят вторую — сингапурский Технологический университет Наньянга (Nanyang Technological University), девяносто пятую — Корейский институт науки и технологий (Korea Advanced Institute of Science and Technology) [2]. Таким образом, в Америке, Европе и Азии технические институты на равных конкурируют с классическими университетами.

У нас в стране сложилась похожая ситуация. Так, в рейтинге вузов России по версии компании “Эксперт РА” за 2017 г. на втором месте оказался Московский физико-технический институт (МФТИ), третье занял Национальный исследовательский ядерный университет “МИФИ”, седьмое — Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, восьмое — Национальный исследовательский Томский политехнический университет, десятое — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, семнадцатое — Национальный исследовательский технологический университет “МИСиС”, восемнадцатое — Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина, девятнадцатое — Московский энергетический институт, двадцать шестое — Новосибирский государственный технический университет [3]. Таким образом, и на

российском рынке вузов технические институты теснят классические университеты и даже переигрывают их.

Однако есть в таблице “Эксперта РА” и некоторые особенности, которые отличают российский рынок вузов от западного. В итоговом рейтинге отечественных вузов фигурируют медицинские, гуманитарные, юридические и социально-экономические университеты. Причём по-настоящему активными и успешными являются именно СЭУ, что позволяет рассматривать их в качестве третьего звена отечественной модели высшего образования. Сегмент СЭУ делает российский рынок вузов более разнообразным и менее предсказуемым по сравнению с ситуацией в западных странах.

Иллюстрацией сказанного служат места социально-экономических вузов в рейтинге “Эксперта РА”. Так, пятое место занимает Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России, шестое — НИУ “Высшая школа экономики” (ВШЭ), одиннадцатое — Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ, тринадцатое — Финансовый университет (Финуниверситет) при Правительстве РФ, двадцать третье — Российский экономический университет (РЭУ) им. Г.В. Плеханова, двадцать девятое — Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ) Министерства экономического развития РФ. По критерию получения качественного образования некоторые СЭУ имеют ещё более высокие места: МГИМО — второе место, ВШЭ — пятое, РАНХиГС — девятое, Финуниверситет — одиннадцатое [3]. Сегодня названные вузы заняли уникальные позиции в российской системе образования. Например, РАНХиГС является самым большим (по числу студентов) и самым карьерным вузом страны, МГИМО многие годы удерживает позиции самого дорогого (по стоимости обучения) вуза, ВШЭ традиционно считается самым престижным.

Такой высокий рейтинговый статус СЭУ для западных стран совершенно нетипичен. Например, в рейтинге ТНЕ из социально-экономических вузов фигурирует только один — Лондонская школа экономики и политических наук (ЛШЭ) (тридцать четвертое место в 2015 г.). Однако следует учитывать, что ЛШЭ с 1900 г. и до настоящего времени является подразделением более мощной структуры — Лондонского университета, который подпадает под статус классического университета. Тем самым ЛШЭ, строго говоря, — это лишь факультет британского КУ, а не самостоятельный вуз, хотя он и обладает очень высокой степенью независимости. Парижская школа экономики (ПШЭ), образованная в 2005 г., представляет собой своеобразный конгломерат (консорциум) из исследовательских

подразделений в области экономики разных институтов и университетов Франции, и это объединение нельзя назвать самостоятельным университетом. Можно упомянуть Тулузскую школу экономики (ТШЭ), которая входит в состав Университета Тулузы-1, хотя с момента своего возникновения в 2007 г. она стала его флагманом. Сейчас ТШЭ разрастается, однако на роль независимого университета она всё-таки претендовать не может. Самостоятельным специализированным вузом является Стокгольмская школа экономики (СШЭ), основанная в 1909 г., которая в настоящее время открыла множество филиалов в разных странах мира. Между тем это относительно небольшое учебное заведение (не более 2 тыс. студентов), которое не претендует на роль полноценного университета.

Параметры перечисленных западных школ несопоставимы с показателями российских экономических вузов. Например, в ВШЭ действует 107 научно-исследовательских институтов и центров, 32 научно-учебные и проектно-учебные лаборатории, 24 международные лаборатории под руководством ведущих зарубежных учёных, 28 факультетов и отделений в Москве, военная кафедра, 6 факультетов и отделений в Санкт-Петербургском кампусе, пять — в Нижегородском и 3 — в Пермском; число студентов ВШЭ в 2017 г. составило порядка 32 тыс. Другие примеры: численность выпуска студентов Финуниверситета в 2015 г. достигла 17,5 тыс., а РАНХиГС — официально крупнейший в России и Европе вуз социально-экономического профиля, в котором обучается 207 тыс. человек. Для сравнения: по числу студентов отечественная РАНХиГС в 109 раз больше шведской СШЭ. Таким образом, российские СЭУ представляют собой уникальное для мировой практики явление.

Чтобы подчеркнуть принципиальное различие в масштабе российских СЭУ, укажем на то обстоятельство, что в 2012 г. в состав ВШЭ вошёл Московский государственный институт электроники и математики (МИЭМ). Примечательно, что на присоединение данного вуза претендовал и Финуниверситет; проиграв конкуренцию ВШЭ, он ограничился присоединением в 2011 г. Московского государственного колледжа информатики и электронной техники. Тем самым отечественные СЭУ стремятся выйти за рамки своих исходных профессиональных границ, превращаясь в своеобразные аналоги классических университетов.

Обратим внимание на следующий примечательный факт. В рейтинге “Эксперта РА” среди крупнейших СЭУ страны РЭУ им. Г.В. Плеханова фигурирует как самый слабый и находится лишь на двадцать третьем месте. Однако рядом с ним, на двадцать первом месте, стоит Первый

московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова — самый сильный вуз среди медицинских образовательных учреждений [3]. То есть даже не самые сильные СЭУ находятся на уровне лучших медицинских вузов страны, что со всех точек зрения является беспрецедентным фактом.

Истоки становления и развития российских СЭУ. Сегмент мощных СЭУ в России имеет глубокие исторические предпосылки, во многом уникальные. На наш взгляд, имеет смысл говорить о двух важных исторических обстоятельствах.

Первое — становление некоторых СЭУ в период плановой советской экономики. Данный способ ведения хозяйства объективно предполагал не только необходимость соответствующего идеологического обеспечения, но и разнообразные инструментальные подходы к управлению экономикой. В этих целях создавались такие вузы, как РЭУ, Государственный университет управления (ГУУ) и Финуниверситет (разумеется, под другими названиями и с другим функционалом). Большое значение для усиления СЭУ сыграла война 1941—1945 гг. Например, в 1944 г. на базе международного факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова был создан МГИМО, который в 1954 г. присоединил к себе Московский институт востоковедения, а в 1958 г. — Институт внешней торговли Министерства внешней торговли СССР, в результате чего было значительно усилено экономическое направление. Такой мощный каркас СЭУ уже в советское время представлял собой уникальное явление.

Второе обстоятельство — крушение Советского Союза и переход к рыночной экономике. Необходимость срочной перестройки всего народного хозяйства на новых принципах и формирования совершенно иной системы управления страной потребовала создания центров разработки новой идеологии и методологии, включая и подготовку соответствующих специалистов. В этих целях были созданы два вуза-гиганта — ВШЭ и РАНХиГС. Параллельно почти все старые СЭУ стремились усилить свои позиции. В 1990-е годы, когда стал очевиден избыток инженерных кадров и недостаток специалистов социальных направлений, профессии экономиста, юриста и управленца стали самыми популярными, что дало второе дыхание российским СЭУ. Имел значение и тот факт, что курс на рыночную экономику привёл к формированию управленческой элиты, разделяющей новые рыночные ценности. Следствием этого стало сращивание власти и корпуса экономистов-идеологов, который концентрировался в ведущих СЭУ. Благодаря близости руководства СЭУ к правительственным кругам соответствующие вузы начали

пользоваться огромными преференциями. Проиллюстрируем данный тезис.

РАНХиГС была создана на базе Российской академии государственной службы (РАГС), которая, в свою очередь, образовалась на основе Российской академии управления. Между тем последняя сама стала преемником Академии общественных наук при ЦК КПСС, которая была высшим партийным учебным заведением, готовившим работников для центральных партийных учреждений, ЦК компартий союзных республик, райкомов и обкомов КПСС, а также преподавателей вузов, научных работников исследовательских учреждений и научных журналов. Благодаря такому “наследству” сегодняшняя РАНХиГС имеет общероссийскую сеть филиалов, располагающихся в лучших городских зданиях. Помимо этого, РАНХиГС осуществила дополнительные масштабные поглощения 12 других федеральных учебных заведений, в результате чего стала недостижимой для подавляющего большинства вузов страны. В довершение ко всему РАНХиГС находится в прямом ведении Президента РФ, располагая тем самым предельно высоким административным статусом. В настоящее время за вузом прочно закрепилась слава “кузницы министров”.

Не менее яркий пример действия рыночной конъюнктуры даёт случай с ВШЭ, которая в 2006 г. получила великолепный комплекс зданий в центре Москвы от Военно-инженерной академии (ВИА), присоединённой к Общевойсковой академии Вооружённых сил РФ. Крушение СССР вызвало ослабление российской армии, в результате чего стала возможна поразительная рокировка недвижимости между ВИА и ВШЭ. Продолжая линию на расширение недвижимости университета, ректор ВШЭ Я.И. Кузьминов в 2014 г. в этих целях стал депутатом Московской городской думы VI созыва. В настоящее время ВШЭ лоббирует выделение для своих нужд новых площадей в столице. Как и РАНХиГС, ВШЭ осуществила многочисленные поглощения других вузов и в настоящий момент является рекордсменом по числу административных статусов: она находится в ведении Правительства РФ, является национальным исследовательским университетом (НИУ) и входит в состав международных образовательных центров (МОЦ), претендующих на включение в топ-100 глобальных рейтингов университетов. Используя близость своего руководства к Правительству, ВШЭ постоянно получает беспрецедентную финансовую поддержку от государства. Достаточно привести такой малоизвестный факт, что в начале 2000-х годов ВШЭ было выделено на её библиотеку бюджетных денег больше, чем всем остальным вузам страны вместе взятым. Неудивительно, что библиотека ВШЭ

является одной из лучших в стране как по печатным, так и по электронным фондам.

Подобная ситуация сложилась и с Финуниверситетом, главное здание которого на Ленинградском проспекте в Москве до 1991 г. принадлежало Институту общественных наук (ИОН) ЦК КПСС — партийному учебному и научному учреждению, созданному для обучения кадров зарубежных компартий и леворадикальных движений, в том числе находившихся на нелегальном положении. В 1990-х годах, после ликвидации ИОН, в здании размещался “Горбачёв-фонд”, а затем оно было передано Финуниверситету. В 2011–2012 гг. к Финансовому университету были присоединены другие вузы, в том числе Всероссийский заочный финансово-экономический институт (ВЗФЭИ), благодаря чему данный вуз получил общероссийскую сеть филиалов, включающую около 20 городов. Существенно, что статус учреждения при Правительстве РФ гарантирует, помимо прочего, один из самых солидных портфелей исследовательских тем в рамках государственного задания.

Сегодня исторические предпосылки возвышения СЭУ в основном исчерпаны, кластер мощнейших вузов данного профиля сформирован и расширяться уже не будет. Тем не менее в борьбу за ведущее место в национальных рейтингах вступают новые претенденты. Например, в 2016 г. ВАВТ осуществила присоединение двух исследовательских организаций — Института макроэкономических исследований (ИМЭИ) и Совета по изучению производительных сил (СОПС). Подобное объединение в будущем позволит ВАВТ заметно усилить свои позиции и подняться в рейтинге “Эксперта РА” на 4–6 позиций.

В XXI веке российские СЭУ шли в авангарде всех институциональных реформ. Так, с 2007 г. в стране началось активное создание университетских эндаументов (УЭ) наиболее передовыми вузами. Уже на этом этапе наметилась специфическая тенденция: пионерами целевых капиталов выступили российские вузы социальной направленности — Российская экономическая школа (РЭШ), МГИМО, Финуниверситет, ВШЭ. Ведущие ТИ и КУ довольно долго раскачивались и вступили на этот путь на 5–7 лет позже: Уральский федеральный университет (УрФУ) им. Б.Н. Ельцина — в 2012 г., МГУ им. М.В. Ломоносова — в 2013 г., Московский физико-технический институт (МФТИ) — в 2014 г. Данный факт вполне объясним: профессиональная ориентация СЭУ и вовлечённость их руководства в ключевые экономические решения позволили им оказаться на гребне формирующейся институциональной волны [4].

Все перечисленные исторические обстоятельства, обусловившие подъём СЭУ, составляют

основу *нетрадиционной модели* успеха вузов данной категории. К настоящему моменту этот фактор почти исчерпан. Более того, на правительственном уровне уже принято решение о первоочередной поддержке технических вузов и специальностей. Подобный политический манёвр в перспективе должен привести к ослаблению СЭУ, однако пока новый приоритет себя никак не проявляет.

Конкуренция СЭУ сквозь призму рейтинга высших экономических школ России. В 2015 г. в Финуниверситете стартовал проект по созданию серии академических рейтингов в области экономической науки. В их число входит Рейтинг высших экономических школ (РВЭШ) России [5]. Напомним, что РВЭШ показывает публикационную активность вузов на страницах 13 лучших журналов страны, которые составляют так называемый Алмазный список [6]. Причём состав Алмазного списка каждый год меняется, что отражает конкуренцию на академическом рынке экономических журналов. В отличие от таких параметров, как цена обучения, карьерный рост выпускников, масштаб исследований в денежном выражении и т.п., РВЭШ показывает сугубо научный потенциал СЭУ, который выражается в их присутствии в научном информационном пространстве. В соответствии с общепринятой точкой зрения, чем присутствие больше, тем лучше вуз, ибо он генерирует больше статей, идей и разработок в наиболее авторитетных и читаемых периодических научных изданиях.

Идея ранжирования университетов по их публикационной активности не является абсолютно новой: попытки построения рейтингов, в основе которых лежит данный показатель, получили широкое распространение в зарубежной практике. Так, в 1977 г. в Университете Индианы был построен рейтинг факультетов психологии американских колледжей и университетов, в основе которого лежал показатель числа статей, опубликованных каждым преподавателем вуза в период 1970–1975 гг. в 13 журналах, финансируемых Американской психологической ассоциацией [7]. В 1979 г. вышел рейтинг 100 ведущих факультетов политологии США, рассчитанный по показателю числа статей в расчёте на одного преподавателя, опубликованных в 6 ведущих журналах по политологии в период с 1968 по 1977 г. [8]. Импакт-фактор журналов, размещённых в электронной библиографии мировой экономической литературы EconLit, служит базой для ранжирования индивидов и университетов в эконометрических рейтингах Б. Бальтаги [9].

Практика «увязывания» рейтингов журналов с рейтингами экономических факультетов берёт своё начало в середине 1970-х годов, когда был составлен первый совокупный рейтинг экономических журналов и факультетов [10]. Данный процесс

был обусловлен возросшей в послевоенные годы популярностью экономической науки и стремлением вузов принимать на работу высокопрофессиональных неоклассических теоретиков, в том числе публикующихся в ведущих экономических журналах. Подобный симбиоз академических журналов и вузов привёл к тому, что к настоящему времени более 40% научных редакторов ведущих журналов США получили докторские степени на 24 ведущих экономических факультетах, а 43% — преподают на них, в связи с чем практически все означенные факультеты имеют своего представителя в ведущем периодическом издании [10].

Наибольшее распространение получил ряд академических рейтингов экономических факультетов, базирующихся на публикационной активности их сотрудников. В частности, Университет Техаса в Далласе ранжирует лучшие школы бизнеса мира в виде топ-листа The UTD Top-100 Business School Research Rankings (UTD-BSRR) по подсчёту публикаций в 24 ведущих журналах по бизнесу за последние 5 лет [11].

С 2004 г. публикуется рейтинг Центра исследований в области экономики и бизнеса Университета Тилбурга, который ежегодно готовит Top-100 Tilburg University Economics Ranking (TUER). Алгоритм его построения включает ту же процедуру рейтингования в зависимости от степени публикационной активности сотрудников соответствующих университетских факультетов. При этом учитываются только оригинальные статьи (без учёта обсуждений, комментариев и т.п.) и принадлежность автора к конкретному факультету на момент публикации статьи. Наличие нескольких авторов в статье дополнительных баллов вузу не даёт [12].

Техасский университет сельского хозяйства и механизации совместно с Университетом Флориды начиная с 2005 г. ежегодно оценивает продуктивность факультетов менеджмента университетов США и Канады в рейтинге Management Department Productivity Rankings (MDPR) по подсчёту публикаций в восьми ведущих журналах по менеджменту: Academy of Management Journal, Academy of Management Review, Administrative Science Quarterly, Journal of Applied Psychology, Organizational Behavior and Human Decision Processes, Organization Science, Personnel Psychology, Strategic Management Journal [13].

Рейтинг ASU Finance Rankings, разрабатываемый с 1990 г. Университетом Аризоны (ASU), направлен на ранжирование финансовых факультетов ведущих университетов мира и опирается на ту же методологию, что и предыдущие рейтинги. В его основе лежит учёт числа опубликованных статей в четырёх ведущих финансовых журналах: Journal of Finance, Journal of Financial and Quantitative

Таблица 1. Рейтинг высших экономических школ России

№	Топ-10	2013 (127)	2014 (76)	2015 (57)	2016 (97)
1	Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (ВШЭ)	1* (100,0)	1 (100,0)	1 (100,0)	1 (100,0)
2	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)	5 (27,1)	3 (42,0)	2 (47,4)	2 (54,8)
3	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ)	4 (33,0)	4 (34,9)	5 (28,4)	3 (43,0)
4	Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)	3 (38,6)	5 (26,0)	4 (33,6)	4 (35,6)
5	Финансовый университет при Правительстве РФ (Финуниверситет)	2 (52,6)	2 (47,9)	3 (45,1)	5 (33,9)
6	Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (РЭУ)	6 (15,1)	6 (17,9)	6 (19,9)	6 (20,6)
7	Южный федеральный университет (ЮФУ)	15 (5,9)	7 (9,9)	10 (8,1)	7 (19,8)
8	Уральский государственный экономический университет (УрГЭУ)	—	19 (3,5)	34 (1,9)	8 (14,2)
9	Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ)	57 (1,9)	22 (3,1)	41–48 (1,3)	9 (10,3)
10	Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)	8 (8,1)	8 (8,4)	8 (8,7)	10 (10,1)
11	Воронежский государственный университет (ВГУ)	14 (5,9)	—	7 (9,4)	—
12	Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ)	7 (10,0)	10 (8,1)	12 (7,1)	16 (7,3)
13	Российская экономическая школа (РЭШ)	18 (5,4)	27 (2,6)	9 (8,4)	17 (7,0)
14	Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К.А. Тимирязева (РГАУ)	9 (7,7)	—	—	41–66 (2,3)
15	Ставропольский государственный аграрный университет (СГАУ)	10 (7,5)	—	—	—

*Первое число в столбце показывает место вуза в рейтинге, второе (в скобках) — рейтинговый балл.

Analysis, Journal of Financial Economics, Review of Financial Studies, Financial Management [14].

Практика составления подобных симбиотических рейтингов в России пока не получила широкого распространения. Несмотря на то, что в последние годы активизировался процесс составления рейтингов экономических журналов [15, 16], оценка вузов на их основе практически не производилась. Таким образом, можно говорить о том, что проект РВЭШ остаётся уникальным в российской практике ранжирования экономических вузов. К настоящему моменту РВЭШ позволяет анализировать информацию четырёх волн (годов) рейтингования. В таблице 1 приведены данные Топ-10 РВЭШ за разные годы; полномасштабная версия рейтинга доступна по ссылке [17].

Данные таблицы 1 позволяют сделать ряд важных выводов о характере конкурентных процессов, развернувшихся на рынке СЭУ.

Во-первых, непререкаемым лидером является ВШЭ, которая по рейтинговому баллу примерно вдвое превосходит следующий за ней вуз. Такой существенный гандикап позволяет утверждать, что в обозримом будущем лидерство этого вуза, скорее всего, останется непоколебимым.

Во-вторых, даже список Топ-10 чрезвычайно неоднороден. Например, вуз, занимающий 10-е место, имеет рейтинговый балл примерно в 10 раз ниже, чем вуза-лидера. Это говорит о том, что на рынке СЭУ сложилась своеобразная *олигополия*, когда пять–шесть лидеров фактически

недосягаемы для остальных вузов страны; реальная конкуренция разворачивается в основном за включение во вторую пятёрку Топ-10.

В-третьих, ожесточённая конкуренция наблюдается даже среди вузов первой пятёрки, которые постоянно претерпевают рокировки. Например, Финуниверситет и РАНХиГС за 4 года поменялись местами: если Финуниверситет опустился со второго на пятое место, то РАНХиГС, наоборот, поднялась с пятого на второе. Уже только этот факт показывает остроту борьбы, развернувшейся между вузами, имеющими самый высокий административный статус. К настоящему времени можно говорить, что РАНХиГС законно отвоевала своё второе место и, скорее всего, будет его удерживать. Более того, в 2016 г. его отставание от ВШЭ по рейтинговому баллу стало наименьшим за всё время составления РВЭШ — менее чем в 2 раза. Если же учесть, что нарастание данного показателя в последние годы у РАНХиГС происходило в среднем на 6 процентных пунктов, то уже через 3 года разрыв между данным вузом и лидером в лице ВШЭ станет минимальным. Таким образом, РАНХиГС вполне отчётливо просматривается в качестве будущего лидера СЭУ, не исключено, что в течение ближайшего десятилетия ему удастся потеснить ВШЭ. Нешуточная борьба разворачивается между двумя грандами страны — МГУ и СПбГУ, которые также осуществили рокировку третьего и четвёртого мест, в которой первый вуз выиграл, а второй — проиграл. Таким образом, в первой пятёрке СЭУ Финуниверситет и СПбГУ несколько ухудшили свои позиции, что говорит об определённых упущениях со стороны менеджмента этих вузов в части реализации стратегии академических исследований.

Во второй пятёрке лидеров СЭУ наблюдается ещё менее устойчивая ситуация. Так, в противовес стабильному положению РЭУ Южный федеральный университет, можно сказать, ворвался в Топ-10 и закрепился среди передовых вузов. В то же время академические позиции МГИМО несколько ослабили, а УрГЭУ и ПГНИУ преодолели огромный путь для попадания в десятку лидеров. Ещё более впечатляющим представляется успех РЭШ, которая, несмотря на свои камерные размеры и частную форму собственности, постоянно и небезуспешно штурмует Топ-10. На другом полюсе стоят мощные аграрные вузы — РГАУ и СГАУ, которые всё-таки не смогли удержаться в десятке лидеров. Всё это говорит о том, что даже короткий список лучших СЭУ пока не стабилизировался, не говоря уже о ранжировании внутри него. Можно констатировать, что конкурентные процессы на рынке СЭУ не только не затухают, но, напротив, набирают обороты.

Нельзя не отметить следующий важный аспект наблюдаемой конкуренции СЭУ, а именно её административный характер. Несложно видеть, что первые пять вузов списка Топ-10 обладают самым высоким административным статусом, находясь под прямым патронажем Правительства РФ. Ранее в литературе уже отмечалась примечательная черта российского рынка университетов: административный успех вуза постепенно материализуется в его академических успехах [18]. Таблица 1 полностью подтверждает этот вывод. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что первая пятёрка вузов в перспективе может претерпевать рокировки, но её состав, скорее всего, останется неизменным.

Фактор успеха СЭУ: организация исследований. Важнейшим фактором академических успехов СЭУ является организация в вузе научной работы. Однако, чтобы задействовать указанный фактор, необходимо, чтобы вуз имел хорошее финансирование и высокий административный статус. Но даже при наличии таковых отнюдь не все российские вузы способны правильно организовать научную работу.

Говоря о научной работе, мы имеем в виду исследовательскую деятельность сотрудников вуза, которая систематически выполняется в научных подразделениях — институтах, центрах, отделах и лабораториях. В этих структурных подразделениях работники сосредоточены исключительно на исследованиях, что предопределяет их более высокую научную продуктивность по сравнению с преподавателями университетов, которые занимаются наукой по остаточному принципу — в свободное от чтения лекций время. Вузы, имеющие обширную сеть научных подразделений, обладают определёнными преимуществами в генерировании научных инноваций. Соответственно, одно из направлений конкуренции крупных СЭУ — это сфера организации исследований.

Как видно из таблицы 2, некоторые СЭУ активно пользуются своим привилегированным положением и эксплуатируют научные подразделения, укрепляя таким образом своё доминирующее положение на рынке. Например, лучшие публикации РАНХиГС в подавляющей мере обеспечены научными сотрудниками, а не преподавателями. Около

Таблица 2. Доля научных сотрудников среди авторов статей в журналах из Алмазного списка, %

Университет	2015	2016
РАНХиГС	75,7	71,4
ВШЭ	41,8	49,3
МГУ	31,8	27,9
Финуниверситет	28,0	22,9

Таблица 3. Исследовательские подразделения ведущих вузов России

Университет	2017	2018
РАНХиГС	5 научных институтов 52 научных центра	5 научных институтов 63 научных центра, лаборатории и школы
ВШЭ	31 научный институт 97 научных центров 32 международных лаборатории 36 лабораторий	27 научных институтов 10 научных центров 33 международных лаборатории 41 научная лаборатория
МГУ	12 научных институтов 21 научный центр	11 научных институтов 22 научных центра 92 научных отдела и лаборатории
Финуниверситет	4 научных института 9 научных центров	2 научных института 26 научных центров и лабораторий

половины публикационного потенциала ВШЭ также продуцируется научными подразделениями, для Финуниверситета эта доля составляет примерно четверть. Нет сомнений, что наличие в структуре вуза научных подразделений, а следовательно, научных заказов и исследовательских проектов, является основой его высокой академической активности.

Данные таблицы 3 подтверждают этот вывод: вузы с повышенной академической активностью обладают довольно внушительными сетями научных подразделений. Причём если МГУ как яркий представитель классического университета уже практически завершил формирование своей научно-организационной составляющей, то крупнейшие СЭУ продолжают её наращивать и модифицировать. Более того, многие СЭУ провели поистине революционные преобразования. Так, в ВШЭ и Финуниверситете были ликвидированы кафедры; вместо этих относительно мелких учебных структурных подразделений были внедрены их более крупные аналоги — департаменты. Что касается научных подразделений, то сейчас идёт активный поиск эффективных моделей их встраивания в общую структуру вузов. Так, в ВШЭ и РАНХиГС большинство научных подразделений действует в качестве самостоятельных в составе более крупных научных образований — институтов, отделов и т.п. В Финуниверситете от такой модели перешли к распределению научных центров по университетским департаментам. В любом случае можно наблюдать активное экспериментирование с научными подразделениями, которые выступают в качестве драйверов академической активности передовых СЭУ.

Нельзя не отметить, что во многих вузах страны, в том числе и в некоторых СЭУ, научные подразделения вообще отсутствуют. Данные вузы специализируются на предоставлении образовательных услуг, а незначительный объём исследовательских

работ по государственным заданиям и коммерческим договорам выполняется силами преподавателей; лаборатории и центры могут существовать в виде виртуальных подразделений, где в качестве научных сотрудников на полставки и даже на четверть ставки числятся преподаватели кафедр. Вместе с тем уже сейчас можно смело утверждать, что вузы, претендующие на роль исследовательских университетов с высокой академической активностью, просто обязаны иметь постоянный штат научных сотрудников и соответствующие научные подразделения.

Как и в случае с издательской деятельностью, наличие постоянных научных подразделений в структуре СЭУ предполагает серьёзную перестройку управленческой культуры вуза. Дело в том, что потребность в систематической загрузке научных сотрудников требует высокой активности университетского менеджмента по поиску и заключению договоров на выполнение исследований за счёт внебюджетных средств. Такая работа оздоравливает отношения внутри СЭУ, позволяя управленцам и исследователям эффективно работать в одной обойме. Вузы, где удаётся построить разумные модели такого взаимодействия, демонстрируют высокую академическую активность; в противном случае они теряют свои позиции без каких-либо шансов на их возврат.

Фактор успеха СЭУ: издательские инициативы. Чтобы понять, за счёт чего вузы Топ-10 обеспечивают своё лидерство, следует рассмотреть журналы Алмазного списка. Оказывается, почти все вузы выпускают собственные периодические издания социального профиля, но некоторые из них добились того, что их журналы получили международную аккредитацию, то есть вошли в базы данных Web of Science (WoS) и Scopus. Такие журналы попали в Алмазный список, который определяет научные тренды в экономической науке России. Из таблицы 2 видно, что больше всего специализированных

Таблица 4. Рейтинговый потенциал передовых журналов вузов

Университет	2013	2014	2015	2016
ВШЭ	1* (66,6)	3 (258,5)	3 (221,6)	2 (128,5)
СПбГУ	2 (144,2)	1 (99,0)	2 (147,4)	1 (52,8)
Московский финансово-промышленный университет “Синергия” (МФПУ)	1 (70,4)	1 (81,2)	1 (77,4)	1 (52,6)
ЮФУ	—	1 (76,5)	1 (68,2)	1 (55,8)
РАНХиГС	—	1 (76,1)	1 (68,1)	1 (52,9)

*Первое число в столбце показывает число журналов вуза в Алмазном списке, второе (в скобках) — их совокупный рейтинговый балл.

журналов сосредоточено в ВШЭ, с которой конкурировали ещё четыре вуза. Неудивительно, что СЭУ, издающие передовые журналы, имеют возможность давать зелёный свет прежде всего своим сотрудникам, а значит, претендовать на доминирование в научном информационном пространстве.

Данные таблицы 4 проливают свет на беспрецедентное лидерство ВШЭ: в некоторые годы она имела в своём активе три журнала из Алмазного списка, что почти автоматически делало её недосягаемой для потенциальных конкурентов. Например, в 2013 г. авторами всех статей, размещённых на страницах “Экономического журнала Высшей школы экономики”, который постоянно входит в Алмазный список, были сотрудники ВШЭ; для журнала “Terra Economicus”, издаваемого ЮФУ, доля публикаций сотрудников материнской организации составляла 58,8% [6]. Таким образом, одна из конкурентных стратегий вузов состоит в выпуске высококачественных экономических журналов, в которых максимальную квоту можно отдавать своим сотрудникам. Сразу оговоримся, что данный фактор постепенно исчерпывает свою силу. Чтобы не вступать в конфликт с международными стандартами, ВШЭ, например, в 2018 г. установила в дочерних журналах квоту для своих сотрудников в 25%. Однако следует отметить, что и эта цифра достаточно весома для поддержки своего вуза.

В целом можно говорить о трёх наиболее выраженных стратегиях на рынке научных журналов. Первая из них состоит, как уже было показано, в захвате рынка ведущих экономических журналов путём организации собственных изданий. Яркие представители этой стратегии — ВШЭ, РАНХиГС, СПбГУ и ЮФУ. Вторая стратегия — активное точечное “освоение” чужих журналов. Например, страницы самого популярного профильного журнала страны “Вопросы экономики” сегодня

практически поделены между ВШЭ и РАНХиГС. Аналогичным образом МГИМО в значительной мере оккупировал профильный для себя журнал “Мировая экономика и международные отношения”. Третья стратегия заключается в продвижении широким фронтом статей в чужие журналы. Таким образом действует, например, МГУ, сотрудники которого в 2016 г. фигурировали на страницах всех 13 журналов из Алмазного списка.

Вузы комбинируют три указанные стратегии в любом соотношении. Скажем, Финуниверситет старается продвинуть в международные базы данных сразу несколько журналов, однако эта инициатива предполагает распыление ресурсов и требует определённого времени. А РАНХиГС сосредоточилась на получении международного статуса только для одного своего журнала — “Экономическая политика”, для чего были выделены финансовые и трудовые ресурсы, что позволило указанному изданию в сжатые сроки войти в WoS и Scopus. ВШЭ активно использует все три стратегии — собственные издательские инициативы, монополизацию некоторых чужих изданий и активное проникновение на страницы почти всех престижных журналов, что и позволяет ей стабильно удерживать лидерство.

Особо следует подчеркнуть, что издательская инициатива вузов несёт в себе солидный косвенный потенциал академического успеха. Дело в том, что это настраивает почти всех исследователей СЭУ на достижение международных стандартов, предполагает их хорошую информированность об отечественных изданиях, уже прошедших сертификацию за рубежом. Такой настрой сказывается на качестве статей и постепенно реализуется в росте публикационной активности вуза на страницах лучших отечественных изданий.

Фактор успеха СЭУ: нетрадиционные модели управления. Помимо указанных факторов

конкуренции, почти все СЭУ используют нетрадиционные управленческие ноу-хау, которые позволяют им усиливать академические позиции. Такие инновации могут быть более или менее значимыми, поэтому их общее число довольно велико. Мы рассмотрим только три оригинальных начинания в качестве типичных примеров усиления конкурентных позиций СЭУ на рынке вузов.

Первый пример касается превращения вуза в пространство, на котором проходят значимые научные мероприятия. В борьбе за право считаться интересной площадкой для академического сообщества почти все вузы проводят в своих стенах международные конференции, конгрессы и симпозиумы, среди которых есть как малозаметные, так и значительные, в связи с чем основная линия борьбы разворачивается за знаковые научные события. Примером организации такого события является Финуниверситет, который запустил масштабный проект по приглашению нобелевских лауреатов по экономике для чтения ознакомительных лекций. Финансирование этих мероприятий взял на себя выпускник Финуниверситета миллиардер Михаил Прохоров. В рамках данного проекта в России побывали Томас Сарджент (Thomas Sargent), Ларс Хансен (Lars Hansen), Роберт Шиллер (Robert Shiller), Кристофер Писсаридес (Christopher Pissarides), Ангус Дитон (Angus Deaton) и другие учёные. Эта гуманитарная акция привлекла к себе большое внимание общественности. Многие учёные из других городов заранее планировали поездку в Москву на очередную лекцию. Визиты нобелевских лауреатов широко освещались в СМИ и, без сомнения, повысили академическое реноме Финуниверситета.

Второй пример касается беспрецедентной организационной акции — создания своеобразного исследовательского холдинга, который объединил три организации — РАНХиГС, Всероссийскую академию внешней торговли (ВАВТ) Министерства экономического развития (МЭР) РФ и Институт экономической политики (ИЭП) им. Е.Т. Гайдара. Данный холдинг функционирует как некая целостность, когда даже вопрос аффилиации публикующихся сотрудников решается в зависимости от текущих нужд трёх организаций. Тем самым публикационный потенциал каждой из указанных структур может наращиваться за счёт взаимной “переброски” аффилиации. Этот факт поразителен, если учесть, что РАНХиГС находится под прямым патронажем Президента РФ, ВАВТ — под МЭР РФ, а ИЭП вообще является частным фондом. Существенно, что РАНХиГС и ИЭП имеют совместный эндаумент, позволяющий им получать дополнительные доходы. Данный холдинг в лице РАНХиГС и ИЭП при участии Ассоциации инновационных регионов

России выступил с масштабной инициативой по ежегодному проведению в стенах РАНХиГС Гайдаровского форума, одного из самых престижных деловых мероприятий сегодня, за которым закрепились репутация “российского Давоса” [19]. Нет никаких сомнений, что авторитет и узнаваемость РАНХиГС благодаря Гайдаровскому форуму возросли многократно.

Третий пример связан с таким начинанием, как формирование независимой региональной аналитики, ниша которой остаётся пустующей во многих округах России. Важно, кто первым выйдет на соответствующий рынок и закрепится на нём. К настоящему моменту эксперты выделяют на рынке региональной аналитики двух мегаигроков — РАНХиГС и ВШЭ. Именно эти вузы первыми освоили данное прикладное направление экономического анализа и выступают в качестве исключительных исполнителей коммерческих исследований в российских регионах. Например, на Юге России на рынке социальной аналитики действуют 15–20 нишевых федеральных игроков и незначительное число аналитических центров, созданных региональными администрациями [20]. Однако все они претендуют на проведение только не крупных специальных исследований, самые же выгодные заказы достаются двум мегаигрокам. Своевременное освоение прикладных сегментов социальной аналитики не только повышает научный престиж РАНХиГС и ВШЭ, но и обеспечивает им солидные внебюджетные доходы.

Похожих примеров можно привести достаточно много, однако главное состоит в том, что ведущие российские СЭУ активно ищут и находят способы повысить свою конкурентоспособность. И если традиционные административные инструменты утрачивают эффективность, то вузы способны генерировать новые конкурентные витки на протяжении ещё многих лет.

Завершая изложение, следует обратить внимание на следующий факт: для предыдущих лет развития университетского рынка России был характерен удивительный парадокс — на фоне достаточно слабой экономики в стране сформировался пул поразительно сильных СЭУ. Причём эти вузы не только не ослабли, пережив период турбулентности на рынке высшего образования, но, наоборот, закрепили за собой статус наиболее динамичных и авторитетных университетов страны. Более того, в последние 5–6 лет был сделан огромный шаг вперёд по формированию данными вузами своего позитивного научного реноме.

В настоящее время, когда усиливаются санкции Запада против России и ухудшается геополитическая ситуация во всём мире, перед страной встаёт задача построения динамичной,

высокотехнологичной и диверсифицированной экономики. Хочется надеяться, что в этот период передовые СЭУ России примут активное участие в разработке грамотной стратегии экономического развития. Научный потенциал для этого у них есть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балацкий Е.В. Управленческие парадоксы реформ в университетском секторе // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2(26). С. 124–149.
2. The World University Rankings 2018. https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2018/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (дата обращения 20.04.2018).
3. Рейтинговое агентство “Эксперт РА”. Рейтинг вузов России – 2017. <https://raexpert.ru/project/vuz-rating/2017/ranking#3> (дата обращения 20.04.2018).
4. Балацкий Е.В. Университетские эндаументы и конкурентоспособность российских вузов. М.: Буки Веди, 2017.
5. Финансовый университет. Наши рейтинги. <http://www.fa.ru/science/Pages/ratings.aspx> (дата обращения 20.04.2018).
6. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Опыт составления рейтинга российских экономических журналов // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 99–115.
7. Webster D.S. Advantages and disadvantages of methods of assessing quality // Change. 1981. V. 1. № 7. P. 20–24.
8. Иванов С., Волкова И. Какие вузы умнее: почему на Западе появились академические рейтинги // Образовательная политика. 2010. № 7–8 (45–46). С. 19–29.
9. Baltagi B. Worldwide econometric rankings // Econometric Theory. 2006. V. 23. № 5. P. 952–1012.
10. Lee F.S. The Ranking game, class, and scholarship in American mainstream economics // Australasian Journal of Economics Education. 2006. V. 3. № 1&2. P. 1–41.
11. The UTD Top 100 Business School Research Rankings. <http://jindal.utdallas.edu/the-utd-top-100-business-school-research-rankings/> (дата обращения 20.04.2018).
12. The Tilburg University Top 100 Worldwide Economics Schools Research Ranking. <https://econtop.uvt.nl/rankinglist.php> (дата обращения 20.04.2018).
13. Texas A&M/ University of Georgia Rankings of Management Department Research Productivity. http://www.tamugarankings.com/rankings/2017-2/?utm_source=Mays+Faculty%2FStaff%2FPh.D.+Students+from+website&utm_campaign=886d49dc84-Mays+Weekly_Oct_30_2017_&utm_medium=email&utm_term=0_82ed221d8e-886d49dc84-350033561&mc_cid=886d49dc84&mc_eid=37440a5407 (дата обращения 20.04.2018).
14. ASU Finance research rankings. <https://wpcarey.asu.edu/finance-degrees/finance-rankings> (дата обращения 20.04.2018).
15. Алескерев Ф.Т., Бадгаева Д.Н., Писляков В.В. и др. Значимость основных российских и международных экономических журналов: сетевой анализ // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2(30). С. 193–205.
16. Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А., Славинская О.А. Сообщество экономистов и экономические журналы (социологические измерения vs библиометрия): Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017.
17. Неэргодическая экономика. Академический рейтинг высших экономических школ России. <http://nonerg-econ.ru/cat/18/9/> (дата обращения 20.04.2018).
18. Балацкий Е.В. Административная конкуренция на российском рынке высшего экономического образования // Экономика образования. 2013. № 4. С. 12–23.
19. Гайдаровский форум. Концепция форума. <http://gaidarforum.ru/about/concept/> (дата обращения 20.04.2018).
20. Козлов В. Региональная аналитика как коммуникативная и междисциплинарная проблема // Эксперт ЮГ. 22.06.2017. <https://www.dropbox.com/s/dsvstc25rgabxrn/%D0%9A%D0%BE%D0%B7%D0%BB%D0%BE%D0%B2.pdf?dl=0> (дата обращения 20.04.2018).

ОРГАНИЗАЦИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ И НАУКОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАК ОБЪЕКТ НЕЧИСТОПЛОТНОГО БИЗНЕСА

© 2018 г. А.В. Гринёв

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: agrinev1960@mail.ru

Поступила в редакцию 03.02.2018 г.

Статья посвящена актуальной теме расцветшего в России многомиллионного бизнеса на наукометрических показателях и научных публикациях, которым промышляют недобросовестные фирмы, издательства и журналы, в том числе зарубежные. С течением времени эта международная проблема лишь обостряется, особенно в свете усиливающегося бюрократического давления на учёных, вынужденных издавать свои работы в журналах сомнительного характера. Её решению может способствовать комплекс мер, предлагаемый в заключительной части статьи.

Ключевые слова: наукометрия, индекс Хирша, РИНЦ, ВАК, Web of Science, Scopus, “хищные” журналы, “Диссернет”.

DOI: 10.31857/S086958730002147-9

Наукометрия — сравнительно молодая дисциплина, заявившая о себе более 60 лет назад сначала в США, а затем и в СССР. “Отец” наукометрии американский учёный-лингвист Юджин Гарфильд уже в 1960 г. основал коммерческую компанию “Институт научной информации” (Institute of Scientific Information — ISI), которая спустя три года стала регулярно выпускать библиографические указатели научного цитирования (Science Citation Index — SCI). В те же годы профессор механико-математического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова В.В. Налимов ввёл в научный оборот термин “наукометрия” и сформулировал основы этой

дисциплины. В 1969 г. в Советском Союзе появилось несколько статей и монографий на эту тему, однако этим в нашей стране всё и ограничилось. А в США наукометрия стала совершенствоваться и превращаться в процветающую и приносящую хороший доход область знания, особенно после поглощения в 1992 г. ISI корпорацией “Thomson Reuters” и формирования всемирно известной библиографической базы данных (ББД) Web of Science (WoS). Параллельно в 1995 г. издательская корпорация “Elsevier”, базирующаяся в Нидерландах, создала крупнейшую ныне ББД Scopus.

В настоящее время использование наукометрических данных и показателей стало весьма выгодным бизнесом, который обеспечивает зарубежным корпорациям многомиллионные прибыли за счёт платного доступа к библиографической информации. Этому в немалой степени способствуют острая конкуренция между учёными и преподавателями университетов, часто обозначаемая в англо-американских трудах расхожей фразой “publish or perish” (“публикуй или погибнешь”), самими университетами за место в престижных международных рейтингах, а также соперничество между журналами за более высокий импакт-фактор. Наконец, ведущие рейтинговые компании сейчас просто не могут обходиться без наукометрических данных. В частности, при ранжировании ведущих университетов

ГРИНЁВ Андрей Вальтерович — доктор исторических наук, профессор СПбПУ.

мира наивысшим весом индекса цитирования (32%) обладает британское агентство “Times Higher Education” (его методика основана на 13 показателях). Более высокий рейтинг университета способен привлечь внимание потенциальных спонсоров и абитуриентов. А поскольку в тех же США подавляющее большинство вузов платные, то это означает больший приток денежных средств.

Естественно, в СССР ничего подобного возникнуть не могло не только по причине почти полного отсутствия конкуренции и предпринимательской деятельности, но и достаточно дозированного (в силу идеологических причин) доступа к информации, поэтому наукометрия у нас была загнана в узкие академические рамки и ограничивалась редкими публикациями, в том числе переводными. В 1990-е годы после распада Советского Союза и проведения так называемых демократических реформ вопрос о широком развитии наукометрических изысканий и вовсе не стоял — речь шла об элементарном выживании отечественной науки. Лишь в 2000-е годы интерес к наукометрии стал оживать. Возобновились публикации (хотя и немногочисленные) статей и монографий, в которых затрагивалась наукометрическая проблематика [1, 2 и др.]. Зарубежные БДД индексировали не более 10% всех научных журналов, выходящих в России, поэтому настоящим событием стало создание в 2005 г. Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) — национальной библиографической базы данных научного цитирования, аккумулирующей свыше 12 млн публикаций российских авторов, а также информацию об их цитировании из более 6 тыс. отечественных журналов.

Этот проект разрабатывала компания “Научная электронная библиотека” (НЭБ eLibrary.ru). На первых порах он спонсировался государством, но уже через несколько лет бюджетное финансирование прекратилось. Ныне РИНЦ выступает как негосударственная коммерческая организация, существующая на деньги, которые она зарабатывает самостоятельно. Следует отметить, что это не лучшим образом сказывается на деятельности крупнейшей библиографической базы. С одной стороны, представители РИНЦ вежливо, но настойчиво отказываются принимать дополнительную информацию по публикациям и ссылкам, которую, между прочим, легко проверить по Интернету, рекомендуя делать это через учебную или научную организацию, причём за немалые деньги: плата за ежегодное абонирование для крупного университета достигает 1 млн руб., а иногда и больше. Но даже платное абонирование не гарантирует сотруднику соответствующего вуза учёт всех цитирований его трудов, так как РИНЦ готов поместить в авторский профиль только ссылки, сделанные другими сотрудниками того же университета. Это

прямое поощрение взаимоцитирования в рамках одного вуза, факультета или кафедры, что уже с большой иронией высмеяно в ролике, размещённом в YouTube [3]. Не приходится сомневаться, что при подобном подходе неполнота и искажение наукометрических данных гарантированы. С другой стороны, РИНЦ с готовностью включает в свои базы и учитывает показатели “мусорных” журналов и сборников, учебную и учебно-методическую литературу, не имеющую к подлинной науке никакого отношения, но способствующую накрутке рейтингов, цитирований и небезызвестного индекса Хирша (*h-index*), созданного как раз в год основания РИНЦ [4]. Сейчас, правда, появились некоторые признаки оздоровления ситуации: в апреле 2017 г. 334 псевдонаучных журналов были исключены из списков РИНЦ [5]. Но это капля в море, если иметь в виду индексацию 6 тыс. научных журналов. При этом продолжается фиксация многочисленных сборников и прочих материалов, научное содержание которых вызывает серьёзные сомнения.

Неудивительно, что спустя несколько лет после основания РИНЦ начал подвергаться критике за неполноту и искажение приводимых данных, учёт ненаучной литературы и чуть ли не за преднамеренную фальсификацию библиометрической информации, что в немалой степени способствовало дискредитации наукометрии. Впрочем, осуждение не ограничилось одним только РИНЦ. Огонь критики обрушился, в том числе и со стороны зарубежных специалистов, на саму дисциплину, применяемый ею инструментарий и в целом на наукометрический подход к оценке деятельности учёных [1, 6]. Это привело к принятию в 2015 г. так называемого Лейденского манифеста, где были обоснованы 10 принципов использования данных наукометрии, содержащих призыв осторожно применять наукометрические показатели и обязательно сочетать их с экспертными оценками [7].

Но эти тонкости и детали мало кого волновали в России до начала 2010-х годов, поскольку наукометрия была сферой интереса относительно узкого круга специалистов по науковедению и библиографии и для подавляющей части преподавательской и научной общественности оставалась практически неизвестной. Дело в том, что в России (а до этого в СССР) о цифрах научных показателей вспоминали в основном лишь в отчётный период, когда подводили итоги учебного или календарного года, а также при поступлении на работу или проведении конкурса на замещение должности в вузе/научно-исследовательском институте. Причём в силу господствовавших в вузовской и научной среде неформальных личных связей наукометрическим показателям уделяли не слишком большое внимание, да и сами они были

достаточно примитивны. Обычно главным критерием успешности НИР считалось общее количество опубликованных работ за определённый отрезок времени по принципу “чем больше, тем лучше” (пресловутая ставка на вал). В связи с этим значительная часть профессорско-преподавательского состава институтов и университетов в основном ограничивалась публикацией бесчисленных тезисов докладов (часто дублирующих друг друга), прочитанных на региональных и всероссийских конференциях. Лишь иногда администрация вуза или НИИ запрашивала более детальную наукометрическую информацию — количество монографий и статей, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК. Но этим показателям придавали серьёзное значение исключительно при защите кандидатских/докторских диссертаций или на конкурсе по замещению должности в случае появления реальных конкурентов.

Ситуация резко изменилась после издания указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 “О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки”. Основной причиной принятия этого документа стало постоянное снижение доли российских научных публикаций, признаваемых в мире, что отрицательно сказывалось на международном престиже страны. Сам же указ предусматривал увеличение к 2015 г. доли работ российских исследователей до 2,44% в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в Web of Science. Кроме того, он декларировал вхождение к 2020 г. не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых вузов. Чтобы способствовать выполнению этих директив, в мае 2013 г. Минобрнауки России объявило конкурс на предоставление государственной поддержки ведущим университетам страны, для чего была разработана Программа “5—100—2020”. Хотя указ и привёл к заметной активизации публикационной активности, особенно среди вузов, отобранных по этой Программе [8, с. 30, 31], контрольная цифра количества публикаций в ведущих международных изданиях так и не была достигнута. В 2016 г. возглавлявший тогда РАН академик В.Е. Фортов был вынужден с горечью констатировать, что Россия существенно отстала в публикационной сфере, опустившись до уровня Ирана. Впрочем, прозорливые исследователи давно предсказывали это, используя логический и математический анализ [9, с. 50—52].

Тем не менее указ дал новый мощный импульс развитию наукометрии в нашей стране. Ежегодно стали издавать сборники, публиковать статьи, научно-методические рекомендации, презентации (в том числе в Интернете). Предпринимались попытки обучения наукометрии в вузах, были созданы лаборатории наукометрии при Уральском

федеральном университете и Национальном исследовательском университете “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ). Для поощрения публикаций своих сотрудников в журналах, индексируемых в WoS и Scopus, администрация ряда университетов ввела ежемесячные надбавки либо выдачу премий. Особенно высокими оказались выплаты за статьи, опубликованные в авторитетных журналах с высоким импакт-фактором, относящихся к 1—2 квартилям (Q1—2). При этом в некоторых вузах, например в МФТИ, начали практиковать сложные математические расчёты для определения вознаграждения за публикации своих сотрудников в высокоцитируемых научных изданиях [10]. В 2017 г. выплаты доходили до 300 тыс. руб.

Одновременно многие диссертационные советы резко ужесточили требования к количеству и качеству публикаций диссертантов. Наряду с обязательными статьями, изданными в журналах списка ВАК, теперь они должны иметь несколько статей, индексируемых в Scopus и/или WoS. Об этом в августе 2017 г. сказал в интервью Indicator.Ru председатель ВАК В.М. Филиппов. По его словам, если раньше для защиты докторской диссертации по гуманитарным наукам достаточно было иметь 15, а по естественным наукам 10 публикаций в изданиях из перечня ВАК, то теперь для успешной защиты в МГУ требуется соответственно 20 публикаций в журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus [11].

Аналогичная картина наблюдается и на конкурсах при замещении должностей профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников, лицензировании вузов, заполнении документов для участия в конкурсах на получение научных грантов. Так, Российский научный фонд требует как наличия определённого задела в виде публикаций по избранной теме в журналах, индексируемых в WoS и Scopus, так и результатов в публикационной форме. Сверх того РНФ запрашивает наукометрические показатели, которые включают авторские профили претендентов на грант в WoS и Scopus, общее количество размещённых там публикаций за последние 5 лет, их *h-index* и т.д.

Естественно, что новые требования, связанные с наукометрическими параметрами, оказались в орбите внимания отечественного околонаучного бизнеса. Он зародился ещё в советское время, но расцвета достиг в 1990—2000-х годах и был связан в первую очередь с написанием и защитой “липовых” диссертаций. Подпитываемый бессмертной российской коррупцией, в которой оказались замешаны представители чиновничьего аппарата и депутаты, решившие за деньги обзавестись учёной степенью, бизнес на фальшивых диссертациях с неизменным плагиатом стал настоящим

бедствием для отечественной науки и привёл к резкой девальвации учёных степеней. Поскольку ни правоохранительные органы, ни ВАК практически не боролись с этим злом, научная общественность и неравнодушные журналисты решили взять дело в свои руки и образовали вольное сетевое сообщество “Диссернет”, которое за несколько лет вывело на чистую воду немало недобросовестных чиновников, бизнесменов, научных работников и представителей вузовской администрации. По словам одного из сооснователей “Диссернета” А.В. Заякина, речь идёт о настоящей мафии, а рынок подложных диссертаций, по его оценке на 2017 г., может достигать 100 млн долл. в год [5]. Причём дельцы от науки действуют совершенно открыто. Прямо сейчас, когда я пишу эти строки, на сайте компании “Dissertatus” предлагается заказать кандидатскую диссертацию по цене от 90 тыс. руб., а докторскую — от 150 тыс. руб. [12].

Помимо фальшивых диссертаций, существует не менее болезненная тема, которая обычно находится в тени громких диссертационных скандалов. Речь идёт о махинациях с журнальными публикациями ради накрутки наукометрических показателей. Активист “Диссернета” Л.Г. Мелихова привела вопиющий пример, когда профессор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения смог опубликовать четыре статьи в 27 разных журналах [13]. Появились периодические издания, готовые за деньги напечатать работы подчас сомнительного содержания или неоднократно изданные статьи и доклады. Весьма агрессивно в этом плане действуют организаторы так называемых заочных конференций, приглашая через рекламу в Интернете принять в них участие. Так, фирма “Cognito” (International Scientific Organization) рекламировала в январе 2018 г. XXIX Международную мультидисциплинарную заочную конференцию “Актуальные проблемы науки XXI века”. Для участия в ней надо было сделать организационный взнос: 1420 руб. для граждан РФ и 1900 руб. для иностранцев. Кроме того, за сборник статей конференции следовало заплатить 700 руб. и ещё 100 руб. за сертификат участника [14]. “Популяризация науки — наша главная цель”, — провозглашали владельцы сайта “Cognito”, “забывая” добавлять строчку про свой коммерческий интерес. Здесь нелишне напомнить, что с точки зрения наукометрии участие в подобных мероприятиях — полнейшая бессмыслица и пустая трата денег, так как материалы таких конференций часто не индексируются в библиометрических базах.

Не менее активно различные фирмы и издательства навязывают через Интернет рекламу услуг по продвижению публикаций, причём за немалые деньги. В частности, издательство “Русайнс”

предлагает напечатать статью в журнале ВАК за 15 дней по фиксированной цене 10 тыс. руб. вне зависимости от объёма работы или выбранного издания (“Любой объём, любой журнал, любая специальность — цена не изменится!”) [15]. Упомянутая фирма “Dissertatus” берёт дешевле: публикация в научном издании обойдётся клиенту в 8,5 тыс. руб. [12]. Наконец, фирма “Кандидат 5” устраивает настоящий демпинг на рынке мошеннических услуг, предлагая написание статьи для журнала из списка ВАК за 4 тыс. руб. всего за один день [16]. У Коллегии независимых авторов “Научник” иной, строго дифференцированный подход: она соблазняет потенциальных авторов написанием за них научной статьи по цене 600 руб. за страницу (если речь идёт о статье для журнала ВАК — 900 руб.). За 500 руб. обещает повышение индекса Хирша за счёт цитирования публикаций в журналах, индексируемых в РИНЦ и ВАК, причём результат, как уверяет реклама, начнёт проявляться уже через 2–4 недели [17].

Не брезгают сомнительным бизнесом и некоторые журналы, открыто предлагающие срочные публикации за деньги. Так, в “Московском экономическом журнале” (МЭЖ) подобная статья обойдётся в 9,5 тыс. руб., причём с бонусом в виде дополнительной бесплатной публикации в электронном периодическом издании — Международном журнале прикладных наук и технологий “Интеграл”. Для постоянных авторов — скидка 10–20% [18]. Проверка с использованием данных РИНЦ показывает, что МЭЖ не входит в перечень ВАК, а лишь индексируется в РИНЦ. Тем не менее в рубрике “Описание журнала” всё в том же РИНЦ указано, что он включён под № 607 в новый перечень ВАК, который вступил в силу 1 декабря 2015 г. Далее в рубрике “Индексирование журнала” обозначены базы данных: ВАК, РИНЦ, AGRIS, Google Scholar, Openaire, WorldCat, Cyberleninka. И как прикажете это понимать? И куда смотрят сотрудники РИНЦ? Не пора ли провести ревизию таких журналов?

Но дельцы из околонушной издательской сферы на этом не успокаиваются и соблазняют публикацией в “European Journal of Humanities and Social Sciences”, зарегистрированном в Австрии, часть тиража которого, как говорится на сайте издания, отправляется в Национальные библиотеки Австрии и Чехии, а также в библиотеки крупнейших вузов этих стран. Правда, почти все члены редколлегии “European Journal” представляют страны СНГ — Россию, Казахстан, Украину и др. И хотя на сайте приводятся данные о размещении и индексации журнала на портале eLibrary.ru (Договор с ООО “НЭБ” № 205–04/2014), в РИНЦ его уже нет по причине недавнего исключения из списков этой библиографической базы. Впрочем,

услуги, предлагаемые издателями австрийского журнала, не особенно обременительны в финансовом отношении. Публикация статьи объёмом до 6 страниц (10 800 знаков без пробелов) обойдётся всего в 50 евро, а страницы текста сверх включённого объёма — в 6 евро [19]. Видимо, журнал рассчитан на честолюбивых провинциальных учёных и преподавателей из стран СНГ, которых прельщает возможность иметь хоть какую-то публикацию в европейском журнале.

Широкий спектр услуг для недобросовестных авторов предлагает фирма “Наука без границ”. Она готова не только помочь с написанием статей (от 700 руб. за страницу), но и обеспечить публикацию в изданиях, индексируемых в РИНЦ (от 1,5 тыс. руб.), ВАК (от 6 тыс. руб.) и Scopus (от 50 тыс. руб.). Кроме того, предлагается соавторство по экономическим дисциплинам с возможностью публикации в Scopus и Web of Science. “Количество мест ограничено!” — предупреждает реклама на сайте фирмы [20]. Среди услуг — аудит научных статей, их переводы, редактирование текстов, проверка на плагиат. Только плати!

Поскольку администрация вузов и институтов сейчас особое внимание уделяет публикациям в зарубежной периодике, индексируемой в Scopus и Web of Science, то неудивительно, что бизнесмены от издательского дела не хотят упустить шанс подзаработать на новых бюрократических требованиях. Издательский дом “Научное обозрение” предлагает в 2018 г. публикацию статей в британском журнале (Scopus, Q2) объёмом 5–7 тыс. слов, не считая рисунков, таблиц и библиографии. Список расходов: перевод статьи с вычиткой носителем языка — 1300 руб./1800 знаков, экспертная оценка с рекомендациями по доработке статьи, публикационная плата, форматирование и оформление статьи, ссылок, списка литературы по требованиям журнала — всё за 60 тыс. руб. Если не подходит британский журнал, можно подать статью в испанский (Scopus, WoS, Q3) за 50 тыс. руб. или за ту же сумму — в шведский (Scopus, Q3), а также в другие иностранные журналы, перечисленные на сайте фирмы [21]. Аналогичным образом компания с вполне respectable названием “Международный центр научного сотрудничества” предлагает за 39,5 тыс. руб. избавить автора от многих ненужных хлопот при публикации статьи, индексируемой в Scopus. Правда, заметно дороже — за 54,5 тыс. руб. — обойдётся размещение работы в журнале, зарегистрированном в Web of Science [22]. Сходные ножницы цен наблюдаются и в компании “Publ.Science”, где стоимость услуг по публикации статьи в журнале, индексируемом в Scopus, начинается от 450 долл., а в издании из списка WoS — от 750 долл. [23]. Подобная разница в ценах встречается не так редко и объясняется

тем, что напечатать работу в журналах, числящихся в ББД WoS, обычно труднее, чем в периодике, индексируемой в Scopus. Дело в том, как отмечают специалисты из Наукометрического центра НИУ ВШЭ, что у этих двух корпораций разные рыночные стратегии. WoS делает упор на высокое качество, а Scopus старается охватить как можно больше журналов, по числу которых эта база данных в настоящее время почти в 2 раза превосходит конкурента. В результате Scopus больше страдает от “хищных” (недобросовестных) издателей, а потому котируется ниже [24, с. 10].

Многие отечественные авторы предпочитают оплачивать расходы вскладчину, практикуя тем самым принудительное соавторство. Об этом нетрудно догадаться, анализируя рекламу фирмы “Международный издатель”, где говорится: “Мы на 25.10.2017 опубликовали 1674 статьи (9981 учёный) в Scopus и Web of Science”. Если понимать рекламу дословно, то прямо в библиографических базах их и опубликовали. В среднем же получается примерно по 6 соавторов на статью. Кроме того, фирма хвалится: “У нас больше 30 выполненных договоров с университетами и НИИ, можно в офисе посмотреть. Мы *единственные* на рынке, кто справится с большими объёмами — до 200 статей в месяц. У нас *недешево*, потому что мы *гарантируем* публикацию на 100%. При оптовых заказах от 10 статей — цена от 20 тыс. руб. (350 долл.)” [25].

Цены у “Международного издателя” действительно кусаются по сравнению с другими подобными организациями: написание статьи за автора, её доработка до и после рецензирования обойдутся заказчику в 90 тыс. руб. (1500 долл.), если статья пойдёт в журнал, индексируемый в ББД Scopus или WoS [26]. Любопытно отметить, что при этом “Международный издатель” предупреждает потенциальных клиентов о мошенниках и схемах жульнических операций с публикациями. Со своей стороны, детальному разоблачению нечистоплотных приёмов и махинаций самого “Международного издателя” посвятил значительную часть своей статьи профессор Новосибирского государственного технического университета В.А. Жмудь [27, с. 131–140, 142, 143].

Подобные посреднические фирмы не оставляют без внимания и собственно наукометрические показатели. Оказывается, за 4 тыс. руб. можно получить ссылку на свою работу в журнальной статье из ББД Scopus. Подобное предложение поступило автору на электронную почту 10 апреля 2016 г. от ООО “Белкнига” (info@rusnauka.ruskyhosting.ru). Прочитав с сохранением стиля и грамматических огрехов: “*Этот вопрос решается следующим образом, в одной из научных работ, публикуемых в издании входящих в БД Скопус могут быть*

добавлены библиографические ссылки на Вашу публикацию. Стоимость добавления библиографической ссылки составит 4000 руб. Каждая вторая ссылка добавляется бесплатно". Комментарии, как говорится, излишни.

Хотя главный объект наукометрии — научные статьи и связанные с ними показатели (индекс цитируемости, индекс Хирша, импакт-фактор и др.), околонуличный бизнес не забывает и про монографии. Разброс цен на этом рынке существенный. Упомянутая фирма "Наука без границ" готова содействовать написанию и публикации монографии при цене за работу от 30 тыс. руб. Среди услуг предусматриваются вычитка, присвоение ISBN, аннотация, дизайнерская обложка и рассылка печатных экземпляров. А вот санкт-петербургская компания "Disser-pro.ru" берёт в 2 раза дороже (от 60 тыс. руб.), обещая создать написанный в художественном стиле (?) научный труд за пять (!) и более недель, посвящённый изучению определённой темы или связанных между собой тем [28].

Здесь необходимо подчеркнуть, что не все услуги, предлагаемые перечисленными и многими другими подобными фирмами, носят мошеннический характер. Например, перевод текста на английский или немецкий язык сам по себе не имеет никакого криминального характера (вопрос только в разумной цене). Но написание статьи или монографии за автора, искусственное взвинчивание цитирования, взимание платы за публикации, невзирая на их научное качество, — это явное злоупотребление. Причём было бы ошибкой считать подобные услуги сугубо отечественным явлением. Теневой бизнес научных публикаций процветает по всему миру. Особенно резонансным оказался разразившийся в 2011 г. в Китае скандал с массовой фальсификацией научных данных в статьях, отражённых в ББД WoS и Scopus. Причина крылась в премировании китайских университетов (до 30–40 тыс. долл.) за издание одной статьи сотрудника в журналах, индексируемых в престижных наукометрических базах. Правда, после обнародования в 2013 г. данных о массовых фальсификациях в Китае приняли закон об аннулировании учёных степеней и званий, под действие которого попали исследователи, допустившие антинаучные и аморальные поступки [29, с. 258].

Таким образом, давление государственной бюрократии, с одной стороны, и поощрение успешно публикующихся авторов (материальное, моральное, административное) — с другой, породили питательную среду для расцвета "хищных" журналов (predatory journals). Иногда их ещё называют "грабительскими" за взимание платы с авторов статей, несмотря на то, что корпоративная этика ББД Scopus запрещает брать её, рассматривая

это как прямой путь к коррупции. Цель "хищных" журналов — всеми правдами и неправдами попасть и хотя бы ненадолго закрепиться в индексах Scopus и WoS, после чего заняться грабительским бизнесом.

Существует ещё категория "мусорных" журналов, названных так из-за издания псевдонаучного информационного мусора, откровенно слабых публикаций, не дающих ничего (или почти ничего) реальной науке. По мнению координатора проекта "Диссернет" доктора биологических наук Л.Г. Мелиховой, нередко в эту категорию попадают "Вестники" каких-нибудь вузов. И хотя эти издания бывают вполне достойными, однако чаще представляют собой чисто советское наследие, так как публикуют преимущественно своих сотрудников, членов редколлегии, накручивая взаимное цитирование. При этом по числу фальшивых диссертаций и по "мусорным" статьям лидируют одни и те же области знаний: на первом месте экономика, на втором — юридические науки, на третьем — педагогика. Дальше идут социология и история в разных пропорциях. Меньше всего злоупотреблений в области физики и математики [30].

"Мусорные" издания тоже не брезгают взиманием платы с авторов, особенно за срочные публикации, трансформируясь в "мусорных хищников". Мне известен случай, когда в середине 2000-х годов петербургский профессор для прохождения конкурса в университете вынужден был заплатить по 5 тыс. руб. (теперь эту цифру следует удвоить) за каждую из трёх статей, напечатанных в провинциальном журнале, числящемся в перечне ВАК. Другой получивший широкую огласку пример — публикация в 2008 г. известным российским учёным М.С. Гельфандом псевдонаучной статьи "Корчеватель: алгоритм типичной унификации точек доступа и избыточности", написанной специальной компьютерной программой. За 4,5 тыс. руб. эта галиматья была напечатана в "Журнале научных публикаций аспирантов и докторантов" из списка ВАК. Лишь после разразившегося скандала ВАК был вынужден удалить его из своих списков.

Признаки "хищных" журналов хорошо известны: это обязательная плата, взимаемая с авторов статей, продажа издательских услуг, большое число статей в одном номере, чрезвычайно широкий разброс тематики, отсутствие качественного научного рецензирования, манипуляции с искусственным наращиванием цитируемости и т.д. [5, 31]. Но виноватыми в махинациях бывают не только издательства и журналы, но и сами нечистоплотные авторы. По словам одного из сотрудников корпорации Scopus, иногда группа подобных лиц договаривается с коллегами из-за рубежа включать друг друга в число соавторов, ссылаться на статьи друг

друга и тем самым повышать цитируемость. Другим видом околонучного мошенничества стала практика, именуемая англоязычным термином “salami slicing” (“нарезка салями”) или же “pizza slicing” (“нарезка пиццы”). Научное исследование делится на несколько частей, и журнал публикует ряд статей или докладов, посвящённых, по сути, одной теме, но описывающих разные её аспекты, в то время как всё можно было оформить в рамках одной научной работы [32]. Эта практика хорошо знакома отечественным авторам.

Ещё один способ накрутить наукометрические показатели — веерная рассылка, когда одна и та же работа направляется в несколько журналов, где и публикуется. К этому можно добавить написание статей с множеством (порой десятками и даже сотнями) соавторов, хотя чаще всего подобная кооперация не требуется [30], а то и вовсе физически невозможна: представьте, как над статьёй объёмом в 12 страниц одновременно трудятся 75 человек. Среди десятков соавторов, по давней советско-российской традиции, не может не присутствовать институтское или университетское начальство, которому тоже нужны рейтинги, публикации, высокий индекс Хирша и т.д. На самом деле статью обычно пишут 1–3 автора, остальные в лучшем случае добавляют штрихи, мелкие замечания, а нередко только собственную начальственную фамилию. И тем не менее после выхода работы все соавторы в равной мере получают соответствующую запись в авторском профиле в той или иной библиометрической базе. Особенно злоупотребляют подобной практикой представители естественных дисциплин — физики, химики и др. Мне могут возразить: как же так, наша лаборатория, все 38 человек, не покладая рук три года трудились над проектом, а теперь их лишают заслуженного признания. Но, во-первых, все 38 сотрудников наверняка были упомянуты в официальном отчёте лаборатории, который по завершении проекта ушёл в вышестоящие инстанции. Во-вторых, не все его участники писали статью в научный журнал. В-третьих, никто не мешает реальному автору (или авторам) перечислить их фамилии в тексте.

Под нарастающим давлением бюрократических требований публиковать статьи в наиболее уважаемых изданиях многие авторы покупают место в “хищных” журналах, формально зарегистрированных в ББД Scopus, не заботясь о своей научной репутации [24, с. 12]. Правда, сам Scopus старается о ней не забывать, периодически снимая с индексирования проштрафившиеся журналы. Причём процесс идёт по нарастающей: если в 2015 г. из баз Scopus за злоупотребления удалили 37 журналов [32], то в 2017 г. — уже 302.

Особую популярность на ниве борьбы с “хищными” журналами обрёл американский библиотеквед Джеффри Билл из Университета Колорадо, который в 2010 г. взялся за расследование и начал составлять ныне широко известный и регулярно обновляемый список “хищных” журналов (Beall's List of Predatory Journals, аналогичный есть и для “хищных” издательств). В настоящее время список Билла насчитывает около 1300 наименований. К сожалению, 15 января 2017 г. всё содержимое Scholarly Open Access — сайта, на котором Билл размещал список, — было полностью удалено вместе с личной страницей библиотекведа на веб-сайте университета [33]. Впрочем, в Интернете список продолжает фигурировать и обновляться.

В 2016 г. в нашей стране “Диссернет” объявил “крестовый поход” против дискредитирующих науку журналов, добиваясь их удаления из списка ВАК, прекращения государственного финансирования и в конечном счёте — закрытия. Со своей стороны генеральный директор Научной электронной библиотеки eLibrary.Ru Г.О. Ерёмченко пообещал бороться с некачественными журналами, которые, по его словам, мешают давать правильную оценку реальным научным показателям. Вместе с тем он признал, что из 6 тыс. журналов, индексируемых в РИНЦ, нормальное рецензирование есть в лучшем случае у тысячи периодических изданий [5, 13]. По мнению же сооснователя “Диссернета” профессора А.А. Ростовцева, 90% журналов из РИНЦ ниже необходимой планки научности. Среди худших, согласно данным “Диссернета”, оказались такие журналы, как “Экономические науки”, “Вестник Московского университета МВД России”, «Вестник Тамбовского университета. Серия “Гуманитарные науки”», “Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата”, “Публичное и частное право” и “Человеческий капитал”. Кроме того, “Диссернет” за год накопил базу, в которую вошли около 500 подозрительных журналов из списка ВАК [34].

В борьбе с некачественными журналами активно участвуют и некоторые российские вузы. В 2012 г. началось создание внутривузовских “белых” и “чёрных” списков псевдонаучных изданий. В настоящее время, как отмечали сотрудники Наукометрического центра НИУ ВШЭ А.А. Еникеева и И.А. Стерлигов, они есть в МГИМО, НИУ ВШЭ, ТПУ [35]. Отдельные вузы рассылают информационные письма с предупреждением внимательно относиться к журналам, где сотрудник намерен публиковать свою работу, но это не всегда помогает. Более того, по словам журналиста “Огонька” А. Трушева, ситуация с фальш-публикациями устраивает всех — и псевдоучёных, и их руководство, и тех, кто зарабатывает на публикационной активности. Так, премии от руководства вузов псевдоучёным за платные публикации

в “хищных” журналах, числящихся в ББД Scopus, порой перекрывают расходы авторов на несколько десятков тысяч рублей. Не приходится удивляться, что в Интернете запрос “опубликовать статью в международном журнале” фиксируется примерно 54 тыс. раз в месяц, а продвижением публикаций российских учёных в международные научные журналы, согласно анализу сайтов в “Яндексе”, заняты уже более 40 (!) компаний в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске и других городах [36]. При этом некоторые виды деятельности посреднических фирм уже находятся в явном противоречии с законодательством [27, с. 136, 140, 141].

Настоящий подарок мошенническим фирмам, “хищным” и “мусорным” журналам преподнесло в середине января 2018 г. Федеральное агентство научных организаций. Выполняя указ Президента РФ от 2012 г., “эффективные менеджеры” ФАНО, курирующие РАН, не просто удвоили оклады сотрудникам академических институтов, но и по собственной инициативе потребовали от них удвоения количества научных публикаций. В противном случае агентство пригрозило строптивым институтам отказать в финансировании. Не было принято во внимание ни то, что наука — процесс во многом творческий и не поддаётся простому двукратному увеличению, ни то, что количество журналов с приличной репутацией ограничено, ни то, что многие научные работники и так находятся на пределе своих публикационных возможностей. Таким образом, январским решением ФАНО фактически стимулировало сотрудников академических институтов фабриковать “мусорные” статьи, заниматься имитацией науки и использовать недобросовестные приёмы для накрутки наукометрических показателей [37]. Правда, у агентства нашлось и альтернативное решение проблемы. Так, всех сотрудников Института синтетических полимерных материалов им. Н.С. Ениколопова РАН буквально заставили написать заявления о переводе на полставки.

Стоит ли удивляться, что очередной виток бюрократического давления на науку приведёт к дальнейшему процветанию околонучного издательского бизнеса. У нас и прежде, по признанию эксперта Scopus, президента Ассоциации научных редакторов и издателей О.В. Кирилловой, масштаб злоупотреблений на этой почве был огромным [38]. Уже сейчас рынок фальшивых журнальных публикаций, по оценке представителя “Диссернета” А.В. Заякина, составляет примерно 50 млн долл. в год [5]. В интервью газете “Троицкий вариант” он подчеркнул: «Журнальная мафия страшнее диссеродельной: диссероделы только истерят и пишут доносы, а “журналистики” угрожали жизни и здоровью активистов [“Диссернета”]» [39, с. 12].

Вместе с тем уже сложилась система теневых связей российских фирм-посредников с “хищными” журналами и издательствами за рубежом, которые собирают денежную дань с наших авторов. Особенно “прославились” Индия, Индонезия, Объединённые Арабские Эмираты, Нигерия и некоторые другие страны. Например, в 2015 г. насчитывалось около 8 тыс. “грабительских” изданий, выпустивших примерно 400 тыс. публикаций [24, с. 10; 40, с. 9]. Вряд ли их число уменьшилось за прошедшие годы. При этом проблема публикаций в “хищных” журналах — удел не только развивающихся стран. Так, в Италии часть авторов, пусть и незначительная, либо по незнанию, либо вполне сознательно издаёт свои работы в “хищной” периодике, связанной прежде всего со сферой экономики и бизнеса. При этом зарубежные учёные называют распространение “хищных” журналов серьёзным симптомом и верхушкой айсберга, под которой скрываются более тяжёлые проблемы [40, с. 3, 14, 15].

В результате проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, тема нечистоплотного бизнеса вокруг научных публикаций и наукометрических показателей явно нуждается в более детальном и глубоком монографическом (возможно, коллективном) изучении. Во-вторых, поскольку государство проявляет заинтересованность в учёте и улучшении наукометрических параметров на макро- и микроуровне, было бы логично ему самому активно вмешаться в ситуацию и предпринять ряд шагов (но не таких, какие инициировало ФАНО). Для начала государству необходимо взять в свои руки РИНЦ, его финансирование и навести порядок в нашей единственной наукометрической базе, удалив из неё не имеющую отношения к науке литературу — школьные учебники, методические разработки, научно-популярные труды и тому подобное, а также вычистив многочисленные “мусорные” издания. Аналогичным образом следует поступить и с перечнем ВАК, используя зарубежный опыт (в первую очередь ББД WoS и Scopus) и установив жёсткие критерии, которые не допустят попадания “мусорных” и тем более “хищных” изданий в этот список. В-третьих, все попытки нажиться на авторах следует пресекать решительным образом, вплоть до закрытия журнала и наложения солидных штрафов на его редколлегию и учредителей. Так же надо поступать с нечистоплотными фирмами, блокируя их рекламу в Интернете. Для этого необходимо разработать и принять специальное законодательство, где будет предусмотрена административная ответственность за различные мошеннические операции на ниве наукометрии и научных публикаций. Такие действия рекомендуется проводить и в отношении авторов в случае обнаружения коррупционного

сговора, участия в мошеннических схемах, неукоснительно лишая учёных степеней и должностей лиц, получивших их обманным путём за счёт фальшивых диссертаций и публикаций (без срока давности). В-четвёртых, важно наладить международное сотрудничество по пресечению деятельности “хищных” журналов и издательств, без чего борьба с этим злом будет малоэффективной.

И последнее. Несмотря на недостатки наукометрии, без её данных в настоящее время не обойтись, поэтому следует обеспечить разработку единых общегосударственных стандартов наукометрических показателей, а не потакать волюнтаризму ФАНО, администраций вузов, НИИ и иных органов и организаций, решающих проблему оценки научной деятельности. Система критериев, оценок и требований должна носить адекватный, прозрачный, обоснованный и объективный характер с учётом специфики каждой отрасли научного знания (например, разброс в цитировании между различными дисциплинами достигает шестикратного размера, и унификация здесь совершенно неуместна). По вопросам изменения уже принятых стандартов и правил окончательные решения важно принимать не директивным способом, а после широкого гласного обсуждения, возможно, с использованием сетевых референдумов. Подчеркнём, что эти меры должны проводиться в комплексе, иначе российская наука деградирует и её ждёт весьма незавидное будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов О.В. Блеск и нищета “индекса цитирования” // Вестник РАН. 2004. № 11. С. 1025–1029.
2. Науковедение и новые тенденции в развитии науки / Под ред. А.Г. Аллахвердяна, Н.Н. Семёновой, А.В. Юревича. М.: Логос, 2005.
3. https://vk.com/video12110559_170889980 (дата обращения 04.12.2017).
4. Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2005. № 46. P. 16569–16572.
5. Котляр П. Из списка РИНЦ исключены более 300 “мусорных” журналов // Газета.ru. 19 апреля 2017 г. https://www.gazeta.ru/science/2017/04/19_a_10634891.shtml#page1 (дата обращения 02.12.2017).
6. Игра в цифры, или как теперь оценивают труд учёного. Сборник статей о библиометрике. М.: МЦИМО, 2011.
7. Hicks D., Wouters P., Waltman L. et al. Bibliometrics: The Leiden Manifesto for research metrics // Nature. 2015. P. 429–431.
8. Польшин О.В., Матвеева Н.Н., Стерлигов И.А., Юдкевич М.М. Публикационная активность вузов: эффект проекта “5–100” // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 10–33.
9. Арефьев П.Г. Публикационная активность, возможности роста научного продукта и традиционный русский вопрос “Что делать?” // Университетская книга. 2013. № 10. С. 49–55.
10. Программа поддержки научной публикационной активности обучающихся и сотрудников МФТИ на 2017 г. <https://mipt.ru/science/5top100/staff/publications/reenumeration.php> (дата обращения 20.12.2017).
11. Диссоветы шагают по стране: 10 вопросов о новом порядке присуждения степеней. Председатель ВАК ответил на вопросы Indicator.Ru // Indicator.Ru. 31 августа 2017 г. https://indicator.ru/article/2017/08/31/glava-vak-filippov-dissertacii/?utm_source=fbsharing&utm_medium=social (дата обращения 20.12.2017).
12. Компания “Dissertatus”. <http://actualtraffic.ru/site/dissertatus/> (дата обращения 28.01.2018).
13. Котляр П. “Диссернет” запустил проект по разоблачению ваковских журналов // Газета.ru. 13 декабря 2016 г. https://www.gazeta.ru/science/2016/12/13_a_10424483.shtml#page3 (дата обращения 27.12.2017).
14. XXIX Международная мультидисциплинарная заочная конференция “Актуальные проблемы науки XXI века”. Информационное письмо. <http://www.mio-cognitio.com/conf> (дата обращения 28.12.2017).
15. Ru-Science. Портал российской науки. Публикация статей в журналах ВАК. https://www.ru-science.com/ru/vak/publikaciya_statej_v_zhurnalah_vak?yclid=5713703820421242104 (дата обращения 28.01.2018).
16. Компания “Кандидат 5”. <https://kandidat5.ru/stati/stati-vak/?yclid=5857659312882324886> (дата обращения 27.01.2018).
17. Коллегия независимых авторов “Научник”. <http://nauchnik.org/> (дата обращения 26.01.2018).
18. Московский экономический журнал. <http://qje-su/stati/aktsii/> (дата обращения 28.01.2018).
19. The European Journal of Humanities and Social Sciences. Европейский журнал гуманитарных и общественных наук. <http://ppublishing.org/ru/journals/769/> (дата обращения 28.01.2018).
20. Международная научная организация “Наука без границ”. <http://publication-service.com/> (дата обращения 27.01.2018).
21. АНО Издательский дом “Научное обозрение”. <http://russian-science.info/vedetsya-priem-statej-v-zarubezhnye-zhurnaly-indeksiruemye-bd-scopus-web-of-science> (дата обращения 28.01.2018).
22. Международный центр научного сотрудничества. <http://science-center.ru/voprosy-i-otvety/>

- trebovaniya-po-oformleniyu/ (дата обращения 28.01.2018).
23. Компания “Publ.Science”. <http://publ.science/price> (дата обращения 26.01.2018).
24. *Sterligov I., Savina T.* Riding with the Metric Tide: ‘Predatory’ journals in Scopus // Higher Education in Russia and Beyond. 2016. № 7. P. 9–12.
25. Международный издатель. <http://www.123mi.ru/> (дата обращения 29.01.2018).
26. Международный издатель. Дополнительные услуги при публикации научных статей в международных и отечественных журналах. http://www.123mi.ru/prices.php#mi_dor (дата обращения 29.01.2018).
27. *Жмудь В.А.* Мошенничество на рынке псевдонаучных публикаций // Автоматика и программная инженерия. 2017. № 1(19). С. 131–148.
28. Компания “Disser-pro.ru”. <http://disser-pro.ru/?yclid=5857469258130788718> (дата обращения 27.01.2018).
29. *Московкин В.М., Пересыпкин А.П., Пупынина Е.В.* Изучение особенностей международных практик по выплате вознаграждений за научные публикации с помощью платформы Research Gate и персональной коммуникации. Предварительные результаты // Научные ведомости БГНИУ. 2013. № 16. Вып. 25. С. 257–261.
30. “Вся наука сейчас — мыльный пузырь”. Сообщество “Диссернет” запустило проект “Диссеропедия журналов” // Радио “Свобода”. 5 мая 2017 г. <https://www.svoboda.org/a/28468696.html> (дата обращения 27.01.2018).
31. *Попова Н.Г.* В России мы пока бьёмся за сам факт публикации в журналах “Scopus” или “WoS”, в то время как в западных странах бьются за цитирование // Дискуссия. 2017. № 5. С. 6–14.
32. Журналы-хищники в публикационной пене. Интервью консультанта по аналитическим рецензиям в России и Белоруссии Международного издательства “Elsevier” Г. Якшонок. <http://www.ssau.ru/news/11470-Zhurnaly-khishchniki-v-publikacionnoy-pene/> (дата обращения 31.01.2018).
33. *Руссо М.* Почему исчез “список Билла”? // Полит.ру. 18 января 2017 г. http://polit.ru/article/2017/01/18/ps_beall/ (дата обращения 31.01.2018).
34. *Дёмина Н.* “Диссернет” занялся “мусорными” журналами // Полит.ру. 18 декабря 2016 г. http://polit.ru/article/2016/12/18/dissernet_vs_garbage/ (дата обращения 31.01.2018).
35. *Еникеева А.А., Стерлигов И.А.* Псевдонаучные журналы: выявление и борьба с ними (опыт НИУ ВШЭ). <http://conf.neicon.ru/materials/15-Domestic0516/20160518-10-Sterligov.pdf> (дата обращения 31.01.2018).
36. Цена цитаты. Александр Трушин узнал, как устроен рынок научных публикаций в России // Коммерсант.ru/Огонёк. 18 июля 2016 г. <https://www.kommersant.ru/doc/3035895> (дата обращения 01.02.2018).
37. *Рубцов А.* Удвоение реальности: как российскую науку заставляют заниматься имитацией // РБК. 30 января 2018 г. https://www.rbc.ru/opinions/politics/30/01/2018/5a702b549a794769102a5a0c?utm_source=smi2&utm_medium=smi2&utm_campaign=smi2 (дата обращения 30.01.2018).
38. *Кириллова О.* Брокер гонит брак. Как российским авторам и издателям не попасть в чёрные списки // Поиск. 2017. № 13. С. 21–22.
39. *Заякин А.В.* “Пусть министр лучше проверит ректоров вузов” // Троицкий вариант. 2018. № 245. С. 12.
40. *Bagues M., Sylos-Labini M., Zinovyeva N.* A Walk on the Wild Side: “Predatory” Journals and Information Asymmetries in Scientific Evaluations // IZA Discussion Papers. 2017. № 11041. P. 1–47.

ОБОЗРЕНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

© 2018 г. А.Л. Журавлёв^{1,*}, И.А. Мироненко^{2,**}, А.В. Юревич^{1,***}

¹Институт психологии РАН, Москва, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: adm3@psychol.ras.ru; **E-mail: mironenko.irina1@gmail.com;

***E-mail: av.yurevich@mail.ru

Поступила в редакцию 12.01.2018 г.

Процесс формирования глобальной науки в современном мире предполагает как появление новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — научного сообщества. По мнению авторов статьи, глобализация психологической науки обуславливает не только интеграцию, но и дифференциацию течений мировой науки. В ходе этих процессов подвергаются сомнению устоявшиеся в мейнстриме второй половины XX в. теоретические представления о человеческой природе и методологические основания соответствующих теорий. Формирование глобальной психологии как многополюсного сетевого образования рассматривается не в качестве единой теоретической тенденции, а, скорее, как дивергентное развитие новых и переосмысленных старых психологических концепций в попытках дать объяснение современным эмпирическим реалиям, порождаемым эрой глобализации. Авторы предлагают определить глобальную психологию как этап в развитии психологической науки, порождённый новой реальностью, для описания которой уже не годятся старые подходы. Дискурс глобальной психологии направлен на становление дисциплины, способной адекватно ответить на вызовы времени, отразить психологию ныне живущего человека. Российская наука, считают авторы, должна активно участвовать в диалоге и интеграции на новом этапе, сохраняя при этом свою особость, потому что именно своей уникальностью она может быть интересна, а значит, востребована мировой психологией.

Ключевые слова: глобальная психология, “туземные психологии” (indigenous psychologies — IPs), новизна объектов и предметов психологических исследований в глобальном мире, научное психологическое сообщество в эпоху глобализации, интеграция и дифференциация мировой науки, место и роль российской психологии в мировой науке.

DOI: 10.31857/S086958730002148-0

В глобальном мире, где действуют транснациональные организации, социальные институты и процессы, а люди активно перемещаются из страны в страну, культура народов с неизбежностью приобретает новые черты. Наука как часть культуры, приспосабливаясь к новым

условиям, закономерно изменяется, постепенно становится *глобальной*, что предполагает формирование как новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — научного сообщества.

ЖУРАВЛЁВ Анатолий Лактионович — академик РАН, научный руководитель ИП РАН. МИРОНЕНКО Ирина Анатольевна — доктор психологических наук, профессор СПбГУ. ЮРЕВИЧ Андрей Владиславович — член-корреспондент РАН, заместитель директора ИП РАН.

Наряду с общими закономерностями происходящих перемен в каждой науке проявляются и свои специфические. Для естественных наук на первый план выходит интеграция национальных наук в единую мировую, в основе которой лежат деятельность международных организаций и межнациональные связи научных институтов, а также неформальные контакты и совместная работа учёных из разных стран [1, с. 146]. Для наук гуманитарного профиля процессы интеграции существенно осложняются выраженной культурной опосредованностью как предмета, так и субъекта исследований. Если ещё четверть века назад можно было говорить о глобализации как распространении в мире западных культурных стандартов и норм, то сегодня подобное видение ситуации оказывается несостоятельным. Ведущей чертой глобализации становятся возникновение многополюсной мировой системы и рост культурного разнообразия.

Что касается психологии, то в её рамках глобализация по-разному протекает в разных регионах и в заметной мере характеризуется протестными тенденциями – сопротивлением гегемонии западоцентристского мейнстрима, в котором после Второй мировой войны доминировала американская традиция.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ И СТРАНАХ АФРИКИ

В Азиатском регионе и в странах Африки основной формой движения в данном направлении стало развитие так называемых “туземных психологий” (Indigenous Psychologies – IPs, или Indigenized Psychologies – IZPs). Интенсивное экономическое и политическое развитие азиатских стран, где зародился проект IPs, рост национального самосознания послужили толчком к критике западных психологических теорий. В.Г. Энрикес, один из основателей движения IPs на Филиппинах, объяснял, что оно направлено “против психологии, которая поддерживает статус сознания филиппинца” [2, р. 155]. Аналогичного мнения придерживаются и другие исследователи, утверждая, что “массовый импорт западной психологии в Азию представляет собой форму культурного империализма, который закрепляет здесь колониальную форму сознания” [3, р. 89]. Основным аргументом авторов, разрабатывающих IPs, стала непригодность западных теорий для объяснения и прогнозирования поведения и деятельности местных жителей, понимания их психического склада. Это доказывает необходимость рассматривать психологические проблемы людей в контексте культуры той общности, к которой они принадлежат, и их реального бытия в конкретном социуме. В русле этого направления

ставится общая задача “развития системы научного знания, которая бы эффективно отражала, описывала и объясняла психическую деятельность и поведение в естественных контекстах и в культурно-релевантных терминах” [4, р. 245, 246].

Проект IPs быстро приобрёл и сохраняет большую популярность. В 1999 г. высокорейтинговый журнал “Applied Psychology” подготовил специальный выпуск, посвящённый IPs, в 2005 г. – журнал “Asian Journal of Social Psychology”. Опубликованы две коллективные монографии, в которых анализируется развитие “туземных психологий”, под редакцией таких авторитетных учёных, как У. Ким и Дж. Берри [5].

В рамках этого направления собран большой массив эмпирических данных, в основном описывающих отличия психологических характеристик отдельных групп населения азиатских и африканских территорий от представленных в западном мейнстриме. Такие исследования, составляя большую долю IPs, фактически сливаются с кросс-культурной психологией. В отношении того, как соотносятся IPs и кросскультурная психология, в литературе встречаются разные точки зрения, например: IPs и кросскультурная психология являются взаимодополняющими дисциплинами [5]; IPs составляет часть кросскультурной психологии [3, 6]; напротив, кросскультурная психология есть часть IPs [4]. В целом можно согласиться с утверждением, что по своему содержанию работы, относимые к IPs и к кросскультурным исследованиям, фактически ничем не различаются [7], в обоих направлениях доминирует сравнительный подход.

Предполагается, что подобные исследования позволят обнаружить некие *универсалии*, составляющие основу человеческой психики во всех её культурных вариантах, и таким образом продвигнуться в создании универсальной, глобальной по своему предмету психологии, которая будет не только отражать особенности представителя западной культуры, фиксированные в соответствующих теориях, но и окажется применимой в контексте любой культуры. Западному психологическому мейнстриму при таком подходе придаётся статус лишь одной из IPs [8]. В этом смысле все психологические теории являются “туземными”, так как каждая из них создана в русле какой-то определённой культуры [9].

Парадоксальным образом данное направление IPs, выступающее под лозунгом критики западных теорий, новых не выдвинуло. Фокусируясь на проведении эмпирических исследований с целью выявления различий между психологическими характеристиками местного населения по сравнению с представителями западной культуры, приверженцы IPs в основном опираются на методический

аппарат и инструментарий, разработанные на Западе. На этом противоречии базируется растущая критика IPs-теорий, в контексте которой звучат утверждения, что они являются тупиковыми [7].

Отметим ещё один парадокс в развитии IPs: возникшее под лозунгом критики западного мейнстрима в связи с игнорированием культурных особенностей, это направление психологической мысли фактически выявляет общечеловеческие характеристики через снятие культурной специфичности. В русле всего обширного потока исследований IPs доминирует представление о *глобальной* психологии как о психологии *универсальной* и *общечеловеческой*, что объясняет явно и неявно проявляющуюся здесь тенденцию сближения с *эволюционной психологией* (в той форме, в которой она представлена в современном западном мейнстриме). Сторонники последней полагают, что психические механизмы жизнедеятельности человека сформировались в далёком прошлом, когда современный человек складывался как вид, и навечно закреплёны генетически. Естественно, при таком подходе большое значение приобретает исследование той среды, в которой человек обитал на заре своего существования — так называемой *среды эволюционной адаптации* (СЭА) — и в процессе приспособления к которой он формировался. В литературе активно обсуждается, какой была эта среда, какие задачи необходимо было решать нашим предкам, для того чтобы выжить. Именно несоответствие СЭА и условий жизни в современном мире рассматривается в качестве причины большинства неврозов и кризисов человека нашего времени. Эволюционная психология активно взаимодействует со *сравнительной психологией* и *этологией*, используя сведения о жизни современных приматов для гипотетических реконструкций СЭА.

Следует подчеркнуть, что в России эволюционная психология зародилась существенно раньше, чем на Западе, и её развитие происходило на иной теоретико-методологической основе и в ином направлении. Эволюционная теория Дарвина обрела большую популярность ещё в дореволюционной России, причём с самого начала её понимание и интерпретация отличались от предлагавшихся западными учёными, о чём прямо пишут их современные последователи. Они отмечают, что, если в западном научном сообществе теория Дарвина непосредственно связывалась с идеями Мальтуса, то в России мальтузианство не получило широкого распространения и не сопрягалось с дарвинизмом [10].

После Октябрьской революции теория Дарвина становится особенно актуальной и социально востребованной. Её дух и буква как нельзя больше соответствовали идеологическим установкам

советской власти, провозгласившей целью сформировать “нового человека”. На вооружение были взяты два основных положения теории Дарвина: вид изменяется, направление изменений определяется внешними условиями среды. На основе такого подхода развивалась отечественная сравнительная психология в советский период, по сути, представляя собой российскую школу эволюционной психологии. Предметом изучения стало закономерное, закрепляемое как прижизненно, так и наследственно изменение поведения и психики в результате смены условий обитания. Главный предмет интереса советских учёных — проблема специфичности человеческой психики, её отличие от психики животных. В основу понимания данного отличия как радикального и качественного была положена теория К. Маркса, которая парадоксальным образом соединяет в себе последовательную естественнонаучность и социоцентризм. Человек в теории Маркса рассматривается, с одной стороны, как результат эволюции животного мира, и его поведение определяется законами природы. С другой стороны, взаимодействие человека с природой опосредуется специфическим, закономерно в ходе эволюции возникшим образованием — социумом, культурой, которое преломляет человеческое развитие в культурно заданном направлении. Таким образом, курс, которым движется естественный отбор, определяется востребованностью обществом тех или иных качеств, необязательно биологически полезных.

Представление о продолжающейся, непрерывной эволюции человека сыграло важную роль в становлении парадигмы советской психологии. Так, Б.Г. Ананьев прямо утверждал, что биологическая эволюция человека, в частности сенсорно-перцептивных систем, следует за цивилизационными изменениями среды обитания, появлением новых “орудий”, опосредующих деятельность человека во всех её формах, в том числе перцептивную и мыслительную активность. Ананьев считал, что путь достижения человеком гармонии (как внутренней, так и в отношениях с внешним миром) — это его *специализированное развитие*, его становление как субъекта деятельности [11].

Оптимистический взгляд Ананьева на эту проблему разительно отличается от представления, распространённого в западной психологической традиции, согласно которой гармония — это состояние, присущее человеку от природы и утрачиваемое в результате приспособления к требованиям жизни в обществе. Такой взгляд ярко выразил, например, К.Г. Юнг, который полагал, что в силу особенностей нашей цивилизации развитие человека идёт по линии специализации только одной из его функций, которая обычно определяет его место в обществе, имея в виду род основных занятий. Эта

функция, чаще всего наиболее развитая от природы, приобретает высокодифференцированный, сознательный характер. Однако усиленное и одностороннее развитие одной функции приводит к угнетению другой, ей противоположной, которая вытесняется в область бессознательного, становясь архаической, примитивной, недифференцированной. Такое развитие Юнг считал причиной внутреннего разлада, драматической расколотости души человека, которую он сравнивал с мучительной раной.

Помимо направления IPs, развиваемого в русле кросскультурной психологии, имеют место разработки на стыке с культурологией, в рамках так называемой *культурной психологии* [12–15]. В этих исследованиях доминируют качественные методы. Их авторы часто апеллируют к духовным практикам и религиозным учениям, в свете которых анализируется психический склад представителей отдельных общностей, в частности, к буддизму и даосизму [16, 17]. Так, К.К. Кванг усматривает в основе теорий китайской психологии канву конфуцианства и предлагает собственные теоретические модели социального взаимодействия – “Мандала – модель самости” (Mandala Model of Self) и “Лицо и привилегии” (Face and Favor), которые, по его мнению, могут применяться и в контексте других культур, то есть им может быть придан универсальный характер [18]. Учёные, работающие в русле культурной психологии, часто обращаются к популярной в современных культурологических исследованиях *семиотике*, в рамках которой изучаются свойства коммуникативных знаковых систем. Такой подход находит применение, в частности, в актуальных исследованиях развития образования в мультикультуральном мире [19].

В целом в кросскультурных концепциях IPs доминирует стремление к поиску неких универсалий, относительно которых могут описываться и оцениваться психологические особенности представителей отдельных культур [14]¹.

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Западоцентрический мейнстрим, в свою очередь, отнюдь не является однородным по культурным основаниям. В нём представлены тенденции, направленные на преодоление сложившегося в психологии после Второй мировой войны тотального доминирования американской научной традиции. Критикуется несоответствие последней местным особенностям, и *общая методология*, в которой, как

предполагается, чрезмерное значение придаётся количественным методам, коллекционированию фактов (“квантофрения”, “нумерология”) при отсутствии *целостного понимания предмета*. Высказывается точка зрения, что необходимо возвратиться к немецкой традиции, превалировавшей в психологии в довоенный период [21, 22].

Начиная с конца 1980-х годов процессы глобализации набирают силу и ситуация в мире быстро меняется. Уже в 1994 г. известный американский психолог К. Данziger в своей широко цитируемой статье писал, что если мировая психология второй половины XX в. “была во всех отношениях американской наукой” [23, р. 476], то “современная психология возвращается к своему изначальному состоянию: полицентрическая структура, где работа различных, но взаимодействующих центров отражает многообразие локальных традиций и условий развития психологической науки” [23, р. 477].

В XXI столетии *многополюсность* мировой психологии становится всё более выраженной. По данным сайта SJR, в 2000 г. библиографическая и реферативная база Scopus включала 682 периодических издания по психологии, из них 366 выпускались в США (54%), 276 – в Западной Европе (41%), общая доля Северной Америки и Западной Европы составляла 95,5%. Всего шесть изданий выходили в Восточной Европе (из них два – в России), шесть – в Латинской Америке, семь – в Азии. В 2015 г. в списке уже 1061 журнал, из числа которых 459 американские (43%), 484 западноевропейские (46%), общая их доля несколько снизилась и составляет уже 90%. 36 журналов издаются в Восточной Европе (из них три – в России), 38 – в Латинской Америке и 13 – в Азии. Эти цифры наглядно демонстрируют как существенный рост представленности “незападных” журналов, так и уменьшение единообразия в западном мейнстриме, обусловленного гегемонией американской психологии.

Характерно, что вопрос о том, имеются ли существенные различия между европейской психологической наукой и американской, был одним из основных обсуждавшихся уже на Европейском психологическом конгрессе 2000 г. Журнал “European Psychologist” подготовил к конгрессу специальный выпуск, который включал интервью с открытыми вопросами, на которые отвечали 30 известных европейских психологов (исследователей и практиков) из разных стран (среди них был один из России – член-корреспондент РАН А.В. Брушлинский). Их просили ответить на шесть вопросов, в том числе “Отличается ли и чем европейская психология от американской?”.

Большинство опрошенных высказали мнение, что европейская психологическая наука не может

¹ Интересно, что в работах российской школы обосновывается прямо противоположная позиция: принципиальная несводимость одного языка к другому [20].

не отличаться от американской хотя бы в силу несовпадения реалий жизни и культурных традиций в Америке и Европе. В то же время подчёркивалось, что существующие различия постепенно стираются. Однако сохраняются особенности научной традиции, предпочтения теоретико-методологического плана. Так, европейскую психологию отличает большая склонность к теоретическим построениям в рамках гуманитарной парадигмы, в то время как американская ориентирована скорее на методологию естественных наук и на практическое применение научного знания.

Нельзя не отметить, что даже в сердце западного мейнстрима, в североамериканской психологии, зародилось и бурно развивается сейчас феминистское направление [24, 25], которое можно рассматривать как своеобразное протестное движение, в котором акцентируются особенности психологических работ женщин-исследователей, их отличие от доминирующей “мужской” научной традиции.

Если за пределами Европы и Северной Америки в фокусе дискурса становления глобальной психологии находятся различия в предметной области психологических исследований, культурное разнообразие людей, описываемое теориями, которое делает очевидной ограниченность применимости западных концепций, то в Европе дискурс сфокусирован на процессах, происходящих в самом научном сообществе. Здесь широко разворачиваются методологические дискуссии, в которых принимают участие и учёные из других регионов, обсуждаются теоретико-методологические проблемы, высвечиваемые взаимодействием различных школ. Подобно тому, как авторы IP-теорий отстаивают право своих народов судить о себе по собственным меркам и критериям, а также создавать теории, соответствующие культурным контекстам своих стран, представители западных школ, противостоящих мейнстриму по методологическим установкам, отстаивают собственные методологические предпочтения. Вслед за азиатскими и африканскими коллегами они утверждают, что значительная часть мирового научного сообщества испытывает трудности в попытках интеграции в мировую науку в силу имеющей место дискриминации инакомыслящих на ведущих публикационных площадках, на базе которых и формируется глобальная наука.

В целом дискурс глобальной психологии направлен на становление дисциплины, способной адекватно отвечать на вызовы времени, отражать психологию человека, живущего в современном мире, где происходит интенсивное взаимодействие культур, неизбежное в эпоху глобализации.

Большое значение приобретает поиск ответа на целый ряд важных вопросов. Что представляет собой глобальная психологическая наука? Дисциплина ли

это со своей предметной областью? Направление ли это исследований в русле психологической науки, например, в области социальной психологии?

Представляется, что *глобальную психологию* можно определить как новый этап в развитии этой отрасли знания, порождённый новыми мировыми реалиями, для описания которых уже не годятся старые теории. Глобальная наука складывается на наших глазах не как единое теоретическое течение, но, скорее, как реакция на дивергентное развитие новых и переосмысливаемых старых психологических теорий в попытках дать объяснение эмпирическим фактам, порождаемым эрой глобализации. Современную эпоху социологи называют новой эпохой модерна, радикально преобразующей мир. Психологическая наука XX в., то есть периода, называемого в учебниках истории психологии “периодом развития психологии как самостоятельной науки”, возникла в момент зарождения “старого” модерна, который относится к концу 1880-х годов. *Новая эмпирическая реальность* человеческого бытия, проявившаяся в тот период, а не только психофизические исследования М. Вебера и Г.Т. Фехнера и результаты применения экспериментального метода В. Вундтом стала вызовом традиционной психологии, в ответ на который возникли новые направления, определившие развитие нашей науки на протяжении XX в. Каждое из этих направлений разработало в дальнейшем своё видение предмета и соответствующий концептуальный аппарат.

Понятие “глобальная психология” вошло в мировой дискурс и интенсивно разрабатывается, начиная с 1990-х годов. В 1996 г. журнал “American Psychologist” учредил новую рубрику “Мировые перспективы психологии”. Впервые эту рубрику открыла статья “К глобальной психологии: изменяем теории и практику, навстречу изменяющемуся миру” [26], в которой отмечались радикальные трансформации, произошедшие в мире в 1990-х годах, и ставилась общая цель — двигаться в сторону интернационализации американской психологии, интенсифицировать взаимодействие с зарубежными коллегами и расширять исследования за пределами США.

До настоящего времени сохраняют своё значение представленные в статьях этого выпуска две тенденции в понимании содержания понятия “глобальная психология”. В литературе доминирует представление об этом феномене как о психологии универсальной, всемирной. Дж. Берри, один из ярких и последовательных сторонников такого понимания глобальной психологии, пишет: “Наш универсалистский взгляд на перспективы развития дисциплины зиждется на утверждении, что основные психические процессы являются общими для всех представителей нашего вида, в то время как их развитие и формы проявления культурно

специфичны. Соответственно, наша цель — глобальная психология, которая включает данные об обществах и культурах всех частей света. Я утверждаю, что разнообразие человеческого поведения должно быть описано и проанализировано как основа для выявления общечеловеческих закономерностей” [8, р. 55]. С этой точки зрения, по мере развития глобализации предметная область психологии расширяется, включая в себя всё новые и новые культурные контексты. Глобальный мир видится как широкий набор конкретных культур, которые необходимо анализировать и сравнивать, чтобы в итоге выявить общечеловеческие черты.

Другой взгляд на суть глобальной психологии, который был представлен в названном выше выпуске журнала “American Psychologist”, где была открыта рубрика “Мировые перспективы психологии” [26], не стал общепринятым. В соответствии с ним глобальная психология должна прежде всего отразить принципиальную новизну процессов, происходящих в человеческом обществе в эпоху глобализации, а также коренные изменения, которые претерпевают социум и культура. Глобальная психология понимается в контексте этого дискурса как психология глобального мирового сообщества. Таким образом, в русле первого подхода упор делается на различии существующих в мире культур, в рамках второго — на общих изменениях образа жизни людей в ходе глобализации. Второй подход близок пониманию в социологии проблемы становления глобальной науки, где в центре внимания — радикальные изменения в самом предмете науки, который видится непредсказуемо подвижным [27, 28]. В соответствии с представленными в русле этого подхода теориями, сегодня мы живём в мире, принципиально отличном от реальности, описанной в социологических теориях XX столетия. Это и делает невозможным адекватное описание современной социальной реальности в рамках прежних теорий и методов. Новый социум предстаёт как открытая, нелинейная, находящаяся в непрерывном движении система, для описания которой необходим “космополитический взгляд и способность принять инаковость другого” [29, р. 79], взгляд, противопоставляемый “ложному универсализму”. Однако в психологическом дискурсе достаточно редко высказывается мнение о необходимости учитывать трансформации, происходящие в современном мире, в том числе в самом человеке. Доминирует статическое представление об “универсальном” человеке, природная сущность которого остаётся относительно стабильной в радикально изменяющемся мире.

Можно заключить, что в общем контексте глобализации с неизбежностью происходит формирование общемировой психологической науки, что отражается как в смене представлений о предмете (объекте) науки, так и о её субъекте, которым становится мировое научное сообщество. Происходящие изменения

включают в себя не только процессы *интеграции*, но и *дифференциации*. В ходе последних подвергаются сомнению представления о человеческой природе, устоявшиеся в мейнстриме второй половины XX в., на основе которых складывались его теории и их методологические основания. То, чему придавался статус общего закона, теперь оценивается как частный случай, один из возможных. В процессе дифференциации глобальная психология формируется как *многополюсное сетевое образование*, включающее различные центры. В то же время в основе становления глобальной науки закономерно лежат тенденции интеграции, отражающие реальность глобального мира как в отношении объекта и предмета психологии, так и в отношении мирового научного сообщества. Таким образом, формирующаяся глобальная психология предстаёт как *система дифференцированных, но активно взаимодействующих* научных центров.

По всей видимости, крайне маловероятно, что развитие этой системы приведёт к формированию монолитной, универсальной, общечеловеческой парадигмы. Декларируемое сейчас рядом авторов стремление к “универсальной” психологии не реализуется в конкретных разработках [7]. Тем не менее в силу сложившегося стереотипа рассматривать человека западной культуры в качестве человека вообще в западном мейнстриме доминирует тенденция к размыванию границ между *социальным* и *биологическим* в человеке. Культура при этом рассматривается как своего рода надстройка над биологией, а единство биологического и социального в человеческой психике — как постоянное, раз и навсегда сложившееся и непротиворечивое.

Представляется, что психологам вслед за социологами необходимо перейти от метафизических представлений и имплицитной веры в неизблемость человеческой природы к пониманию человека как непрерывно эволюционирующего существа. Ведь культурное начало в человеке — это прежде всего способность к изменениям, скорость и масштаб которых принципиально отличают его от прочих живых существ. Человек является животным, однако это единственное животное, обладающее культурой, то есть способностью к социокультурной адаптации, несопоставимо превосходящей по скорости прочие виды адаптации и включающей в себя возможность целенаправленного изменения самого субъекта и среды его обитания.

Вызывает сожаление, что российская психология постсоветского периода в основном сместилась на заимствованные метафизические позиции, оставив в прошлом принципиально иную — и чрезвычайно актуальную, на наш взгляд, сегодня — трактовку биосоциальной проблемы. Имеется в виду уникальная теория *биосоциального единства* человека, сложившаяся в советской психологии.

В основе этой теории — традиция понимания социализации как силы, отменяющей “естественное” инстинктивное поведение, и культуры как силы, выводящей человека за пределы власти законов природы. Эти идеи созвучны актуальному запросу современности [30].

РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

В контексте проблемы формирования глобальной науки положение российской психологии можно назвать уникальным. С одной стороны, оно радикальным образом отличается присутствием школ, которые раньше просто не существовали в западоцентристской традиции мировой науки, а теперь входят в неё в русле мейнстрима в рамках “развивающихся” психологий, в частности течений IPs. С другой стороны, российская школа, как её описывают в традиционных учебниках по истории психологии, всегда была частью мировой науки в её западоцентристской ипостаси. В то же время наша страна располагает собственной научной школой, сформировавшейся в конце XIX — начале XX в., в период, когда складывались научные школы Европы и Америки. Российская психология внесла существенный вклад в становление мировой науки, оказывала и продолжает оказывать заметное влияние на западные течения. Не следует забывать, что относительная изоляция советской психологии, которая сложилась в 1930-е годы, носила односторонний характер. Советские учёные располагали возможностью непосредственно или благодаря обзорным работам знакомиться с развитием науки на Западе. Можно с уверенностью утверждать, что наши учёные знали о западной науке существенно больше, чем их коллеги за рубежом о российской.

Односторонняя изоляция на протяжении большей части XX в. привела к тому, что разработанные у нас во второй половине столетия теории и методология остаются малоизвестными за пределами страны, и российская психология не является частью современного западоцентристского мейнстрима. Особое значение имеет языковой фактор. Не только потому, что подавляющее большинство российских психологов говорят и пишут исключительно по-русски, но и из-за того, что отечественная психология, прежде всего её концептуальный аппарат, сформировалась на основе русского языка, и даже перевод российских текстов на иностранные языки составляет серьёзную проблему и требует знания языков помимо герменевтики применительно к концептуальному аппарату.

Дискурс становления глобальной психологии в российской науке разворачивается медленно, хотя психологические проблемы глобализации

в литературе обсуждаются. В середине 2017 г. по запросу в РИНЦ получено 2659 ссылок на работы по проблемам глобализации (тематика “психология”, журнальные статьи и книги), причём среди них присутствуют публикации, начиная лишь с 2006 г. Доминируют работы по педагогике и образованию (963 во всей выборке, а среди первых 100 по цитируемости публикаций 45 относятся к данной области), что ожидаемо, имея в виду проводимые образовательные реформы. На проблемах собственно психологии из всей подборки сфокусировано лишь 314 работ. По теме “глобальная психология” было обнаружено только семь ссылок, но и здесь прямое обращение к проблеме становления глобальной науки встречается лишь в одной работе [31]. В двух наших ведущих центральных изданиях — “Психологическом журнале” и “Вопросах психологии” — с помощью классификатора РИНЦ найдено всего восемь работ по теме глобализации, первая из которых опубликована в 2006 г. [32], вторая — в 2007 [33], третья — в 2010 [34]. Начиная с 2015 г. статьи появляются ежегодно [7, 5, 35, 36], и лишь в 2017 г. выходит в год сразу три статьи [37–39].

Если дискурс становления глобальной психологии в зарубежной науке в целом позитивно окрашен благодаря появлению новых научных школ, увеличению их разнообразия и освобождению от необходимости следовать устоявшимся концепциям, то в России доминируют другие настроения: в фокусе анализа находятся проблемы и риски, порождаемые глобализацией.

Упоение методологической свободой и бурное разнонаправленное развитие разраставшегося в геометрической прогрессии профессионального сообщества, наблюдавшиеся в постсоветский период, быстро закончились. Завершились и острые методологические дискуссии начала 2000-х годов. В течение нескольких лет не выходил журнал “Методология и история психологии”, сейчас возрождённый. Перестали публиковаться крупные труды Ярославского методологического семинара. В то же время в Институте психологии РАН сохранилась издательская серия “Методология, теория и история психологии”, а в “Психологическом журнале” по-прежнему публикуются статьи в рубрике “Методологические и теоретические проблемы психологии”. Сегодня доминирует стремление к примирению противоречий и общей интеграции русскоязычного профессионального сообщества. Похоже, что соотечественники сплотились, отчасти перед лицом глобализации как некоторой внешней угрозы. Тенденция глобализации мирового научного сообщества, необходимость входить в пространство мировой психологической науки, диктуемая в том числе государственной политикой, которая обязывает публиковаться в международных журналах, воспринимаются российскими психологами,

скорее, как препятствия, риски и угроза, чем как открытие новых перспектив [40].

Немаловажную роль здесь играет тот факт, что в коллективном сознании российского профессионального сообщества формирующаяся глобальная наука обнаруживает себя как достаточно монолитная универсальная парадигма, в догматической форме диктующая неприемлемое для нас видение человека, методологию и теорию его изучения. Представление о данной парадигме, предположительно, строится по образу и подобию однополюсного мейнстрима зарубежной науки периода “холодной войны”, с которой традиционно дискутировали советские учёные.

Это представление достаточно далеко от действительности. Как в зарубежном научном сообществе, так и в российском есть исследователи, которые придерживаются мнения о существовании общечеловеческих психических свойств, не обусловленных культурой (иными словами, биологических), и, соответственно, о возможности разработки универсальных психологических теорий и методов их верификации. Но реальная жизнь доказывает несостоятельность подобных представлений. Глобальная психологическая наука, формирование которой с неизбежностью происходит в процессе глобализации, складывается как сеть различных по своим теоретико-методологическим основаниям, но активно взаимодействующих центров, что открывает новые возможности для совместного научного творчества [41]. В некоторой степени можно согласиться с К. Данзигером [23], который уподобляет современное многополюсное состояние психологии тому, каким оно было в период её формирования как науки. И если дискуссии между научными школами в 1930-е годы закончились в силу исторических особенностей того времени, современная ситуация требует развития диалога, налаживания сотрудничества, особенно в условиях глобальных угроз человечеству.

В сети глобальной науки российская психология является востребованным участником, который может занять в ней достойное место, поскольку обладает серьёзным теоретико-методологическим базисом и знанием психологических особенностей многомиллионного народа. Вместе с тем российская психология может и должна сохранить свою особость, специфичность, потому что именно благодаря своей уникальности она представляет интерес для международного сообщества и может быть ему полезна. Здесь уместно вспомнить одну из закономерностей социальной психологии, в соответствии с которой в процессе группового взаимодействия по мере становления общности растёт как интеграция группы, то есть сближение участников по ряду характеристик, так и её дифференциация,

в ходе которой каждый член группы выполняет свою специфическую роль.

Важно отметить, что активное участие в диалоге, сотрудничество и интеграция — необходимый элемент развития отечественной науки. Можно согласиться с утверждением, что “сегодня позиция автаркии (самодостаточности) и квазипатриотизма российской науки не просто бесперспективна в силу отсутствия необходимых для этого у современной России огромных материальных и финансовых средств. Такая стратегия губительна, так как в силу своей иллюзорности приведёт к полной растрате даже тех возможностей, которыми пока ещё располагает отечественная наука” [1, с. 147, 148]. Необходима активная работа профессионального сообщества в этом направлении. Надеяться на то, что кто-то сделает её за нас, что интернациональное сообщество будет массово изучать русский язык, чтобы читать наших авторов, утопично. Достаточно сравнить масштабы проводимых сегодня во всём мире психологических исследований, затрачиваемые на них материальные и финансовые ресурсы с соответствующими возможностями российских психологов.

Нет оснований думать, что наше движение к интернациональному профессиональному сообществу не будет поддержано зарубежными коллегами, что современная российская психология им неинтересна. Известный политический деятель США, нобелевский лауреат Г. Киссинджер в 1989 г. в газете “Вашингтон пост” писал: “Для меня остаётся тайной, как, на первый взгляд, апатичные люди за каких-то четыре столетия от непроходимых равнин вокруг Москвы дошли до Эльбы на Западе и до Владивостока на Тихом океане, покрыв расстояние в шесть тысяч миль, как они достигли статуса сверхдержавы и на протяжении большей части нынешнего столетия приковывали к себе внимание всего мира. И тем не менее так было на протяжении всей истории. Необычайную отсталость России отмечали все наблюдатели лишь для того, чтобы их мнения были опровергнуты небывалыми успехами, достигнутыми за счёт неожиданного сочетания энергии, дисциплины и героизма” (цит. по: [42]).

* * *

В современных условиях с неизбежностью происходит формирование глобальной науки, что предполагает как возникновение новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — мирового научного сообщества. Начиная с 1990-х годов в мировую науку вошло и стало интенсивно разрабатываться понятие “глобальная психология”. В целом дискурс глобальной психологии направлен на становление дисциплины, способной адекватно отвечать на вызовы времени,

отражать психологию человека, живущего в современном мире, где происходит интенсивное взаимодействие культур. Существенно, что становление глобальной психологической науки обуславливает не только её интеграцию, но и дифференциацию, когда подвергаются сомнению устоявшиеся представления о человеческой природе, на основе которых складывались теории мейнстрима и их методологические основания. То, чему придавался статус общего закона, теперь оценивается как частный случай, один из многих возможных. Для психологии глобализация в существенной степени оказалась окрашенной тенденциями сопротивления гегемонии западоцентристского мейнстрима, в котором после Второй мировой войны доминировала американская традиция.

В Азиатском регионе и в странах Африки основной формой движения в этом направлении стало развитие так называемых “туземных психологий”. Важнейшим аргументом авторов, работающих в этом русле, стало несоответствие западных теорий реальности жизни на местах, непригодность этих теорий для объяснения и прогнозирования поведения и деятельности местного населения. Всё более очевидной становится необходимость рассмотрения психологических проблем в контексте культуры той общности, к которой принадлежит человек, в контексте реального бытия в конкретном социуме.

Если за пределами Европы и Северной Америки в фокусе дискурса становления глобальной психологии находятся различия в предметной области психологических исследований, культурное разнообразие описываемых теориями людей, то в Европе акцент делается на процессах, происходящих в самом научном сообществе, на характеристиках растущего разнообразия субъекта психологических исследований. Здесь широко разворачиваются методологические дискуссии, обсуждаются теоретико-методологические проблемы, высвечиваемые взаимодействием различных школ.

На фоне роста культурного разнообразия глобальная психология формируется как многополюсное сетевое образование. Как представляется, глобальную науку можно определить в качестве нового этапа в развитии психологической науки, порождённого новой реальностью, для описания которой уже не годятся старые теории. Глобальная наука складывается на наших глазах не как единое теоретическое течение, а прежде всего как качественная перестройка, как дивергентное развитие новых и переосмысливаемых старых психологических теорий в попытках дать объяснение возникающим эмпирическим реалиям и фактам, порождаемым эрой глобализации.

Вызывает сожаление, что тенденции глобализации в жизни научного сообщества, необходимость

входить в пространство мировой психологической науки, вступать в диалог с коллегами, публиковаться в международных журналах воспринимаются российским психологическим сообществом, скорее, как риски и угроза, чем как открытие новых перспектив. Однако отказ от изоляционистских тенденций, развитие сотрудничества и интеграция на новом этапе развития мировой науки — не прихоть, а очевидная необходимость. Вместе с тем, взаимодействуя с другими школами, российская психология может и должна сохранить свою уникальность, благодаря которой она остаётся привлекательной для представителей зарубежной науки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 17-06-50086 “Академическая интеграция в контексте становления глобальной психологии: вызовы и перспективы”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев С.А. Наука в глобальном мире // Век глобализации. 2012. № 2. С. 145–151.
2. Enriquez V.G. Developing a Filipino psychology // U. Kim & J.W. Berry (eds.). *Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context*. Newbury Park, CA: Sage, 1993. P. 152–169.
3. Ho D.Y.F. Indigenous psychologies: Asian perspectives // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1998. V. 29. P. 88–103.
4. Yang K.-S. Monocultural and cross-cultural indigenous approaches: The royal road to the development of a balanced global psychology // *Asian Journal of Social Psychology*. 2000. V. 3. P. 241–263.
5. Kim U., Berry J.W. *Indigenous psychologies: Research and experience in cultural context*. Newbury Park, CA: Sage, 1993.
6. Georgas J., Mylonas K. Cultures are like all other cultures, like some other cultures, like no other culture // U. Kim, K.S. Young & K. — K. Hwang (eds.). *Indigenous and cultural psychology: Understanding people in context*. NY: Springer, 2006. P. 197–221.
7. Jahoda G. On the rise and decline of “indigenous psychology” // *Culture & Psychology*. 2016. V. 22(2). P. 169–181.
8. Berry J.W. Achieving a Global Psychology // *Canadian Psychology*. 2013. V. 54. № 1. P. 55–61.
9. Marsella A.J. All psychologies are indigenous psychologies: Reflections on psychology in a global era. apa.org/international/pi/2013/12/reflections.aspx. (дата обращения 24.05.2018)
10. Todes D.P. *Darwin without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought*. NY: Oxford Univ. Press, 1989.
11. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1968.

12. *Gergen K.J.* Culturally inclusive psychology from a constructionist standpoint // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2015. V. 45(1). P. 94–106.
13. *Valsiner J.* Integrating Psychology within the Globalizing World: A Requiem to the Post-Modernist Experiment with Wissenschaft // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. March 2009. V. 43. Iss. 1. P. 1–21.
14. *Valsiner J.* Between Self and Societies: Creating Psychology in a New Key. Tallinn: TLU Press, 2017.
15. *Rosa A.* Acts of psyche // J. Valsiner & A. Rosa (eds.). *Cambridge handbook of socio-cultural psychology*. NY: Cambridge Univ. Press, 2007. P. 205–236.
16. *Hwang K.K.* The rise of indigenous psychologies: In response to Jahoda's criticism // *Culture & Psychology*. 2017. V. 23. № 4. P. 551–565.
17. *Sundararajan L.* The Chinese Notions of Harmony, With Special Focus on Implications for Cross-Cultural and Global Psychology // *The Humanistic Psychologist*. 2013. V. 41. P. 25–34.
18. *Hwang K.K.* Culture-inclusive theories of self and social interaction: The approach of multiple philosophical paradigms // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2015. V. 45(1). P. 39–62.
19. *Desiree' V., Lasser J., Plotts C.* Global migration: The need for culturally competent school psychologists // *School Psychology International*. 2015. V. 36(4). P. 358–374.
20. *Петренко В.Ф.* Многополярная культура единого человечества // *Век глобализации*. 2016. № 1–2. С. 126–132.
21. *Toomela A.* Modern mainstream psychology is the best? Noncumulative, historically blind, fragmented, atheoretical // A. Toomela & J. Valsiner (eds.). *Methodological thinking in psychology: 60 years gone astray?* Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2010. P. 1–26.
22. *Valsiner J.* A guided science: history of psychology in the mirror of its making. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2012.
23. *Danziger K.* Does the history of psychology have a future? // *Theory & Psychology*. 1994. V. 4. P. 467–484.
24. *Lykes M.B., Moane G.* Editors' Introduction: Whither Feminist Liberation Psychology? Critical Explorations of Feminist and Liberation Psychologies for a Globalizing World // *Feminism & Psychology*. 2009. Special issue. V. 19(3). P. 283–297.
25. *Unger R.* Resisting Gender: Twenty-Five Years of Feminist Psychology. London: Sage, 1998.
26. *Mays V.M., Rubin J., Sabourin M., Walker L.* Moving Toward a Global Psychology // *American Psychologist*. May 1996. V. 51. № 5. P. 485–487.
27. *Mironenko I.A., Sorokin P.S.* Culture in Psychology: perennial problems and contemporary methodological crisis // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2015. № 4. P. 35–45.
28. *Sorokin P.* "Global sociology" in different disciplinary practices: Current conditions, problems and perspectives // *Current Sociology*. 2016. V. 64. № 1. P. 41–59.
29. *Beck U., Sznaider N.* Unpacking cosmopolitanism for the social sciences: a research agenda // *British Journal of Sociology*. 2006. V. 57(1). P. 1–23.
30. *Мироненко И.А.* Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2015.
31. *Юревич А.В., Цапенко И.П.* Глобализация российской науки // *Вестник РАН*. 2005. № 12. С. 1098–1106.
32. *Кольцова В.А., Нестик Т.А., Соснин В.А.* Психологическая наука в борьбе за мир: задачи и направления исследований // *Психологический журнал*. 2006. № 5. С. 5–15.
33. *Дикая Л.Г.* Актуальные проблемы и перспективы исследований в психологии труда в условиях глобализации // *Психологический журнал*. 2007. № 3. С. 29–44.
34. *Юревич А.В.* Российская психология в мировом мейнстриме // *Вопросы психологии*. 2010. № 1. С. 3–14.
35. *Корнилова Т.В.* Интернациональность психологии versus "национальные психологии" // *Психологический журнал*. 2015. № 3. С. 91–99.
36. *Журавлёв А.Л., Нестик Т.А.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // *Психологический журнал*. 2016. № 2. С. 19–28.
37. *Журавлёв А.Л., Занковский А.Н.* Тенденции развития организационной психологии // *Психологический журнал*. 2017. № 2. С. 77–88.
38. *Гостев А.А.* Психологические аспекты изучения глобальной манипуляции // *Психологический журнал*. 2017. № 4. С. 17–28.
39. *Мироненко И.А.* От прогноза – к форсайту будущего российской психологии // *Психологический журнал*. 2017. № 3. С. 119–123.
40. *Mironenko I.A.* Integrative and isolationist tendencies in contemporary Russian psychological science // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2014. V. 7. Iss. 2. P. 4–13.
41. *Журавлёв А.Л., Нестик Т.А.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // *Психологический журнал*. 2016. № 2. С. 19–28.
42. *Корионов В.* Они цементировали крепость... // *Правда*. 1993. 12 августа.

ОБОЗРЕНИЕ

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2018 г. Т.Я. Хабриева*, Л.В. Андриченко**

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия*

**E-mail: office@izak.ru; **E-mail: cppi@izak.ru*

Поступила в редакцию 22.02.2018 г.

Статья посвящена изучению в рамках юридической науки вопросов теории межнациональных отношений, их осмыслению с учётом социально-экономической динамики. Как подчёркивают авторы, методология юридической науки позволяет проводить исследования как фундаментального, так и прикладного характера при сочетании междисциплинарного и узкоспециализированного подходов. Анализируя роль и место юридической науки в разработке и концептуализации понятийно-категориального аппарата регулирования межнациональных отношений, в научном обеспечении реализации стратегических приоритетов государства в данной сфере, авторы отмечают, что методологическая сложность исследования межнациональных отношений обусловлена их многогранностью, которая предполагает привлечение методов таких общественных наук, как этнология, социология, политология, психология и экономика. Анализируются основные направления правовых исследований, касающиеся гармонизации межнациональных отношений, выработки научно обоснованных подходов к их правовому регулированию, определения оптимальных условий развития этнокультурного многообразия.

Ключевые слова: юридическая наука, межнациональные отношения, национальная политика, методология, категориально-понятийный аппарат, право, правовое регулирование, правовая система, государство.

DOI: 10.31857/S086958730002149-1

Ключевая роль в изучении межнациональных отношений традиционно отводилась таким наукам, как антропология и этнология, социология,

ХАБРИЕВА Талия Ярулловна — академик РАН, директор ИГиСП при Правительстве РФ. АНДРИЧЕНКО Людмила Васильевна — доктор юридических наук, заведующая Центром публично-правовых исследований ИГиСП при Правительстве РФ.

политология, философия. Эта доминанта сохраняется и в наши дни, доля юридических исследований в этой области составляет примерно 20%. Специфика юридической науки, в частности, заключается в том, что правовые исследования служат своего рода завершающим этапом научного познания, надстройкой над многослойным фундаментом, который создают иные отрасли общественности. Юридическая наука призвана определить место их научных достижений и результатов в правовой реальности, в системе государственного управления. Таким образом проявляется *прикладная роль* юридической науки: именно посредством юридических методов и средств происходит внедрение научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию управления социальными процессами в правовую систему. Сегодня перед юридической наукой стоит задача определить возможность и формы внедрения *института национальной идентичности* в российскую действительность при условии, что конституционные нормы

устанавливают право каждого гражданина определять собственную национальную принадлежность по своему усмотрению.

Нельзя не отметить *опережающую роль* юридической науки, благодаря которой удаётся разрабатывать новые подходы к действующему правовому регулированию, как это имело место в случае возрождения идеи национально-культурной автономии в России. Законодательно поддержанная практика такой автономии имеет серьёзное стабилизирующее значение.

Представляется важной и *прогностическая функция* юридической науки, позволяющая снизить риски наступления неблагоприятных последствий реализации управленческих решений. К сожалению, по сравнению с советским периодом интерес к юридическому прогнозированию в настоящее время несколько снизился.

Смена научных парадигм на рубеже веков привела к тому, что современная наука стала больше ориентироваться на практические решения, исследования приобрели ситуационный характер, обеспечивая реализацию, скорее, краткосрочных задач, чем поиск научных истин, новых результатов. Большинство правовых исследований межнациональных и межэтнических отношений сейчас носят в основном прикладной, прагматический характер, отличаются относительно узким предметом исследования, далеки от комплексного анализа общих проблем. Свою роль играет тот факт, что развитие науки происходит в условиях сменяющихся друг друга геополитических, социально-экономических вызовов и угроз, во многом определяется государственной политикой, причём наиболее подвержена влиянию этих факторов именно юридическая наука.

Однако изменение ориентиров научных исследований не привело к полной утрате интереса к фундаментальным направлениям. Примером может служить Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, в котором на протяжении многих лет разрабатываются концепции развития российского законодательства, включая исследование тенденций и перспектив законодательства в области межнациональных отношений [1], сформировалась научная школа по данному направлению [2]. Следует иметь в виду, что серьёзный фундамент для развития современной правовой науки был заложен в трудах дореволюционных правоведов [3–12] и советских учёных [13–18], особенно специалистов в области государственного (конституционного) права. Тогда закладывались основы методологии юридической науки, а также зарождалось социологическое направление юриспруденции, к сожалению, сейчас почти полностью утраченное. Особую ценность

представляют труды по естественному праву и учению об обществе; не меньшее значение имеет исследование проблем автономии [11, 19], федерализма [20, 21], самоуправления [22].

Именно в этот период в России осуществлялись первые серьёзные теоретико-правовые исследования сущности национального государства, прорабатывались категории “народность”, “нация” и получила развитие концепция права народов на самоопределение. Эти направления стали исходными для становления в последующем юридической теории межнациональных отношений, в том числе её территориального аспекта. В советский период основное внимание уделялось концепциям сближения социалистических наций и народностей, национальной государственности и национальной суверенности [18], изучению племени, народности, нации как исторических форм общности [13], языковому строительству и др. Значительная роль отводилась разработке тематики национально-территориальной автономии [7, 14–17], что соответствовало общему руслу государственной политики того времени.

Методология современной юридической науки позволяет проводить исследования как фундаментального, так и прикладного характера и благодаря этому выходить за рамки законодательного регулирования общественных отношений. Юридическая наука способна решать фундаментальные задачи, *проектируя систему общественных отношений* на основе достаточно разнородных данных и выводов других отраслей наук, определяя её устойчивость, выявляя закономерности её эволюции, обобщая и формализуя характеристики наиболее значимых свойств субъектов социальных отношений. Полученные в рамках юридической науки результаты во многом определяют дальнейшее развитие отношений на основе чётких юридических норм и правил, равно как качество и эффективность законодательного обеспечения принимаемых управленческих решений. Решение проблем межнациональных и межэтнических отношений во многих случаях требует сочетания междисциплинарного и узкоспециализированного подходов.

В научном познании правовая наука использует сложный инструментарий. Помимо формально-логических методов, которые преобладают в юриспруденции, поскольку именно они позволяют сформировать новую правовую конструкцию тех или иных отношений, используются многие другие методы, обеспечивающие взаимодействие юридической науки с другими отраслями знания — историко-правовым, социологией права, экономико-правовым.

Посредством специальных юридических методов и средств изучаются теоретико-правовые

проблемы предотвращения любых форм дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности — ксенофобии, мигрантофобии и экстремизма. Эти методы позволяют определить влияние конституционных положений на развитие и гармонизацию межнациональных отношений, формирование гражданской идентичности, межэтнической толерантности, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности в этнически разнородных государствах.

Категориально-понятийный аппарат. Центральное место в правовых исследованиях межнациональных отношений всегда отводилось анализу системы понятий предметной области. Надо сказать, что категориально-понятийный аппарат, определяющий коллективных и индивидуальных субъектов межнациональных отношений, до сих пор остаётся проблемной зоной, несмотря на многочисленные попытки его разработки. Так, всё ещё не предложены унифицированные определения и содержательные границы таких понятий, как “нация”, “национальность”, “этнос”, “народ”, “коренные народы”, “народность”. Эти понятия, разработанные в других общественных науках, не всегда соответствуют специфике юриспруденции. Даже высказывается сомнение в том, могут ли они быть выработаны в принципе. В то же время эти понятия составляют фундамент теории межнациональных отношений, их использование позволяет раскрывать новые свойства предмета исследования и развёртывать новые теоретические построения. Неслучайно ещё в начале прошлого столетия юрист-социолог Б.А. Кистяковский писал: история всех наук показывает, что “на первых стадиях... они [понятия] очень долго, исследуя определённые круги явлений... отшлифовываются и только затем становятся более правильными. Иначе и быть не может, так как истинное понятие какого-нибудь явления возможно только при полном знании его, а полное знание создаётся лишь продолжительной и упорной научной практикой” [8, с. 374–389, 405, 406].

Трудности разработки категориально-понятийного аппарата обусловлены рядом причин.

Во-первых, если в иных общественных науках ситуация упрощается благодаря заимствованию и адаптации понятий, принятых в зарубежной науке, то в юриспруденции возможности заимствования ограничены, поскольку понятия, разработанные в рамках иных отраслей обществознания, зачастую трудно переложить на язык закона. Особый подход к развитию категориально-понятийного аппарата определяется спецификой правовой формы, посредством которой обеспечивается защита прав субъектов межнациональных отношений. Эта правовая форма предполагает издание федерального

закона, поскольку касается развития конституционной правосубъектности основных участников таких отношений.

Во-вторых, дополнительные сложности развития юридического категориально-понятийного инструментария связаны с необходимостью учёта официальной концепции государства, а значит, юристы оказываются ограничены более строгими рамками.

В-третьих, многие понятия, касающиеся сферы межнациональных отношений, не допускают однозначного толкования, в то же время использование конкурирующих дефиниций затрудняет применение соответствующих норм права.

Нельзя не согласиться с тем, что большинство понятий настолько сложны, что охватить их содержание каким-либо единым определением, не искажая их сущности и не оставляя в стороне их существенные черты, не представляется возможным. Вследствие этого конкурирующие понятия “нация”, “народ” и “этнос”, например, вызывают споры при применении принципа самоопределения [23, с. 13–31, 37, с. 17–106]. С точки зрения целей юридической науки многозначность указанных понятий обуславливает необходимость их дифференциации и установления конкретного значения с учётом контекста и целей их использования.

Скажем, в этнографии *народ* — это население, характеризующееся особым укладом жизни, традициями и обычаями, уникальными чертами психического склада, оригинальной культурой, а в конституционном праве — общность, являющаяся источником государственной власти. В международном общении *народ* (или *нация*) — это субъект международных правоотношений, который обладает соответствующей правоспособностью. А применительно к тематике национально-культурной автономии *народ* (или *нация*, *национальность*, *этническая общность*) — это совокупность граждан, осознающих своё общее этническое происхождение и поэтому желающих сохранять и приумножать свои особенные культуру и язык. Таким образом, именно с учётом контекста использования понятий формируются правовые концепции, которые ложатся в основу различных правовых актов [23, с. 17].

Нельзя не признать, что юридическая наука всё же достигла определённых успехов в разработке целого ряда понятий, успешно применяемых не только на уровне правовых актов, но и в других общественных науках. Речь идёт о формировании понятийных рядов, связанных с такими категориями, как национально-культурная автономия [24], национальное меньшинство, коренной малочисленный народ [25, с. 256], традиционное

природопользование малочисленных народов, общины коренных малочисленных народов [26]¹.

Проблемы этнического самоопределения. Субъекты межнациональных отношений могут быть как индивидуальные, так и коллективные: человек, народ, нация, этническая группа, территориальная единица, государство. Статус большинства субъектов межнациональных отношений обусловлен конституционными нормами, так как непосредственно касается сущности и принципов государственного строительства, основных прав личности, отражает многоуровневую структуру общества, его основные ценностные ориентиры. В то же время в юридической науке исследование межнациональных отношений выходит далеко за рамки анализа только правового статуса субъектов этих отношений. Особое внимание в научной литературе всегда уделялось проблемам *этнического самоопределения*.

Юридические исследования демонстрируют длительную эволюцию подходов к праву на самоопределение, его метаморфозы под влиянием объективных цивилизационных процессов и в сопряжении с ними. Идёт постоянный поиск таких институтов и форм, которые позволяли бы использовать позитивный потенциал права на самоопределение и преодолевать, отсекают отрицательный, создавать юридическую конструкцию взаимоотношений этноса и государства. Ведутся исследования юридического содержания права на самоопределение на уровне его форм, субъектов, толкования, пределов, в том числе осмысление особенностей реализации этого права в многонациональных государствах с разными формами правления и государственно-территориального устройства [18, 27–29].

Современный подход к решению этого вопроса дистанцирован от прежнего, подразумевавшего единственный из возможных вариантов — «самоопределение вплоть до отделения», который в нынешних условиях может провоцировать деструктивные процессы, включая сепаратизм и этнические конфликты [30].

Решение государством национального вопроса, установление позитивных отношений между разными этносами предполагает использование не только известных *территориальных форм*

самоопределения, но и экстерриториальных форм, одной из которых является *национально-культурная автономия*, и которые в определённых условиях могут рассматриваться как полноценная альтернатива и как способ самоорганизации этноса, наилучшим образом учитывающий его исторические особенности, культурные, религиозные и иные интересы. Более того, сложившееся к настоящему времени понимание этих процессов предполагает, что самоопределение вообще не сводится только к той или иной форме территориальной или экстерриториальной самоорганизации, поскольку это лишь один аспект проблемы. В широком социальном плане речь идёт о выборе народом форм собственного социально-экономического, политического, духовного и юридического бытия, способом фиксации которого является Конституция. Без учёта этого обстоятельства невозможно составить цельную картину реализации данного права [23, с. 17].

Таким образом, современная наука исходит из *многообразия моделей самоопределения этносов, юридических форм* его воплощения, что соответствует политической и правовой природе этого явления. Причём данное право неразрывно связано с определённым типом государства и само требует известной формализации, а в свете многомерных процессов глобализации — учёта новейших региональных интеграционных процессов.

Межнациональные отношения и территориальная организация государства. Нельзя не отметить, что юридические исследования межнациональных отношений существенно эволюционировали: от провозглашения *кооперативного федерализма* как одной из форм нецентрализованной федерации, с упором на большие возможности национальных субъектов РФ, в том числе и относительно так называемого разделения суверенитета, до перехода к модели *реального федерализма*, отвечающего историческим традициям и современному состоянию государства. В России эта тенденция приняла форму достаточно жёсткого разграничения полномочий как по вертикали, так и по горизонтали с сохранением части прав за национальными субъектами Федерации.

В контексте межнациональных отношений важно рассматривать федерализм не просто как состояние, а как процесс: на стадии учреждения федеративного государства (субъекты, включая этнические общности; условия объединения, в том числе условия децентрализации в интересах этнических общностей; закрепление конституционной модели федеративных связей субъектов Федерации), на стадии его существования, включая весь набор социальных элементов инфраструктуры федеративного государства: участие этносов в формировании

¹ Некоторые из указанных понятий нашли отражение в следующих федеральных законах: от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»; от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»; от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

органов государственной власти и органов местного самоуправления, прежде всего их правосубъектность в выборах; учёт их интересов в реализации государственной политики; учёт этнического компонента, включая межэтнические коммуникации, в правовой конструкции — их этнизация.

Исследование природы сложносоставного государства с многонациональным компонентом требует изучения государственно-территориальных образований, созданных по национально-территориальному принципу (особенности их статуса, компетенции, правовые акты) [23, 31], подходов к разграничению полномочий между органами власти по вертикали по вопросам межнациональных отношений [1], соотношения федерального и регионального законодательства по данным вопросам [32, с. 423—444]. Анализ территориального устройства государства с точки зрения сложившихся в нём межнациональных отношений проводится, таким образом, с учётом его многоуровневой структуры — от статуса отдельных муниципальных образований до целых макрорегионов, например, Арктического региона, являющегося территорией традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера. При разработке Арктического права упор всегда делался на определении места и роли в этой системе норм, направленных на защиту прав малочисленных народов Севера, которые имеют во многом сходные культурные традиции, что позволяет объединить их в одну арктическую (циркумполярную) цивилизацию. Сохранение этой цивилизации требует бережного отношения к исконной среде её обитания и традиционному природопользованию [33, 34]².

Юридические исследования в области защиты прав коренных малочисленных народов не ограничиваются только вопросами Арктического права. Значительное место в них уделяется следующим темам:

- разработка и унификация понятийно-категориального аппарата, применяемого для регулирования правового положения коренных малочисленных народов;
- процедуры отнесения лиц к коренным малочисленным народам, выработке критериев этнической идентификации;
- анализ эффективности гарантий защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, включая гарантии и права при промышленном освоении земель;

- повышение качества жизни коренных малочисленных народов, в том числе с точки зрения реализации их экономических и социальных прав;

- меры по сохранению духовных основ и защите культурного наследия коренных малочисленных народов;

- юридические процедуры участия коренных малочисленных народов в принятии решений, затрагивающих их права;

- роль этнологической экспертизы, порядка её проведения в целях защиты прав коренных малочисленных народов при принятии решений о хозяйственном освоении территорий в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности.

Подобные исследования проводятся на междисциплинарной основе, с привлечением методологии как публичного, так и частного права. Особое внимание изучению данных вопросов традиционно уделяется в рамках таких юридических дисциплин, как конституционное, международное, административное, земельное, экологическое, гражданское право.

Национальные языки. К числу наиболее значимых вопросов юридических исследований, без сомнения, следует отнести *статус национального языка*. Наличие национального языка рассматривается в общественных науках в качестве одного из ключевых признаков этнической принадлежности. Однако именно благодаря юридической науке сформирован комплекс государственных гарантий по сохранению и развитию национальных языков, обеспечению их равноправия [35], обоснован запрет дискриминации по признаку языка [36], обозначено, пусть и не в окончательном варианте, соотношение статуса государственного языка и иных языков, что особенно важно в рамках федеративного государства.

Языковая проблема носит перманентный характер: принципы государственного регулирования, объём предоставляемых прав будут систематически меняться в зависимости от целей и задач государственной политики, политических и культурных условий. Подобная динамика характерна и для научных исследований, в которых акценты периодически смещаются как в сторону монистического подхода к развитию языков, в котором предпочтение отдаётся одному государственному языку с учётом постепенной ассимиляции других языков, так и, наоборот, в направлении плюралистического подхода, выступающего за сохранение многоязычия, полилингвизма. Говоря о развитии правовых исследований в данной области, нельзя не вспомнить слова классика отечественного правоведения Н.М. Коркунова. Взаимосвязь права

² Цикл исследований в области Арктического права проводился в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ в 2014—2017 гг.

с существом народного духа он сравнивал с языком: как язык, так и право не знают абсолютно-го застоя, они находятся в постоянном движении и развитии, подчиняющимся закону внутренней необходимости [37, с. 352].

В отношении национального языка российская юридическая наука чётко следует международным стандартам: определяющая роль государственного языка не может подвергаться сомнению, однако она не должна сопровождаться дискриминацией прав национальных меньшинств на пользование родным языком. Важно решить вопрос об оптимальном балансе с учётом конкуренции двух конституционных ценностей — права человека на пользование родным языком и развитие государственного языка.

Именно российская юридическая наука оказала серьёзное влияние на решение Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия), касающееся статьи 7 Закона Украины «Об образовании». В соответствии с этим законом исключается возможность обучения на языке национальных меньшинств, и с 2020 г. дети из неукраиноязычных семей не смогут получать среднее и высшее образование на родном языке. Венецианская комиссия признала обязанностью государства обеспечить такие условия, чтобы внедрение нового закона не ставило под угрозу сохранение культурного наследия национальных меньшинств и непрерывность образования на их языках в традиционных школах. Подобные рекомендации оказывают определяющее влияние на развитие юридической теории и практики всех стран, ратифицировавших Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод.

Не секрет, что и в России ситуация с использованием национальных языков, несмотря на пристальное к ней внимание, остаётся не лишённой проблем, в частности, это касается языковой графики. Эти проблемы требуют консолидированного участия представителей различных наук, включая этнологов, филологов, политологов, социологов, чтобы не допустить разобщения многонационального народа.

Предупреждение межнациональных и межэтнических конфликтов. Соответствующий круг вопросов — предмет исследования преимущественно психологии, социологии, политологии. Специальных юридических исследований по данной теме немного. Тем не менее именно с помощью методов юридической науки, особенно из области социологии права, юридической психологии и юридической конфликтологии, должны быть сформированы научно обоснованные предложения по совершенствованию системы мониторинга и предупреждения межэтнических конфликтов, а также

разработан организационно-правовой механизм реагирования на повышение социальной напряжённости в целях недопущения таких конфликтов. Однако комплексный подход к изучению этих вопросов юридической наукой ещё не реализован в полной мере.

В основном исследовании сводятся к определению оптимальных условий сохранения этнокультурного многообразия, формирования общероссийского гражданского самосознания и духовной общности народов. Значительное внимание уделяется развитию теории равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств, защиты от дискриминации по указанным признакам, а также гармонизации межнациональных отношений как фактору национальной безопасности государства, его территориальной целостности, разграничению полномочий в области межнациональных отношений и защите прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов. В последнее время внимание учёных-юристов привлекает также тема обеспечения прав различных категорий мигрантов, в том числе их социальной и культурной адаптации и интеграции в этнокультурной среде принимающего социума [38].

Что касается изучения собственно способов предотвращения, своевременного и мирного разрешения межнациональных (межэтнических) противоречий и конфликтов, то число таких исследований остаётся, к сожалению, незначительным.

В числе основных причин возникновения межнациональных конфликтов называются миграционные процессы, в результате которых на территории принимающих государств появляется новая, сплочённая по этническому признаку группа населения, включающая постоянно и временно проживающих иностранных граждан, как правило, в большинстве своём социально изолированных от местного населения. Здесь требуются совместные усилия специалистов в области миграции и межнациональных отношений. К числу наиболее востребованных направлений научных исследований в данной области относятся: оптимизация организационно-правового механизма реагирования на повышение социальной напряжённости в целях недопущения межнациональных и межэтнических конфликтов; совершенствование системы мониторинга ситуации; формирование механизма, позволяющего перевести межнациональные и межэтнические конфликты в правовое русло, чтобы уметь противостоять «управляемому хаосу».

Национальное и международное право в сфере регулирования межнациональных отношений. Значительный пласт юридических исследований касается

соотношения международного и национального права, в том числе по вопросам защиты так называемых *специальных* прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов, включая использование национального языка [37].

Положения, содержащиеся в международных конвенциях и других документах международного права (международные пакты о гражданских и политических правах, об экономических социальных и культурных правах; рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств; Конвенции № 169 МОТ “О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах” и др.), носят, казалось бы, универсальный характер, но не всё можно адаптировать к российским условиям. Серьёзная проблема с точки зрения реальных возможностей государства (в силу его многонационального состава и наличия множества национальных языков и ещё большего числа национальных диалектов) возникла, например, в связи с ратификацией Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (1992). Вряд ли в условиях такого многоязычия возможно в каждом регионе (под которым понимается далеко не только субъект Федерации, но любой географический район) установить особый режим осуществления публичных функций на национальных языках, как предполагает хартия. Здесь требуется поиск новых вариантов решения проблемы использования национальных языков в публичной сфере, соответствующих российским реалиям.

В целом положительно оценивая роль международного права в повышении эффективности защиты интересов национальных меньшинств и коренных малочисленных народов, нельзя не подчеркнуть, что вопрос об адаптации мировых стандартов демократии и гражданского общества нуждается в дополнительной научной оценке. Основная задача учёных состоит в поиске оптимального баланса между заимствованием передового зарубежного опыта и сохранением собственных ценностей и традиций, сформировавшихся в ходе исторического и культурного развития.

* * *

Проблематика межнациональных отношений требует дальнейших научных исследований. Несмотря на значительное число работ в этой области, многие вопросы в рамках юридической науки остаются нерешёнными. К ним можно отнести такие темы, как этническая идентификация и самоидентификация на групповом и личностном уровнях. Не до конца изучена природа коллективных прав этнических общностей, в том числе в области сохранения культурного наследия, использования языка, защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни. Нуждаются в научном

обосновании правовые механизмы урегулирования межнациональных конфликтов и правовые средства их предотвращения, в целом правовые регуляторы межэтнических коммуникаций. Необходимо дальнейшая разработка основных методологических подходов к определению форм и способов адаптации и интеграции мигрантов в иноэтнической среде. До сих пор не решены вопросы, связанные с разграничительной логикой использования ряда правовых понятий, в частности, дихотомизацией категорий “национальное” и “этническое”, “народ”, “нация” и “этнос”. Всё большую актуальность приобретают исследования способов имплементации международных стандартов в полиэтнических государствах, особенно с активным миграционным компонентом, а также унифицирующего влияния на локальные культуры и развитие межнациональных отношений факторов, имеющих глобальный или трансграничный характер.

Развитие юридической науки в области межнациональных отношений, в том числе критическое осмысление действующего права, даёт импульс не только правотворчеству, но и совершенствованию правовой деятельности государства, включая формирование правовой культуры, правового сознания, правового образования, правового информирования, что имеет особое значение в условиях многонационального государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я., Абрамова А.И. и др. Научные концепции развития российского законодательства. Изд. 7-е, доп. и перераб. / Отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.: Изд. дом “Юриспруденция”, 2015.
2. Прянишников Е.А., Хабриева Т.Я., Лафитский В.И. и др. Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ / Изд. 4-е, доп. и перераб. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2015. С. 406–421.
3. Гессен В.М. Возрождение естественного права. СПб., 1902.
4. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. I–III. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1875, 1876, 1883.
5. Загоскин Н.П. Наука истории русского права. Её вспомогательные знания, источники и литература. Казань: Типография Н.А. Ильяшенко, 1891.
6. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1897.
7. Котляревский С.А. Национально-областной вопрос в программе конституционно-демократи-

- ческой партии // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1906. С. 114–117.
8. *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
 9. *Ковалевский М.М.* Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приёмы изучения права. М., 1880.
 10. *Ковалевский М.М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдалённом прошлом. Опыт в области сравнительной этнографии и истории права. Вып. 1. СПб., 1911.
 11. *Корф С.А.* Понятие суверенитета (К десятилетию манифеста 17-го октября). М., 1915.
 12. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: лекции профессора Московского университета Г.Ф. Шершеневича, читанные в Московском Коммерческом Институте в 1909/10 г. М., 1911.
 13. *Жвания Г.Е.* Международно-правовые гарантии защиты национальных меньшинств (Исторический очерк). Тбилиси, 1959.
 14. *Дурденевский В.Н.* Автономные республики и области в системе советского федерализма // Советский федерализм. 1930. С. 210–219.
 15. *Котляревский С.А.* Правовое положение автономных республик // Советское право. 1926. № 6. С. 34–37.
 16. *Югай А.Ф.* Природа и правовое положение автономных советских социалистических республик в системе Союза ССР // Учёные записки Саратовского юридического института имени Д.И. Курского. Саратов. 1952. Вып. 3. С. 20–65.
 17. *Мулукаев Р.С.* Советская автономия. М., 1960.
 18. *Тузмухамедов Р.А.* Национальный суверенитет. М.: Прогресс, 1963.
 19. *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1908.
 20. *Кульчицкий (Мозовецкий) К.* Автономия и федерация в современных конституционных государствах. М., 1907.
 21. *Яценко А.С.* Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб., 1909.
 22. *Васильчиков А.И.* О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Изд. 3-е. Т. 2. СПб., 1872.
 23. *Хабриева Т.Я.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010.
 24. *Хабриева Т.Я.* Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М.: Юрид. дом “Юстицинформ”, 2003.
 25. *Андриченко Л.В.* Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М.: Изд. дом “Городец”, 2005.
 26. *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010.
 27. *Черниченко С.В.* Содержание принципа самоопределения народов: современная интерпретация. М.: Дипакадемия МИД РФ, 1999.
 28. *Тэкс Д.* Проблемы национального самоопределения в условиях реформирования российского федерализма. СПб.: Наука, 2005.
 29. *Сумачёва М.В.* Право народов на самоопределение и формы его реализации в Российской Федерации. Екатеринбург: РГППУ, 2013.
 30. *Каранетян Л.М.* Федеративное государство и правовой статус народов. Федерализм. Суверенитет. Национальные меньшинства. Самоопределение. Территориальная целостность. Конфликты. М.: Манускрипт, 1996.
 31. *Кутафин О.Е.* Российская автономия. М.: Проспект, 2006.
 32. *Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В.* Конституционные основы межнациональных отношений // Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного закона России) / Под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП, Изд. дом “Юриспруденция”, 2014. С. 423–444.
 33. *Абрамова А.И., Авхадеев В.Р., Андриченко Л.В. и др.* Арктическое право: концепция развития / Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Изд. дом “Юриспруденция”, 2014.
 34. *Хабриева Т.Я., Кобылкин Д.Н., Андриченко Л.В. и др.* Российская Арктика – территория права: альманах. Выпуск IV. Сохранение и устойчивое развитие Арктики. Правовое регулирование пространственного развития арктических территорий Российской Федерации (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Отв. ред. С.А. Боголюбов, В.П. Емельянцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Салехард: Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа, 2017.
 35. *Васильева Л.Н.* Законодательное регулирование использования языков в Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2005.
 36. *Доровских Е.М.* Право и национальный язык: регулирование языковых отношений в Российской Федерации. М.: ИНИОН РАН, 1996.
 37. *Коркунов Н.М.* История философии права. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1915.
 38. *Хабриева Т.Я.* Миграционное право России: теория и практика. М.: Юридическая фирма “Контакт”, 2008.

ПРОБЛЕМЫ
ЭКОЛОГИИ

НЕОТЛОЖНЫЕ ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИБРЕЖНОЙ И АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ МОРЕЙ И ОКЕАНОВ РОССИИ

© 2018 г. Г.Г. Матишов^{1,2,*}, С.Л. Дженьюк^{1,**}

¹Мурманский морской биологический институт Кольского научного центра РАН, Мурманск, Россия

²Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

*E-mail: matishov@mmbi.info, **E-mail: dzhenyuk@mmbi.info

Поступила в редакцию 28.03.2018 г.

Комплексные исследования тех явлений и процессов в прибрежных зонах, которые влияют на условия жизни и ведения морской деятельности, — одно из актуальных направлений современной океанологии. Побережья России отличаются разнообразием природных условий и неравномерностью освоения, что требует разработки региональных исследовательских проектов на единой теоретической и методологической основе. В статье анализируется современное состояние знаний о геолого-геоморфологических, гидрометеорологических и биологических опасных явлениях на российских морях, даны рекомендации по их изучению с учётом климатических тенденций начала XXI в., особенно ярко выраженных в Арктике и на юге России. Показана необходимость существенного обновления системы мониторинга и прогнозирования опасных явлений и природных катастроф.

Ключевые слова: опасные явления, природные катастрофы, прибрежные зоны, климат, мониторинг, прогнозирование.

DOI: 10.31857/S086958730002150-3

К территории России прилегают два океана — Северный Ледовитый и Тихий, а также 13 окраинных и внутренних морей. Это жизненно важный ресурс развития страны в XXI в., его наличие

диктует приоритеты фундаментальных и прикладных исследований в области океанологии. Изучение дальневосточных, сибирских и европейских морей предстоит сфокусировать на процессах эволюции океаносферы — от морской поверхности до дна океанических впадин. Понимание ныне происходящих процессов невозможно без привлечения методов палеоокеанологии, реконструкций палеоклимата, материкового оледенения, речного и ледникового стока в океан на основе геологических и исторических баз данных, включая инструментальные наблюдения с начала XX в. [1, 2].

Для России как морской державы актуально обеспечение социально-экономического развития прибрежных зон в условиях глобальных климатических и промышленных вызовов. В последние 20 лет наблюдаются крупные природные аномалии: волны холода на юге страны, потепление в Арктике и снижение ледовитости арктических морей, усиление штормовой активности в Азово-Черноморье, экстремальные паводки в бассейнах дальневосточных и европейских морей. Подобного рода явления вносят неопределённость в хозяйственные и экосистемные прогнозы.

МАТИШОВ Геннадий Григорьевич — академик РАН, главный научный сотрудник и научный руководитель ММБИ КНЦ РАН, научный руководитель Южного научного центра РАН, руководитель секции океанологии, физики атмосферы и географии Отделения наук о Земле РАН. ДЖЕНЮК Сергей Львович — доктор географических наук, главный научный сотрудник ММБИ КНЦ РАН.

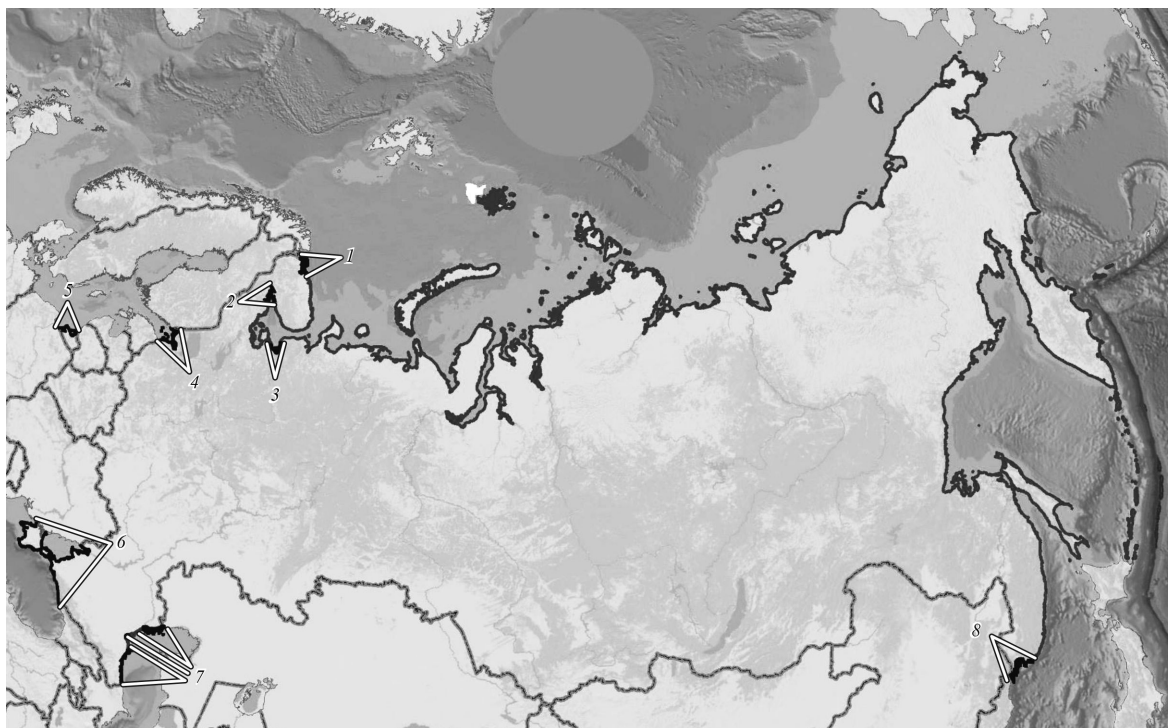

Рис. 1. Побережья морей России с высокоразвитой морской деятельностью

1 – Кольский залив Баренцева моря и губы Западного Мурмана; 2 – Кандалакшский залив, 3 – Двинской залив; 4 – Финский залив; 5 – Калининградское взморье; 6 – Азово-Черноморское побережье; 7 – Северный Каспий (устье Волги и побережье Дагестана); 8 – залив Петра Великого (Японское море)

Прибрежные зоны России, кстати, самые протяжённые по сравнению с другими государствами мира, чрезвычайно разнообразны по природным условиям и, как следствие, освоены крайне неравномерно. Побережья Балтийского, Азовского и Чёрного морей, южного Приморья, Кольского залива Баренцева моря, Двинского и Кандалакшского заливов Белого моря (рис. 1) отличаются высокой концентрацией морского хозяйства, повышенной уязвимостью по отношению к природным и антропогенным воздействиям. В этих районах начиная с XIX в. проводятся систематические морские исследования, действуют научные центры мирового уровня.

В то же время прибрежные зоны арктических и дальневосточных морей, на которые приходится более 90% протяжённости российских побережий, изучены очень слабо. Их освоение затормозилось в конце прошлого века, когда экономический спад привёл к депопуляции арктических территорий, резкому сокращению перевозок по Северному морскому пути, снижению активности Военно-морского флота РФ. В последние годы эта тенденция преодолевается, появляются новые точки роста: ведётся добыча нефти на Приразломном шельфовом месторождении в Печорском море, действует порт Сабетта на Ямале, обновляется

пограничная инфраструктура, строятся военные аэродромы на арктических островах. Вследствие этого ощущается острая необходимость в накоплении новых фундаментальных знаний с целью предупреждения разрушительных последствий цунами, смерчей, боры, ураганных штормов, нагонов и наводнений, изменчивой вдольбереговой литодинамики и других феноменов. Такие работы послужат укреплению безопасности стратегически значимых гражданских портов и военно-морских баз, навигационных и инженерных сооружений, подводных трубопроводов, ферм аквакультуры, а также Керченского и других мостов, черноморских спортивных и рекреационных комплексов.

Опасные природные явления ярко выражены и оказывают наибольшее влияние на деятельность человека у линий и поверхностей раздела суша–море, водная поверхность–атмосфера, вода–морское дно. Но в их формировании участвует вся атмосфера, вплоть до ионосферы, и вся толща Мирового океана от поверхности до дна. Поэтому в наиболее общей постановке проблемы объектом исследований опасных явлений должна быть практически вся географическая оболочка Земли.

Геолого-геоморфологические явления включают подводные землетрясения, мутьевые и вдольбереговые потоки наносов в прибрежной зоне, абразию

берегов и оползни как факторы воздействия на морскую нефтегазодобычу, трубопроводы и коммуникации, береговые сооружения. При анализе опасных воздействий на подводные трубопроводы и их береговые выходы необходимо учитывать сезонные изменения ледяного покрова, штормовую активность, динамику донных осадков, сейсмичность. Во многих случаях эти факторы взаимосвязаны, и их совместное воздействие повышает вероятность техногенных катастроф.

Подводные землетрясения и цунами относительно хорошо изучены на дальневосточных морях, где эти явления часты, и по ним имеются вековые базы данных. Вместе с тем проявления сейсмической активности известны практически во всех прибрежных зонах России: на Баренцевом море, Балтике (Калининградское побережье), в Азово-Черноморском и Каспийском регионах. Информация о землетрясениях во многих случаях относится к давнему периоду, не освещённому инструментальными наблюдениями, и подтверждается только надёжными историческими источниками. Опыт человечества свидетельствует о том, что сейсмические события опасны именно в силу их редкости и неподготовленности населения. Это замечание можно отнести и к катаклизмам в прибрежных зонах России.

Волновая абразия и термоабразия, напротив, — постоянно действующие природные факторы. Они приобретают опасный характер при усилении штормовой активности, что в арктических морях связано с сокращением площади сезонного ледяного покрова. Для приливных морей типичны постоянные перемещения песчаных грунтов на осушках (участках морского дна, обнажающихся при отливах), что приводит к формированию кос, отсечению лагун и перекрытию фарватеров.

Подводные оползни, мутьевые потоки и вдольбереговые перемещения наносов непрерывно меняют рельеф морского дна. Их активизация может быть следствием как естественных (сейсмика, твёрдый речной сток), так и антропогенных факторов (прокладка подводных каналов, строительство пирсов и других прибрежных сооружений). Эти явления особенно характерны для Кавказского побережья Чёрного моря, где ещё в советское время был приобретён большой опыт исследований береговых процессов и разработки рекомендаций по береговой защите [3]. Однако и в настоящее время возможны ошибки при освоении новых участков побережий, о чём свидетельствует размыв набережной в Сочи в январе 2018 г. [4].

Важной составляющей геологической среды являются гидрогидраты шельфа. Они создают риски выбросов газа и водогрунтовой смеси, разжижения грунтов оснований фундаментов и повышенной

агрессивности газогенерирующих отложений. Газонасыщенные осадки хорошо изучены, например, на шельфе Баренцева и Карского морей [5]. Однако достоверных данных о самопроизвольных выходах газогидратов в поверхностный слой моря в настоящее время нет, поэтому мониторинг этого явления едва ли возможен.

Опасные явления в атмосфере и ионосфере. На морскую деятельность в той или иной мере влияют процессы в различных слоях атмосферы и толще Мирового океана. Так, возмущения в ионосфере приводят к возникновению северных сияний, к нарушениям радиосвязи, навигационным ошибкам при использовании систем ГЛОНАСС и GPS. Однако наиболее опасные воздействия ассоциированы с приземным (приводным) слоем атмосферы и с поверхностным слоем океана (где они тоже в значительной степени индуцированы атмосферой). Несомненно, исследование и разработка методов прогноза явлений, непосредственно угрожающих жизни и здоровью людей, а также имеющих разрушительные последствия для приморских территорий, должны стать приоритетными.

Штормовые ветры и ураганы относятся к числу наиболее изученных опасных гидрометеорологических явлений. По ним имеются продолжительные ряды наблюдений. Метеорологический режим побережий, как и всей территории страны, представлен в многочисленных справочниках и атласах. Тем не менее изученность этих явлений нельзя считать достаточной: слаба сопоставимость методов измерений (что особенно важно на наземных метеостанциях и судах), измерения, выполненные в условиях экстремальных усилений ветра (при тропических ураганах, смерчах), ненадёжны. Для морских побережий, особенно полуостровов и мысов, характерны ветры с повышенными средними и максимальными скоростями, что должно учитываться при выборе площадок для береговых объектов.

Особую группу опасных явлений составляют орографические ветры, которые приобретают угрожающий характер в прибрежьях у подножий береговых хребтов. Наиболее известны морские ветры типа “бора” (новороссийская на Чёрном море, новоземельская — на Баренцевом), возникающие при стоке воздушных масс, охлаждённых над горами на высотах 1000–1500 м.

Аномалии температуры воздуха и осадков в приморских районах также имеют свою специфику. Их возникновение, как правило, определяется положением и интенсивностью центров действия в атмосфере и океане (Сибирского антициклона, Исландского минимума, океанической циркуляции в системах Гольфстрима и Күросио), но интенсификация или ослабление зависят от

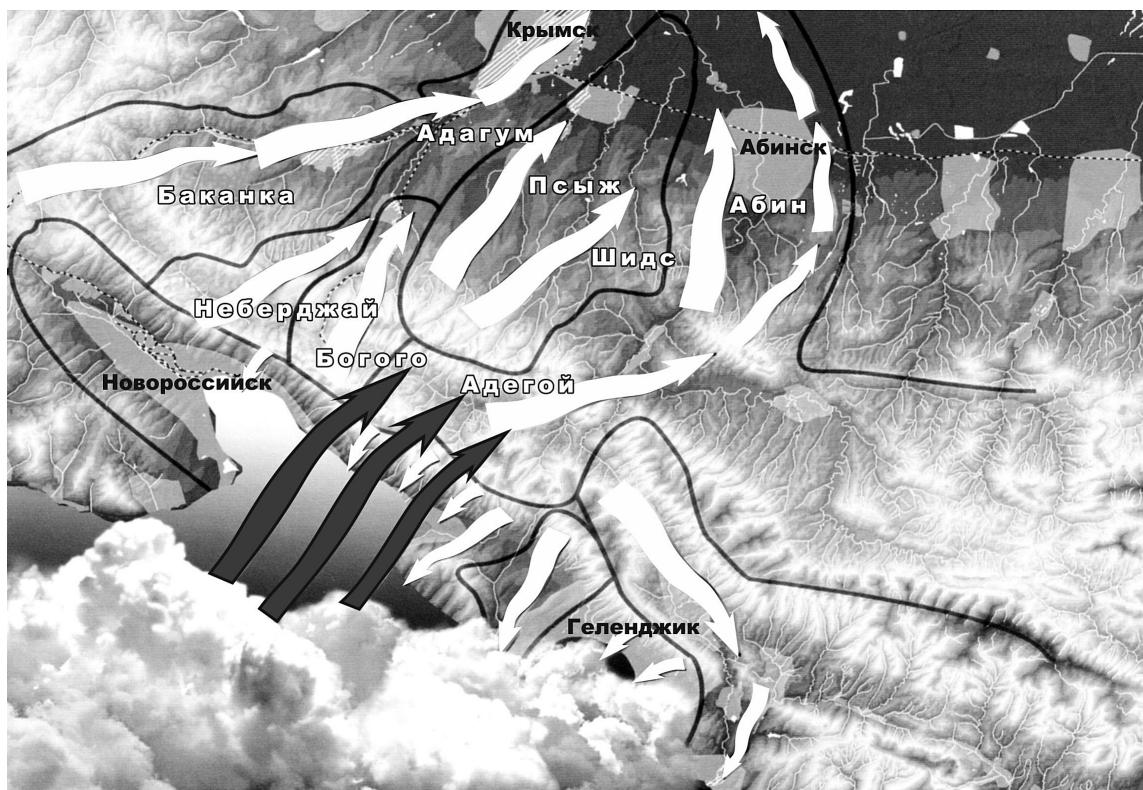

Рис. 2. Формирование дождевых осадков и паводкового стока в районе г. Крымск (6–7 июля 2012 г.)

Показаны названия и границы водосборов малых рек (сплошные линии), охваченных экстремальным паводком. Тёмными стрелками показано направление воздушных потоков морского происхождения, светлыми — трансформированных над сушей

рельефа суши, теплозапаса водных масс прилегающих морей, снежного покрова. Воздушные массы морского происхождения при прохождении над береговыми хребтами, в частности Черноморского побережья, формируют экстремальные речные паводки. Они же вызывают обильные осадки на подветренных склонах, что приводит к катастрофическим наводнениям (рис. 2). Крупнейшей природной катастрофой последних лет на юге России стало наводнение 6–7 июля 2012 г. на реке Адагум в Краснодарском крае (г. Крымск), повлекшее за собой гибель 171 человека и ущерб около 20 млрд руб. [6]. Для прибрежных территорий особое значение имеют также оценки биоклиматических индексов, отражающих совместное воздействие низких температур и высокой скорости ветра на состояние людей и эксплуатацию техники.

Опасные гидрологические явления. Безопасность мореплавания и работа портов решающим образом зависят от режима ветрового волнения. Этот фактор среды хорошо изучен: ещё полвека назад были организованы систематические инструментальные наблюдения на морях СССР и разработаны расчётные методы, позволяющие оценивать высоты волн редкой повторяемости при наличии исходной метеорологической информации. Наиболее сильные шторма

отмечаются в Беринговом, Охотском, Японском и Баренцевом морях. На Дальнем Востоке в последние годы произошло несколько морских катастроф с многочисленными жертвами, в том числе гибель буровой платформы “Кольская” при её буксировке в Охотское море (декабрь 2011 г.) и траулера “Восток” в Японском море (январь 2018 г.).

В научной литературе и СМИ особое внимание уделяется так называемым волнам-убийцам, образующимся на фоне слабого или умеренного волнения и поэтому представляющим особую опасность. Обзор данных об этом феномене и результаты их анализа содержатся в монографии [7]. В российских водах аномально высокие одиночные волны зафиксированы инструментальными методами на Чёрном и Японском морях (рис. 3). На Баренцевом море, не менее штормовом, такие волны не наблюдались, хотя в разное время и в разных его частях было получено большое количество записей волнения с научно-исследовательских судов, стационарных платформ и с использованием океанографических буев. В работе [8] рассмотрен случай повреждения судна аномальной штормовой волной, который хорошо документирован, обоснован данными синоптического анализа и визуальных судовых наблюдений, а интерпретирован как редкое,

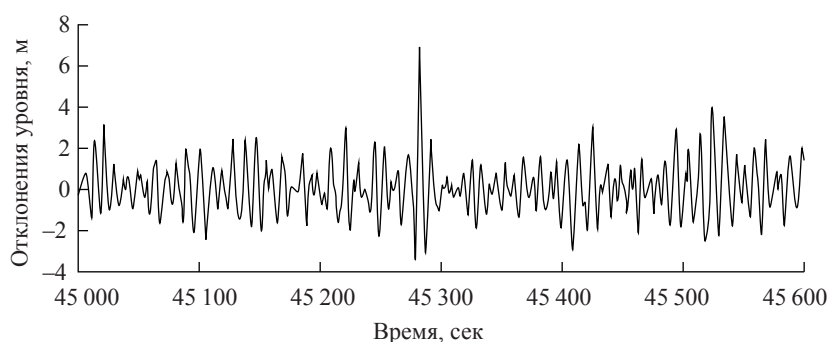

Рис. 3. Пример записи волнографа с аномально высокой единичной волной в Японском море [7]

но статистически достоверное сочетание высоты, периода и крутизны отдельной волны в группе.

На внутренних морях России также возможны жестокие штормы с тяжёлыми последствиями. В ноябре 2007 г. в результате шторма в Керченском проливе затонуло четыре судна, ещё несколько пострадало, произошёл аварийный выброс около 2000 т мазута, что вызвало гибель 300 тыс. морских птиц. Перед кораблекрушением погодные условия характеризовались наличием центра пониженного давления в западной части Азовского моря. Акватория Керченского пролива оказалась в области тёплого сектора циклона. Продвижение холодного фронта на северо-восток привело к усилению ветра в районе Тамани и Крымского полуострова, его скорость достигла 20–25 м/с. Смена направления ветра на юго-западное вызвала его порывы до 32 м/с. Ураганный ветер такой силы и волнение моря в 6–7 баллов не были спрогнозированы [6, 9].

Опасные явления в гидросфере побережья вызваны процессами взаимодействия атмосферы и океана. В тех случаях, когда они приобретают ураганный характер, возникает угроза для мореплавания. Наиболее разрушительные последствия аномальных наводнений при наложении максимальных приливов и штормовых волн отмечаются в заливах Баренцева, Белого и дальневосточных морей. Следует упомянуть явление сулоя, которое возникает в местах встречи противоположных течений и при ветре против течения, когда образуются всплески, водовороты и толчеи. Сулой также наблюдается, когда сильные приливо-отливные течения, выходя из проливов или из-за мысов, распространяются веером, образуя пенистые полосы, в которых движение частиц подобно движению на поверхности кипящей воды [10].

Экстремальные сгонно-нагонные колебания уровня воды, как правило, вызываются воздействием движущихся на морскую акваторию циклонов, что сопровождается формированием длинных

волн, сопоставимых с размерами бассейна и представляющих большую опасность для прибрежных городов и портово-промышленных комплексов (рис. 4). Длинные волны характерны для морских заливов и речных эстуариев на северо-западных и южных морях России. Особенно хорошо они изучены в Финском заливе, где уровневые наблюдения проводятся более 300 лет, что позволяет давать надёжные статистические оценки [11]. Подвержены штормовым нагонам Двинской залив в Белом море, устьевые взморья Дона и Кубани на Азовском море. Специфические условия нагонов складываются на пло-

ском побережье Северного Каспия, где нагонные наводнения приводят к затоплениям местности на десятки километров вглубь от берега. Эта опасность усилилась на фазе повышения уровня Каспийского моря в конце XX в. (которое привело к окончательному отказу от проекта переброски стока северных рек в бассейн Волги).

Для морей, свободно сообщающихся с океаном, особо опасны сочетания штормовых нагонов с максимальными приливами — в недавнем прошлом такие сочетания приводили к катастрофическим наводнениям на побережье Голландии, в устьях Эльбы и Темзы. В настоящее время наиболее уязвимые участки побережий Западной Европы, так же, как и восточное побережье Финского залива, защищены инженерными сооружениями, снизившими эту угрозу.

Сгонные явления, обычно обусловленные антициклоническими синоптическими ситуациями, привлекают меньше внимания. Они представляют опасность для мореплавания в морских заливах и речных устьях, отделённых от моря подводными порогами (фьордовые заливы Баренцева моря) или песчаными барями (устья некоторых сибирских рек).

При определённых условиях опасный характер приобретают такие проявления динамики вод, как сейши и внутренние волны. Одна из разновидностей сейш — тягун — представляет собой колебательные движения воды в портах, бухтах и гаванях, вызывающие циклические перемещения стоящих у причалов судов (этим термином определяют также другое явление — разрывные течения в прибойной зоне, образованные оттоком набегающих волн). В России тягун ярко выражен в порту Туапсе, где приводит к срывам с якорей и навалам судов. Внутренние волны образуются на поверхностях раздела вод с разной плотностью и оказывают негативное воздействие на условия навигации и подводную связь. В Чёрном море с его

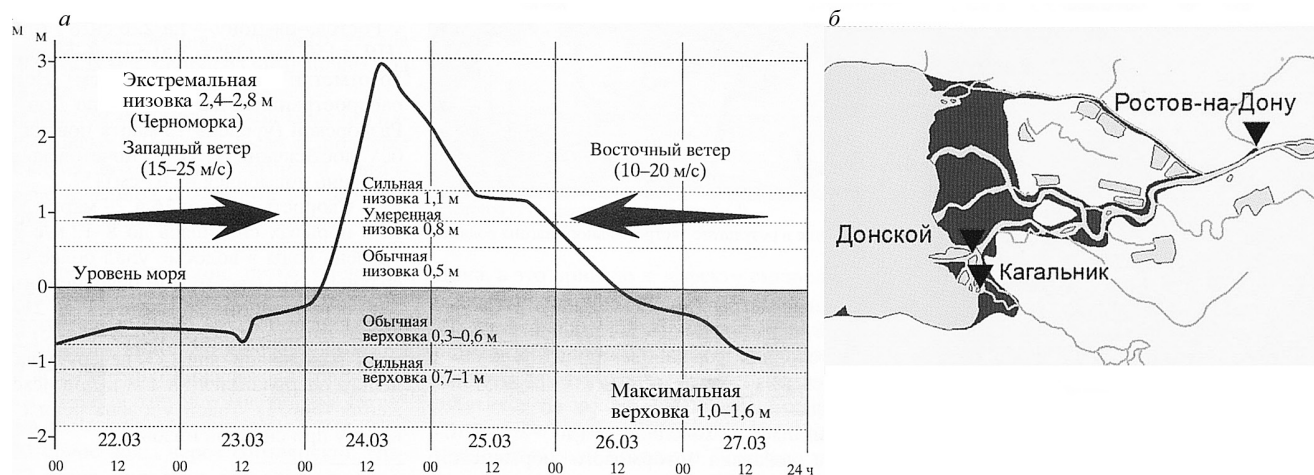

Рис. 4. Условия формирования экстремального наводнения (а), зона затопления в дельте Дона (б) 22–27 марта 2013 г. и пункты гидрометеорологических наблюдений

важнейшей экосистемной особенностью — подповерхностным сероводородным слоем — внутренние волны могут способствовать приближению сероводорода к поверхности и нарушению условий жизнедеятельности морских организмов.

Ведущий и во многих случаях лимитирующий фактор любой морской деятельности — морской лёд. На акваториях, где сезонный ледяной покров образуется ежегодно, экосистемы и хозяйственная деятельность к нему адаптированы. Если же замерзание эпизодично, лёд становится климатическим риском, резко ограничивающим морскую деятельность. Так, появление ледяного покрова, который в аномально холодные зимы может сохраняться длительное время, дезорганизует работу порта, построенного как “незамерзающий”. Например, акватория порта Мурманск, расположенного в вершине Кольского залива, в XX в. замерзала четырежды с интервалом 30–33 года (1901–1902, 1935–1936, 1965–1966, 1997–1999 гг.), что отражает цикличность похолоданий в Арктике [12]. В Таганрогском заливе Азовского моря продолжительность ледового периода в начале 2000-х годов варьировалась от 6 дней (2007 г.) до 70–72 дней (2008, 2011, 2012 гг.). В суровые зимы условия ледового плавания в Азовском море приближаются к арктическим (рис. 5).

Ледовые условия осложняют освоение нефтегазовых месторождений на шельфе. Для стационарных буровых платформ даже малая вероятность появления льда означает необходимость выбора между ледостойкими и обычными вариантами.

В прибрежных водах опасность представляют дрейф льда с аномально высокой скоростью, образование торосов, навалов льда и стамух — их

перемещение может привести к разрыву подводных трубопроводов и кабелей, разрушению береговых сооружений.

Для Баренцева моря специфична ещё одна опасность — айсберги, образующиеся при разрушении

Рис. 5. Ледовые условия в Азовском море 25 марта 2012 г.

горных ледников на арктических архипелагах – Новой Земле, Земле Франца-Иосифа, Шпицбергене. Они наблюдаются, в частности, в районе намеченного к разработке Штокмановского газоконденсатного месторождения. Столкновение айсберга со стационарной платформой ведёт к катастрофическим последствиям, поэтому при проектировании морских промыслов должна учитываться даже малая вероятность такого события. Для предотвращения аварийных ситуаций разрабатываются способы захвата и буксировки айсбергов [13].

С учётом стратегической значимости морского транспорта, военно-морского флота, подводных коммуникаций и рыболовства необходимо планировать исследовательские работы по оперативному прогнозированию поверхностных, приливных и внутренних волн, по изучению распространения звуковых волн в водной толще и подо льдом, магнитных и акустических полей, включая вторичное акустическое поле корабля, других гидрофизических процессов. Для обеспечения надёжности ледового мореплавания требуется знание закономерностей формирования айсбергов, торосов и полыней.

Опасные биологические явления. Эта группа менее формализована и в меньшей степени охвачена централизованными системами мониторинга

окружающей среды. К числу приоритетных опасностей относят заморы, “красные приливы”, биологические инвазии, вызванные глобальными климатическими изменениями и антропогенными факторами. Замор – массовая гибель водных организмов, вызванная резким снижением содержания растворённого в воде кислорода из-за естественного ухудшения аэрации водоёма. В морских условиях это случается в прибрежных водах со слабым водообменном при значительном летнем прогреве и отсутствии ветро-волнового перемешивания. Возможны также зимние заморы подо льдом, что особенно характерно для устьевых взморий северных и сибирских рек – Печоры, Оби.

“Красные приливы” представляют собой цветение воды, обусловленное вспышкой численности одноклеточных водорослей (динофлагеллят) и других микроорганизмов. Процесс сопровождается выделением в воду токсинов, способных накапливаться в организмах промысловых рыб и моллюсков, что представляет собой угрозу жизни и здоровью людей. Такие вспышки наблюдаются во многих прибрежных зонах Мирового океана и носят эпизодический характер, организация их мониторинга затруднена. В российских водах “красные приливы” наблюдались у побережий Камчатки и Чёрного моря (в районе Геленджика).

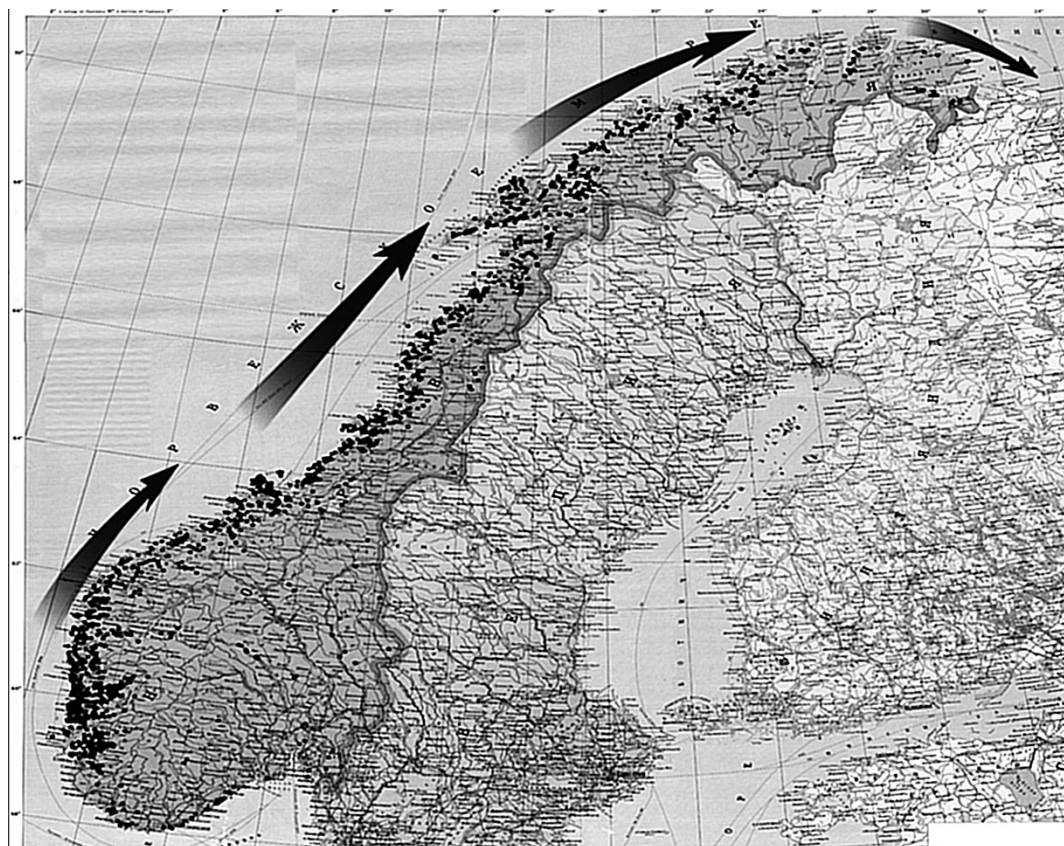

Рис. 6. Расположение рыбных садков в Норвегии и направления распространения “беглых особей”

Биологические инвазии могут быть как естественным проявлением динамики экосистем, так и процессом антропогенного происхождения (например, при заносе морских организмов с балластными водами судов). Они приобретают опасный характер, если пришельцы конкурируют с аборигенными видами за кормовую базу и тем самым снижают биоресурсный потенциал экосистемы. Неоднозначные последствия могут иметь преднамеренные инвазии — интродукция новых промысловых видов. В советский период наиболее масштабной по своим последствиям была акклиматизация тихоокеанской горбуши и камчатского краба в Баренцевом море. Горбуша распространилась в прибрежных водах Северной Европы вплоть до Исландии. Численность камчатского краба в Баренцевом море в условиях потепления начала XXI в. возросла на три порядка — от десятков тысяч до 10–15 млн особей. Качественно новым экосистемным фактором стала аквакультура лососёвых рыб, для которой характерно смешение искусственных и естественных популяций (рис. 6). Биологические инвазии наряду с другими факторами нарушают устойчивость морских экосистем, что влияет как на рыбный промысел, так и на другие виды морской деятельности, в том числе развитие технологий разведки и добычи нефти и газа на российском шельфе. Для обеспечения устойчивой эксплуатации морских биоресурсов, включая аквакультуру, необходимы комплексные исследования больших морских экосистем на основе современных представлений об их структуре и динамике.

Актуальны мониторинг радиационного и сероводородного заражения на шельфе и на больших глубинах, изучение биокоррозии и биообрастания. Обеспечение безопасности морской среды, прибрежной инфраструктуры, подводных коммуникаций потребует изучения возможности использования морских животных (китов, тюленей, рыб) в качестве составных звеньев системы обнаружения и предупреждения потенциальных подводных угроз.

Теория и методология исследований. Изучение и прогнозирование приморского климата, формирующегося на акватории шельфа, — сложнейшая задача океанографии. Её решение затрудняется рядом обстоятельств, которые резко снижают качество, достоверность прогнозов погоды, климата и в конечном счёте предсказание масштабов развития разрушительных природных явлений на российских побережьях.

Наглядно выражена внутривековая периодичность климатических циклов. Как уже отмечалось, в Баренцевом море она близка к 30 годам. Внутривековые колебания климата в районе Азовского моря имеют периодичность в 20–40–60 лет (этот вывод

основан на анализе сезонной динамики температуры воды и воздуха более чем за 100 лет) [14].

Современные данные о вероятности опасных явлений и катастроф специалисты получают на основе анализа многолетних рядов наблюдений. Многие параметры среды до недавнего времени не наблюдались. В ряде случаев однородность рядов нарушалась вследствие смены методов измерений. Например, термометрия используется в неизменённом виде уже несколько столетий, тогда как массовые наблюдения за скоростью ветра до середины XX в. проводились с использованием флюгеров, которые затем на сети станций постепенно заменялись анемометрами. Проблема получения однородных данных о ветре длительное время была одной из наиболее актуальных в климатологии [15].

Аномалии температуры воздуха оцениваются по отношению к средним многолетним значениям, поэтому региональные критерии опасности могут существенно различаться. Даже в тех случаях, когда перечни критериев подробно разработаны, возможны расхождения между ними (например, в перечнях МЧС и Росгидромета). Морское природопользование в России, как и экономика в целом, организовано по отраслевому и территориальному принципу. Ограничения, характерные для этих подходов, хорошо известны, и в разное время предпринимались попытки их совершенствования (об этом свидетельствуют, например, неоднократные реорганизации рыбной отрасли, изменение подчинённости Росгидромета, продолжительные дискуссии о границах Арктической зоны).

Статистика опасных явлений должна основываться на конкретном региональном анализе. Нельзя считать постоянными величинами параметры законов распределения, по которым рассчитываются аномалии редкой повторяемости. Климатические нормы и аномалии, до настоящего времени используемые в практике морской деятельности, отражают период относительной стабильности климата — 1950–1980-е годы. Процесс потепления, который охватил средние широты Северного полушария в конце XX — начале XXI в., распространился на Арктику, привёл к изменению климатических норм: в разных регионах они отличались не только по абсолютным величинам, но и в сезонном ходе.

В эпохи потепления общая площадь морского льда может сокращаться в разы. В Азовском море и на Каспии отмечаются безлёдные зимы. Изменения ледового режима сказываются на опасных факторах морской среды. Наиболее наглядно проявляется воздействие сокращения ледяного покрова на режим ветрового волнения. Увеличивается продолжительность безлёдного периода, возрастают разгоны волн на чистой воде, вследствие

чего повышается повторяемость опасных градаций высот волн, ускоряются процессы разрушения берегов.

Из всего изложенного можно сделать вывод: разработка технологий инструментальных наблюдений и прогнозирования опасных морских процессов в заливах Баренцева, Белого, Балтийского, южных и дальневосточных морей потребует новых фундаментальных знаний, новой теории и единой информационной базы данных. Основной упор в будущих работах следует сделать на поддержке береговых и морских экспериментальных исследований с применением новых подходов и методов — томографии водной среды и морского дна, съёмки с беспилотных летательных аппаратов, дистанционного зондирования Земли, стандартных океанографических съёмок с акцентом на вековые разрезы (“Кольский меридиан” в Баренцевом море и др.). Необходимо создать единую информационную базу данных штормовых нагонов, цунами, катастрофических приливов, боры, сейш, опасных береговых процессов, биологических инвазий, заморов и др.

Принципиально новый подход к организации комплексного наземного и дистанционного мониторинга окружающей среды — “глобальной обсерватории” — прорабатывается в рамках международного проекта РЕЕХ (Пан-евразийский эксперимент) [16]. Как известно, основные ограничения при наблюдении за состоянием Земли связаны с недостатком высокой плотностью сети наземных и морских гидрологических станций. Спутники могут вести непрерывный мониторинг CO_2 , озона и аэрозолей почти на всей планете, но при этом неспособны отслеживать присутствие многих десятков других важных соединений или измерять потоки вещества и энергии. Спутниковые данные нуждаются в подспутниковых наблюдениях. Модели также должны верифицироваться по натурным данным.

Ещё одна проблема состоит в том, что современные сети наземных станций создавались без учёта глобальных задач. Представители разных дисциплин разрабатывают и строят станции в соответствии со своими частными интересами.

В качестве единой наблюдательной платформы в настоящее время рассматривается разработанная в Финляндии измерительная станция SMEAR II. С помощью современных атмосферных масс-спектрометров, погодных радаров и лидаров регистрируются более чем 1000 параметров (парниковые газы, газовые примеси и аэрозоли, показатели фотосинтеза, температура и влажность почвы, градиенты биогенных веществ). Предлагается создать сеть таких станций по всему миру, в числе приоритетных регионов — пространства Арктической зоны России, Сибири и Казахстана.

Не менее важная задача — определение роли Мирового океана в глобальной климатической системе в прошлом и настоящем, выявление индикаторов изменения климата и его моделирование на основе исторических баз данных с начала XX в. Следует изучать атмосферную и океаническую циркуляцию в Северном полушарии, приповерхностную температуру воздуха, термохалинную, гидрохимическую и биологическую структуру, ледовитость российских морей с учётом закономерностей взаимодействия Сибирского антициклона с Гольфстримом и Северной Пацификой при формировании опасных природных явлений в прибрежной зоне. Такие работы послужат обеспечению безопасности стратегически значимых объектов: Керченского и других мостов, гражданских портов и военно-морских баз, навигационных и инженерных сооружений, подводных трубопроводов, черноморских спортивных и рекреационных комплексов, ферм аквакультуры.

Междисциплинарный подход с опорой на признанную в мире концепцию Больших морских экосистем, помимо познания природы, будет способствовать объединению усилий гидрофизиков, гидрографов, гидрохимиков, морских геологов и геоморфологов, гидробиологов, социологов, географов-экономистов, направленных на рациональное использование и охрану богатств океана, разработку ранее неизвестных ориентиров поиска новых минеральных, нефтегазовых и биологических ресурсов.

Изучение социально-экономических последствий морских опасных явлений и природных катастроф в прибрежных зонах необходимо для обеспечения безопасности населения и береговой инфраструктуры. Анализ и прогноз многолетних изменений морской среды (уровень моря, солёность, радиационное и сероводородное заражение, биоресурсы) под влиянием климатической нестабильности и с учётом водохозяйственной деятельности в речных бассейнах — первостепенная прикладная задача научных изысканий. Результаты этих работ важны для обеспечения направления “Связанность территории Российской Федерации за счёт создания интеллектуальных транспортных и телекоммуникационных систем, а также занятия и удержания лидерских позиций в создании международных транспортно-логистических систем, освоении и использовании космического и воздушного пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики” в рамках Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (п. 20 е).

Статья подготовлена в рамках реализации Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 52 “Обеспечение устойчивого развития Юга России

в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов” (Государственное задание Южного научного центра РАН на 2018 г., грант проекта № АААА-А18-118011990324-5 и темы ММБИ “Влияние положения Сибирского антициклона и оси Воейкова на погодные аномалии, климат и угрозы природных катастроф в Черноморско-Каспийском регионе”, грант проекта № АААА-А18-118030690061-3.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Matishov G. G., Dzhenyuk S. L.* Arctic Challenges and Problems of Polar Science // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2012. № 5. P. 355; *Матишов Г. Г., Дженюк С. Л.* Арктические вызовы и проблемы полярной науки // Вестник РАН. 2012. № 10. С. 921–929.
2. *Matishov G. G., Dzhenyuk S. L., Moiseev D. V.* Climate and Large Marine Ecosystems of the Arctic // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2017. № 1. P. 30; *Матишов Г. Г., Дженюк С. Л., Моисеев Д. В.* Климат и большие морские экосистемы Арктики // Вестник РАН. 2017. № 2. С. 110–120.
3. *Зенкович В. П.* Берега Чёрного и Азовского морей. М.: Географгиз, 1958.
4. <http://www.ree4.livejournal.com>, 26/01/2018.
5. *Рокос С. И.* Газонасыщенные отложения верхней части разреза Баренцево-Карского шельфа. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Мурманск, 2009.
6. *Матишов Г. Г., Матишов Д. Г., Бердников С. В., Яцкая Н. А.* Природные катастрофы в Азово-Черноморском бассейне в начале XXI века. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2017.
7. *Лопатухин Л. И.* Ветровое волнение. СПб.: ВВМ, 2012.
8. *Дженюк С. Л., Жевноватый В. Т., Зубакин Г. К., Коган Б. А.* Штормовые волны в Баренцевом море 3–4 января 1974 года // Труды Гидрометцентра СССР. Вып. 164. 1976. С. 20–26.
9. *Матишов Г. Г., Бердников С. В., Савицкий Р. М.* Экосистемный мониторинг и оценка воздействия разлива нефтепродуктов в Керченском проливе. Аварии судов в ноябре 2007 г. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2008.
10. *Хрусталёв Ю. П., Матишов Г. Г.* Эколого-географический словарь. Апатиты: КНЦ РАН, 1996.
11. *Пясковский Р. В., Померанец К. С.* Наводнения — математическая теория и предсказания. Л.: Гидрометеиздат, 1982.
12. *Матишов Г. Г., Дженюк С. Л., Жичкин А. П., Моисеев Д. В.* Климат морей Западной Арктики в начале XXI века // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 3. С. 17–32.
13. *Степанов И. В., Гудошников Ю. П., Бузин И. В.* Буксировка айсбергов как часть ледового менеджмента // Труды ААНИИ. 2009. Т. 450. С. 142–152.
14. *Матишов Г. Г., Матишов Д. Г., Бердников С. В. и др.* Внутривековые флуктуации климата Азовского моря (по термохалинным данным за 120 лет) // Доклады АН. 2008. № 1. С. 342–345.
15. *Борисенко М. М.* Зависимость максимальных скоростей ветра от интервала осреднения // Труды ГГО. 1971. Вып. 283. С. 51–55.
16. *Kulmala M.* Build a global Earth Observatory // Nature. 2018. V. 553. P. 21–23.

ИЗ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

ГЕНОМНАЯ СЕЛЕКЦИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАЧЕСТВА ПОТОМСТВА ЖИВОТНЫХ

© 2018 г. А.Ф. Яковлев

*Всероссийский научно-исследовательский институт генетики
и разведения сельскохозяйственных животных, Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: afyakov@mail.ru

Поступила в редакцию 21.01.2018 г.

Геномная селекция — очень молодая область науки, которая быстро стала самой современной в мире методологией отбора схем разведения сельскохозяйственных животных, особенно крупного рогатого скота. Высокая эффективность геномного отбора обусловлена идентификацией в раннем возрасте генетически элитных животных на основе информации о состоянии однонуклеотидных полиморфизмов ДНК генома, что позволяет рассчитывать индексы племенной ценности с охватом почти всех локусов количественных признаков. С помощью повышенной точности отбора в молодом возрасте можно сократить интервалы генераций и значительно ускорить генетический прогресс в животноводстве.

Ключевые слова: геномная селекция, животноводство, сельское хозяйство, крупный рогатый скот, разведение.

DOI: 10.31857/S086958730002151-4

Принято считать, что XX столетие ознаменовалось громкими открытиями в физике, а XXI в. — уже время биологии, характеризующееся стремлением к глубокому пониманию основной единицы жизни — ДНК. Новый этап генетического улучшения сельскохозяйственных животных начался с полного секвенирования бычьего генома¹ в 2009 г. [1]. Истоки генетического улучшения животных и растений восходят к теории количественной генетики [2].

В формировании каждого признака участвует не один десяток генов. До сих пор учёные не

оперируют достаточным количеством фактов о кооперации генов в создании конкретных фенотипических признаков, однако известно, что каждый ген, как правило, имеет очень малое воздействие на отдельный количественный признак, который проявляется только в результате аддитивного (суммарного) действия генов. Математические закономерности проявления количественных признаков, на основе которых создана современная статистическая модель селекции, известная как наилучшее линейное несмещённое предсказание (BLUP — best linear unbiased prediction), используют всю доступную информацию об аддитивных отношениях генов с целью точного прогнозирования генетической ценности животного [3].

Первая революция в животноводстве началась с разработки технологии искусственного осеменения, которая позволила широко использовать выдающихся производителей и сократить сроки генетического прогресса сельскохозяйственных

ЯКОВЛЕВ Александр Фёдорович — член-корреспондент РАН, руководитель отдела генетики и биотехнологии ВНИИГРЖ.

¹ Секвенирование (от лат. sequentum — последовательность) ДНК и РНК — определение их нуклеотидной последовательности. В результате получают формальное описание первичной структуры линейной макромолекулы в виде последовательности мономеров в текстовом виде.

животных. Сегодня для большинства видов животных в нашей стране разработаны структурированные программы разведения. Они основаны на рутинной регистрации родословных и информации о продуктивности предков и потомков в популяциях. Однако такая проверка весьма дорогостоящая. Например, необходимо 6–7 лет, чтобы вырастить молодого быка, осеменить его семенем не менее 70 коров, получить потомство, вырастить его до возраста лактации и по их продуктивности судить о степени пригодности использования семени отца в массовой селекции. Обычно из 100 бычков, выращиваемых для обслуживания общей популяции коров, используются не более 50.

Несколько десятилетий назад возможность предсказания производственных характеристик животных (например, выхода молока), основанная исключительно на информации о ДНК, казалась научной фантастикой. Была предпринята попытка включить в селекцию информацию о полиморфных молекулярных маркерах — полиморфных генах, микросателлитах ДНК, разнообразии длины амплифицированных (размноженных) фрагментов ДНК и др. К сожалению, в этих подходах решение о направлении отбора принимается на основе только одного или нескольких аллелей (возможных структурных состояний гена), показывающих связь с соответствующим признаком. Ограниченное число полиморфных вариантов маркеров и слабая связь с количественными признаками не позволяют достичь нужной точности генетической оценки, которая определяется как соотношение между регистрируемой генетической оценкой и фактической генетической ценностью. Одним словом, такая маркер-вспомогательная селекция не оправдала ожиданий.

В 2001 г. группа австралийских исследователей [4] на основе моделирования показала, что 50 тыс. геномных маркеров, в равной мере распределённых по геному, могут быть использованы для прогнозирования значений размножения животных с довольно высокой точностью. Это позволит в короткие сроки почти в 2 раза ускорить генетический прогресс. Способность прогнозирования генетических достоинств молодых животных назвали *геномной селекцией*.

Известно, что структуру ДНК образуют четыре нуклеотида: в двух цепях ДНК аденин соединяется с тиминном и цитозин с гуанином. В случае, если около 0,1% животных в популяции не имеет один и тот же нуклеотид в стандартном положении в последовательности ДНК, речь идёт о однонуклеотидном полиморфизме. В международной классификации он обозначается акронимом SNP (single nucleotide polymorphism). У млекопитающих для исследования потенциально доступны более 2 млн

SNP, то есть примерно один SNP на 1000 нуклеотидов. SNP как генетический маркер (как правило, без биологического эффекта, даже в случаях локализации в смысловой части генома) может быть генетически сцеплен с качеством признака и использоваться в селекционной работе.

Геномный отбор — это форма селекции, в которой используются генетические маркеры, охватывающие весь геном, так что все количественные ловушки признаков находятся в неравновесном сцеплении по меньшей мере с одним маркером [5]. Такое неслучайное распределение частот нередко объясняется выгодным адаптивным превосходством определённого сочетания аллелей, частота которых увеличивается по сравнению со случайным распределением. При хорошем охвате генома и высокой плотности маркеров генотипы SNP фиксируют информацию о неравновесности сцепления и позволяют судить о соседних генах или локусах количественного признака.

Для регистрации SNP в ДНК были разработаны специальные считывающие приспособления — чипы. Первый коммерческий генотипический SNP-чип был выпущен с набором 54001 SNP в декабре 2007 г. Предложены различные математические приёмы для включения в алгоритмы геномной оценки маркеров только с реальными эффектами — связями с количественными признаками животного. Имеется несколько причин браковки маркеров (табл.).

В анализе обычно можно использовать только около 75% всех регистрируемых SNP. После выпуска первого чипа для полномасштабной SNP-панели крупного рогатого скота, способного регистрировать около 50 тыс. SNP, в 2009 г. была опубликована первая официальная геномная оценка племенной ценности GEBV (genomic estimated breeding value) животных голштинской породы [1].

Процесс геномной селекции начинается с определения ассоциации SNP и количественных

Распределение показателей однонуклеотидного полиморфизма SNP по пригодности к анализу

Свойства SNP	Распределение, %
Потенциальное использование SNP	100,0
Мономорфные	11,5
Трудности с анализом	5,6
Частота менее 2%	6,5
Высокая корреляция с другими SNP	4,6
Доступны для анализа в селекции	71,8

признаков в референтной (эталонной) популяции, в которую включаются несколько тысяч животных, отражающих по исследуемым параметрам массив популяции. Индекс племенной ценности в схеме геномной селекции вычисляется путём оценки эффектов SNP из уравнения прогнозирования, которое является производным от показателей SNP-генотипов и фенотипа животных, задействованных в селекционной программе [6]. У молочного скота для достижения достаточной точности предсказания требуется эталонная популяция — по меньшей мере 10 тыс. генотипированных по составу SNP и оценённых по фенотипическим признакам бычков, имеющих дочерей с известными показателями, задействованными в программе прогнозирования. Такое требование привело к созданию крупных консорциумов между племенными кооперативами в Европе и Северной Америке с целью объединения усилий по формированию большой референтной популяции: ведь чем она больше, тем выше достоверность прогноза индекса GEBV будущего потомства. Обычно у предков регистрируется более 30 признаков, и точность геномной оценки зависит не только от размера референтной популяции, но и от степени наследуемости анализируемого признака. Точность GEBV для молодых бычков без теста на качество потомства в контрольной популяции составляла от 20 до 67% [7]. Существует проблема с подбором коров в референтную популяцию: сюда следует отбирать по случайному принципу или только лучших особей? Как показывает опыт, отбор лучших коров даёт наименьшую точность прогноза продуктивности потомков [8].

В настоящее время для геномного анализа доступны чипы низкой (около 10 тыс. SNP), средней (более 50 тыс. SNP) и высокой плотности (около 800 тыс. SNP) для оценки наиболее важных в хозяйственном отношении видов животных. Цена анализа на чипах низкой плотности значительно меньше, чем высокой, поэтому разработан метод импутации (поправки), позволяющий корректировать результаты генетических оценок на чипах низкой плотности. Ошибка такой коррекции обычно не превышает 4–5%, поэтому она широко используется в практике [9]. Следует отметить, что точность прогнозирования растёт намного быстрее с увеличением числа генотипированных особей в референтной популяции, чем с увеличением плотности маркеров в чипах. Степень взаимосвязи показателей исходных популяций и кандидатов отбора в референтную популяцию влияет на точность прогнозирования.

В последние годы некоторые компании, занятые в сфере молочного животноводства, уже продают двухлетних бычков только на основе геномного анализа, то есть без использования дорогой проверки на качество потомства. В птицеводстве получение

большого числа потомков от женских особей путём геномной селекции позволяет более чем в 2 раза увеличить скорость генетического прогресса по сравнению с селекцией крупного рогатого скота при традиционном разведении [10]. Однако теоретические исследования до сих пор не дают чёткого ответа, как геномные значения размножения будут предсказаны в схемах разведения птиц с использованием кроссов (скрещиваний межпородных линий), которые широко применяются при выращивании цыплят, а также свиней. Геномный отбор в свиноводстве — потенциальный инструмент для улучшения материнских качеств [11].

В процессе геномной оценки можно определять или подтверждать происхождение животных и регистрировать ряд генетических дефектов (болезней). Геномная селекция позволяет прогнозировать общую и специфическую резистентность к ряду таких заболеваний, как маститы, проблемы с конечностями, предрасположенность к пониженным репродуктивным качествам [12]. Часть информации предоставляется в сопроводительных документах при продаже семени производителей.

В технологии геномной оценки используется вся информация о доступных SNP в геноме, исходя из положения, что весь геном вносит вклад в формирование фенотипических признаков. Генотипирование при помощи чипов высокой плотности SNP позволяет проводить реконструкцию родословных. В этом иногда есть необходимость, поскольку исторически сложилось, что в прошлом для естественных популяций родословные не составлялись, и реконструкция племенной информации по ДНК может быть очень полезной при получении более достоверных прогнозов.

Геномная оценка продолжает оставаться высокодинамичной областью исследований, дальнейшие открытия и новые идеи в этой сфере будут не только снижать её стоимость, но и повышать эффективность. Организация геномной селекции в развитых странах Северной Америки и Европы осуществляется на базе финансирования курируемых правительствами учреждений, работающих в области животноводства. Например, во Франции на базе Национального института сельскохозяйственных исследований (INRA — National Institute for Agricultural Research) существует консорциум, объединяющий индустрию искусственного осеменения и генотипирования племенных животных. Каждый месяц в этой стране генотируют более 5 тыс. животных-кандидатов мужского и женского пола с использованием в основном чипов низкой плотности, затем проводится импутация полученных данных. Основываясь на своём опыте в области геномного отбора на молочном скоте, упомянутый

институт в настоящее время сотрудничает с рядом развивающихся стран, например, Бразилией, Индией, Казахстаном, странами Южной Африки, пытаясь содействовать разработке точных геномных оценок разнообразных видов и популяций сельскохозяйственных животных в неоднозначных экологических условиях.

Быстрому и широкому внедрению геномных инструментов способствовали высоконадёжные геномные предсказания, особенно в голштинской породе коров. Действительно, в 2009 г. был создан Европейский консорциум (EuroGenomics), куда вошёл ряд европейских стран. Локальный геномный отбор должен рассматривать генотип с учётом окружающей среды и гарантировать генетический прогресс в интересах местных фермеров. Известно, что маркеры объясняют только часть генетической дисперсии формирования фенотипических признаков. Поэтому, используя одноступенчатые или многоступенчатые подходы, необходимо сочетать геномные значения с полигенной информацией, обуславливающей остальную генетическую изменчивость и включающей остаточный полигенный эффект. Фактически животные голштинской породы выигрывают от информации о большом объёме популяции, которая благодаря консорциуму EuroGenomics была значительно увеличена — с 4 до 16 тыс. опытных быков. В настоящее время консорциум, объединяющий около 10 стран, имеет референтную популяцию численностью более 25 тыс. проверенных быков. Это, по сути, формирует самый большой источник информации по геномной селекции в мире. В результате надёжность племенной ценности генотипированных животных увеличена на 10% по всем признакам. Для сравнения: в России по причине отсутствия кандидатов в референтной популяции содержится около 1 тыс. генотипированных быков. Поэтому прогрессивные племенные организации и хозяйства нашей страны закупают замороженное семя генотипированных быков в других странах. Прогноз продуктивности, по оценкам зарубежных референтных популяций, иногда не совпадает с продуктивностью импортных отцов, и наши хозяйства вместо генетического прогресса демонстрируют отрицательные показатели. Так, дочери двух быков с геномной оценкой в США по удою +283 кг и +185 кг в условиях Ленинградской области снизили удои по сравнению со сверстницами на 105 кг и 92 кг соответственно. Конечно, нельзя исключать влияние географического фактора, определённую роль играет и рациональный индивидуальный подбор [13].

В схемах разведения на основе геномной селекции интенсивность отбора женских особей может быть увеличена, а интервалы генерации

значительно уменьшены с использованием репродуктивных технологий, таких как множественная овуляция и трансплантация эмбрионов, включая трансплантацию эмбрионов, полученных *in vitro*. В этом случае имеется возможность геномной оценки ранних эмбрионов. Однако следует иметь в виду, что и темпы инбридинга, если их не контролировать должным образом, могут увеличиваться до неприемлемых уровней [14, 15].

Высказываются опасения о снижении темпов генетического прогресса в процессе применения геномной селекции после многих поколений отбора. Ожидается повышение частот благоприятных аллелей количественных признаков. В результате мутации или дрейфа могут появляться новые локусы количественных признаков, но уже не за горами разработка технологий редактирования генома (технология цинковопальцевых нуклеаз — ZFN, эффекторных нуклеаз, подобных активаторам транскрипции, — TALEN и коротких кластерных палиндромных повторов, равномерно удалённых друг от друга, — CRISPR/Cas) [16], которые позволят изменять генотипы эмбрионов и регуляторные пути экспрессии генов и откроют новые пути совершенствования сельскохозяйственных животных. Необходимо отметить, что по примеру использования геномной селекции в разведении крупного рогатого скота элементы геномной оценки стали применяться в селекции растений и для прогнозирования генетической предрасположенности к болезням у человека [17].

В России работа по генотипированию животных и формированию референтных популяций проводится в Федеральном научном центре животноводства — ВНИИ животноводства им. Л.К. Эрнста (Подольск) [18, 19], в филиале этого центра — ВНИИ генетики и разведения сельскохозяйственных животных (Санкт-Петербург) [20–22], в ООО «Мой ген» (Москва) [23] и Институте цитологии и генетики СО РАН (Новосибирск) [24]. Предпринимаются попытки объединить усилия по совершенствованию геномной селекции в рамках Евроазиатской экономической комиссии. К сожалению, наша страна пока не вписывается в установленные условия и не может стать членом международных консорциумов. Однако использование импортного семени быков-производителей, имеющих геномную оценку, позволяет в целом повысить генетический прогресс и продуктивность молочного скота.

Таким образом, геномная селекция представляется самой эффективной технологией повышения генетического прогресса в схемах молочного скотоводства по всему миру. Главное её преимущество состоит в том, что можно точно идентифицировать генетически элитных животных

в очень молодом возрасте благодаря оценке генетических достоинств, полученных из информации о ДНК всего генома. Эти геномные значения размножения значительно более точные, чем традиционно используемые племенные индексы для молодых животных, основанные исключительно на информации о генетике фенотипических признаков. Важной особенностью геномной селекции является возможность сокращения срока смены генераций, особенно при подключении технологий трансплантации эмбрионов. В настоящее время программы геномного отбора молочного скота используют информацию чаще всего на чипах плотностью 54001 SNP, хотя технологические платформы до 777962 SNP и выше также коммерчески доступны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zimin A.V., Delcher A.L., Florea L. et al. A whole-genome assembly of the domestic cow // *Bos taurus*. *Genome Biol.* 2009. April 24. P. 1–10.
2. Кузнецов В.М. F-статистики Райта: оценка и интерпретация // *Проблемы биологии продуктивных животных*. 2014. Т. 4. P. 80–104.
3. Кузнецов В.М. Основы научных исследований в животноводстве. Киров: Зональный НИИСХ Северо-Востока, 2006.
4. Meuwissen T.H.E., Hayes B.J., Goddard M.E. Prediction of total genetic value using genome-wide dense marker maps // *Genetics*. 2001. V. 157. № 4. P. 1819–1829.
5. Goddard M.E., Hayes B.J. Genomic selection // *J. Anim. Breed. Genet.* 2007. V. 124. № 6. P. 323–330.
6. Смарагдов М.Г. Геномная селекция молочного скота в мире, пять лет практического использования // *Генетика*. 2013. Т. 49. С. 1–10.
7. Hayes B.J., Bowman P.J., Chamberlain A.J., Goddard M.E. Genomic selection in dairy cattle: progress and challenges // *J. Dairy Sci.* 2009. V. 92. № 2. P. 433–443.
8. Pszczola M., Strabel T., Mulder H.A., Calus M.P. Reliability of direct genomic values for animals with different relationships within and to the reference population // *J. Dairy Sci.* 2012. V. 95. № 1. P. 389–400.
9. Dasonneville R., Brøndum R.F., Druet T., Fritz S. Effect of imputing markers from a low-density chip on the reliability of genomic breeding values in Holstein populations // *J. Dairy Sci.* 2011. V. 94. № 7. P. 3679–3686.
10. Яковлев А.Ф., Дементьева Н.В. Использование геномных данных в селекции птицы // *Вавиловский журнал генетики и селекции*. 2017. № 7. С. 770–777.
11. Stock K.F., Reents R. Genomic Selection: Status in Different Species and Challenges for Breeding // *Reproduction in Domestic Animals*. 2013. V. 48. Iss. S1. P. 2–10.
12. Zanella R. Genomic Tools and Animal Health // *Vet. Sci.* 2016. V. 3. Iss. 3. P. 1–8.
13. Сакса Е.И., Барсукова О.Е. Селекционно-генетическая характеристика высокопродуктивного голштинского чёрно-пёстрого скота Ленинградской области // *Молочное и мясное скотоводство*. 2013. № 6. С. 8–12.
14. Pryce J.E., Daetwyler H.D. Designing dairy cattle breeding schemes under genomic selection: a review of international research // *Anim. Prod. Sci.* 2012. V. 52. P. 107–114.
15. Pryce J.E., Hayes B. A review of how dairy farmers can use and profit from genomic technologies // *Anim. Prod. Sci.* 2012. V. 52. P. 180–184.
16. Dongyuan Ma., Feng Liu. Genome Editing and Its Applications in Model Organisms // *Genomics, Proteomics & Bioinformatics*. 2015. V. 13. № 6. P. 336–344.
17. Chang L.Y., Toghiani S., Ling A. et al. High density marker panels, SNPs prioritizing and accuracy of genomic selection // *BMC Genet.* 2018. Jan. 5. P. 1–10.
18. Sermiyagin A.A., Naryshkina E.N., Gladyr E.A. et al. Overview of fertility traits in Russian holstein bulls using genome-wide association // *Reproduction, Fertility and Development*. 2017. V. 29. № 1. P. 174.
19. Сермягин А.А., Гладырь Е.А., Харитонов С.Н. и др. Полногеномный анализ ассоциаций с продуктивными и репродуктивными признаками у молочного скота в российской популяции голштинской породы // *Сельскохозяйственная биология*. 2016. № 2. С. 182–193.
20. Смарагдов М.Г. Тотальная геномная селекция с помощью SNP как возможный ускоритель традиционной селекции // *Генетика*. 2009. № 6. С. 1–4.
21. Смарагдов М.Г., Сакса Е.И., Кудинов А.А. и др. Полногеномный анализ межстадной fst-гетерогенности голштинизированного скота // *Генетика*. 2016. № 2. С. 198–205.
22. Племяшов К.В. Геномная селекция – будущее животноводства // *Молочное скотоводство*. 2014. № 5. С. 2–4.
23. Рукин И.В., Груздев Д.С., Храмева Е.С. и др. Полногеномное ассоциативное исследование отечественного поголовья быков чёрно-пёстрой и голштинской породы // *Зоотехния*. 2013. № 12. С. 2–5.
24. Юдин Н.С., Воевода М.И. Молекулярно-генетические маркеры экономически важных признаков у молочного скота // *Генетика*. 2015. № 5. С. 600–612.

ЭТЮДЫ
ОБ УЧЁНЫХ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОДВИЖНИК АГРАРНОЙ НАУКИ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА А.А. НИКОНОВА

© 2018 г. А.В. Петриков^{1,*}, В.М. Баутин^{2,**}

¹Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова – филиал Федерального научного центра ВНИИЭСХ ФАНО, Москва, Россия

²Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Россия

*E-mail: av_petrikov@mail.ru; **E-mail: bautinvm@gmail.com

Поступила в редакцию 14.04.2018 г.

В статье освещается жизненный и творческий путь последнего президента ВАСХНИЛ академика А.А. Никонова, начиная с довоенного периода и заканчивая 1990-ми годами. Отмечена его большая роль в становлении Ставропольского НИИ сельского хозяйства и работа в ВАСХНИЛ. Многие методические и методологические принципы, сформулированные Никоновым, актуальны и в настоящее время. Особенно велика его заслуга в политической реабилитации советского экономиста-аграрника и социолога А.В. Чаянова и его сподвижников в 1987 г.

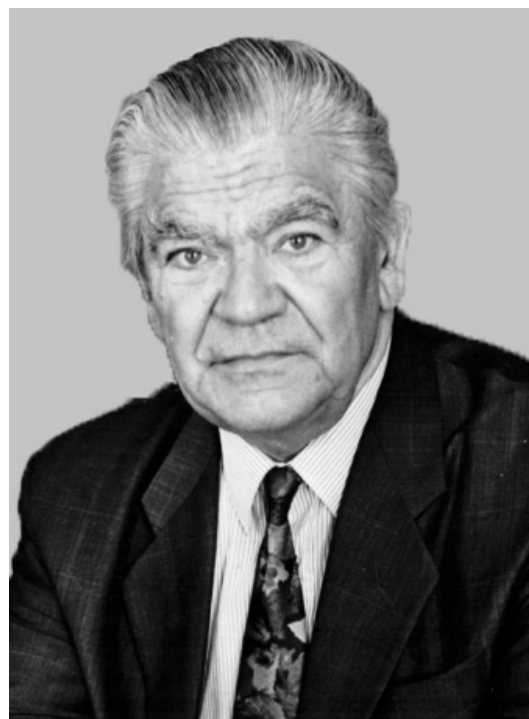
Ключевые слова: ВАСХНИЛ, А.А. Никонов, учёный экономист-аграрник, партийно-хозяйственная работа, продовольственная программа, реабилитация, аграрная теория, науковедение, системный анализ.

DOI: 10.31857/S086958730002152-5

Среди плеяды ярких учёных экономистов-аграрников второй половины XX в., безусловно, нельзя не упомянуть академика А.А. Никонова, который в 1970–1990-е годы был наиболее заметной фигурой в аграрном научно-образовательном сообществе СССР и Российской Федерации.

Вся жизнь Александра Александровича Никонова (19.08.1918–05.10.1995) – выдающегося учёного и крупного организатора сельскохозяйственной науки – была отдана служению России и российскому крестьянству, которое он считал становым сословием государства, а сельское хозяйство – стратегической отраслью экономики. Выходец из крестьянской семьи, получивший фундаментальное сельскохозяйственное и гуманитарное образование, большой опыт политической и государственной работы, он все свои знания и духовные

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич – академик РАН, директор ВИАПИ им. А.А. Никонова. БАУТИН Владимир Моисеевич – академик РАН, профессор РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, вице-президент Российского общественного объединения экономистов-аграрников.

Александр Александрович Никонов

силы отдавал этому служению, видя в нём одно из главных призваний русского интеллигента.

В автобиографии А.А. Никонов условно выделял пять периодов своего жизненного и творческого пути: довоенный (1918–1940), военный (1941–1945), рижский (1946–1962), ставропольский (1963–1978), московский (1978–1995) [1].

А.А. Никонов родился 19 августа 1918 г. в деревне Зайково Вышгородецкой волости Островского уезда Псковской губернии. По договору между Советской Россией и Латвией 1920 г. волость отошла к Латвии, а в 1944 г. в составе Абрено (Пыталовского) уезда была присоединена к Псковской области РСФСР¹. Быт и духовная атмосфера крестьянской семьи сформировали основы его характера и в конечном счёте определили профессиональный выбор. В автобиографии в 1994 г. Никонов писал: “Хозяйство деда и родителей по социальным меркам было середняцким. Батраков не нанимали и сами не батрачили. Хотя работали от зари до зари, всё давалось большим трудом. Иногда арендовали на год несколько гектаров для посева льна — основной товарной культуры. Деревня представляла собою типичную крестьянскую общину с регулярным переделом земельных участков по мере изменения состава семей, считая лиц обоего пола. В 1925 г. была проведена земельная реформа по принципам П.А. Столыпина, община упразднена, все семьи вышли на хутора. Я жил на хуторе 15 лет. С семилетнего возраста пас скот, с 12 лет участвовал во всех полевых и других работах (косил, пахал, заготавливал дрова и др.). Зимой учился. Каждый год на месяц опаздывал к занятиям из-за сельских работ. Это приходилось навёрстывать. Окончил вначале четырёхклассную школу в соседней деревне, затем шестиклассную и гуманитарную гимназию в городе Абрене² (современное Пыталово). Это была хорошая гимназия с высококвалифицированным преподавательским персоналом, многие из них имели степень магистра наук. Факультативно освоил стенографию, бухгалтерию, машинописание и основы кооперации (занятия проводились для желающих по вечерам)” [1, с. 213, 214]. Крестьянские “университеты” дополнялись, таким образом, классическим образованием.

В 1939 г. А.А. Никонов стал студентом ветеринарно-медицинского факультета Латвийского университета. Характеризуя короткие университетские годы, прерванные войной, он писал: “Мы были воспитаны на русской классической литературе и культуре, уважительно относились к культуре

и образу жизни латышского народа. Ежегодно проводились дни русской культуры, обычно совпадавшие с днём рождения А.С. Пушкина... Нас всех объединяла любовь к своей большой этнической Родине. Она укреплялась по мере обострения международной обстановки и возрастания опасности фашистского нападения на Россию... Потому большинство из нас с первых дней войны оказалось добровольцами в Красной армии” [2, с. 246, 247].

А.А. Никонов вспоминал: “Расформированный батальон через Волховстрой, Вологду и Котельнич был направлен в город Нолинск Кировской области, а оттуда через некоторое время — в Гороховецкие лагеря Московского военного округа. В течение августа–октября, пройдя обучение в составе 201-й латышской дивизии, из лагерей были направлены под Москву, поначалу в 1-ю ударную армию, затем в 33-ю армию. Участвовали в боях под Москвой. Прорыв фронта противника под Нарофоминском 20–23 декабря 1941 г. был очень тяжёлым, с огромными потерями... За несколько дней боёв под Нарофоминском... в батальоне (в котором А.А. Никонов был комиссаром. — А.П.), насчитывавшем 20 декабря 450 человек, к вечеру 23-го осталось в строю около 30... За эти дни я получил ранение в руку, контузию и, наконец, тяжёлое ранение с прострелом навывлет правого лёгкого. После этого потребовалось госпитальное лечение в течение 11 месяцев в Апрелевке, Москве, Архангельском, Владимире и Кирове. Затем полугодовая служба в запасном латышском полку 30-й Ивановской учебной бригады в тех же Гороховецких лагерях, после чего — шестимесячные курсы переподготовки политсостава МВО в Алёшинских казармах” [1, с. 215].

За бои под Москвой А.А. Никонов был награждён орденом Боевого Красного Знамени, который он получил в госпитале из рук секретаря Московского горкома партии А.С. Щербакова. Именно этот орден Александр Александрович считал самым ценным и почётным из всех своих правительственных и общественных наград.

«В декабре 1943 г., — писал он в автобиографии, — я был вызван в Главпул Министерства обороны, и в связи с ограниченной годностью к строевой службе мне было предложено готовиться к работе на территории Латвии. Я был откомандирован в партизанский штаб. В силу неизвестных мне причин немедленная переправка через линию фронта была отложена, и я был в оперативной группе при политуправлении 2-го Прибалтийского фронта. Несколько месяцев занимался работой среди войск противника в зоне латышского легиона “СС” в составе двух стрелковых дивизий, базируясь при политотделе 10-й гвардейской армии. В начале 1944 г. был утверждён первым секретарём Абрено

¹ Отец А.А. Никонова был русским, мать — латгалкой.

² В составе Латвии этот город до 1938 г. носил название Яунлатгале.

укома КПЛ и с началом освобождения территории уезда от войск противника в июле 1944 г. приступил к исполнению этих обязанностей. В мае 1945 г. утверждался первым секретарём Даугавпилсского укома КП Латвии, где работал в течение полутора лет» [1, с. 215, 216].

В ноябре 1946 г. Никонов был избран секретарём ЦК Компартии Латвии по сельскому хозяйству. С января 1951 г. по март 1961 г. работал министром сельского хозяйства Латвии, продолжая прерванную войной учёбу в высшей школе. В 1952 г. закончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС, в 1959 г. — агрономический факультет Латвийской сельскохозяйственной академии. По воспоминаниям Никонова, послевоенные годы в Латвии были трудным временем, как и во всём СССР. Восстановление тормозилось коллективизацией сельского хозяйства и гражданскими распрями. Колхозное строительство, начавшееся весной 1947 г., приняло в марте 1949 г. крайние формы, сопровождаясь высылками за Урал, в Восточную Сибирь и Казахстан членов семей “кулаков”.

Находясь на ответственных партийных и хозяйственных постах, А.А. Никонов занимал позицию смягчения генеральной линии центрального руководства, необходимости учёта конкретных условий республики: природных, исторических, демографических, экономических, культурных. “На деле же всё подстригалось на один манер, выработанный в московских кабинетах. Это всегда раздражало, обижало и оскорбляло работающих и живущих в отличных от московских условиях” [2, с. 287].

“После многократных личных просьб” А.А. Никонов был освобождён ото всех руководящих государственных и партийных постов (министра, члена ЦК КПЛ и его бюро, члена президиума Совмина республики). “Основная причина — резко ухудшившееся состояние здоровья, более глубокая — травля со стороны А. Пельше, тогдашнего первого секретаря ЦК КПЛ, за моё несогласие по многим вопросам аграрной и других направлений проводившейся политики... Некоторое время, до февраля 1963 г., работал старшим научным сотрудником отдела экономики Латвийского НИИ земледелия. Но травля продолжалась, я был изолирован от актива, набор моей книги был рассыпан. В ответ на моё обращение в руководящие органы СССР предоставить работу по специальности за пределами Латвии я был назначен директором Ставропольского НИИ сельского хозяйства, где бессменно оставался до ноября 1978 г., т.е. почти 16 лет” [2, с. 216, 217].

Уместно отметить, что в эти трудные для Александра Александровича годы притеснений в Латвии именно Тимирязевка протянула ему руку помощи. Академик С.Г. Колеснев твёрдо

настоял на защите кандидатской диссертации на тему “Специализация и концентрация производства в совхозах Латвийской ССР”, взял на себя научное руководство и помог Никонову защититься в 1962 г. Защита диссертации сыграла впоследствии решающую роль при выборе будущего места работы. Об этом Никонов не забывал и всегда очень тепло отзывался о Тимирязевке и своём научном руководителе С.Г. Колесневе [3, с. 52].

Работа на Ставрополье стала одним из самых плодотворных периодов в жизни А.А. Никонова. Приняв в 1963 г. расположенный в трёх строениях на пустыре институт, в котором работали менее 30 сотрудников и практически отсутствовала опытная и производственная база, Александр Александрович всего за 10 лет сумел превратить эту территорию в цветущий оазис, а учреждение — в мощный научный центр. К концу 1970-х годов во вновь отстроенных корпусах института и его сети работали свыше 550 человек, в том числе около 90 кандидатов и докторов наук. Было приобретено современное лабораторное оборудование, сформирована великолепная научная библиотека, работала аспирантура, был возведён благоустроенный посёлок с производственной и социальной инфраструктурой, расцвели заложенные на 20 га дендрарий и великолепный парк [4]. Основным направлением деятельности института стала разработка отраслевых систем земледелия, кормопроизводства, садоводства в регионе. В 1973 г. за работу “Экономические основы системы сельского хозяйства” (на примере Ставропольского края) А.А. Никонову была присуждена учёная степень доктора экономических наук.

Решение экономических проблем создания эффективных систем ведения сельского хозяйства, успехи Ставропольского НИИСХ выдвинули А.А. Никонова в число ведущих экономистов-аграрников страны. В 1975 г. его избрали членом-корреспондентом ВАСХНИЛ, в 1978 г. — академиком ВАСХНИЛ и академиком-секретарём Отделения экономики ВАСХНИЛ. В 1982 г. он стал первым вице-президентом академии, в 1984 г. — президентом ВАСХНИЛ и действительным членом (академиком) АН СССР. Работа А.А. Никонова получила признание за рубежом. Он был избран членом Академии сельскохозяйственных наук ГДР (1985), почётным членом Академии наук Венгрии (1988), Академии наук Латвии (1991), членом ряда научных организаций.

Большую исследовательскую и административную работу Никонов сочетал с преподаванием. Он читал лекции в Ставропольском сельскохозяйственном институте, а после перевода в Москву в 1978 г. в течение почти 9 лет возглавлял кафедру планирования сельского хозяйства Тимирязевки. Первым крупным проектом, над которым

Никонов работал в Москве, стала подготовка Продовольственной программы СССР на 1982–1990 гг. Он руководил экспертной группой учёных, трудившихся над концепцией и механизмами реализации программы.

Среди других начинаний и аграрно-политических решений 1980-х годов, к которым самым непосредственным образом был причастен А.А. Никонов, надо отметить следующие.

Во-первых, “Меры по повышению производительности труда в сельском хозяйстве на основе внедрения рациональных форм его организации и хозрасчёта” [5, с. 223, 224] в середине 1980-х годов дали толчок широкому подрядному движению и развитию аренды, подготовили почву для возрождения крестьянских хозяйств и реформирования колхозов и совхозов. Вечную проблему колхозно-совхозной формы организации аграрного производства – стимулирование обобществлённого труда – Никонов предлагал решать путём изменения “структуры современного колхоза и совхоза. Она должна строиться на принципе кооперации самостоятельных хозрасчётных трудовых коллективов, за которыми на долгие годы ... будет закреплена земля” [6, с. 4].

Во-вторых, реабилитация в июле 1987 г. экономиста-аграрника А.В. Чаянова и его сподвижников, обвинённых в антисоветской деятельности, мелкобуржуазности и антимарксистском толковании сущности крестьянского хозяйства. Этим не только была восстановлена историческая справедливость, но и преемственность в развитии аграрно-экономической науки, широкодоступными стали труды русской организационно-производственной школы, что привело к пересмотру многих постулатов марксистско-ленинской аграрной доктрины, позволило по-новому взглянуть на историю советского сельского хозяйства и крестьянства. С реабилитацией А.В. Чаянова закончилось идеологическое единомыслие в советской аграрно-экономической науке. Возникло множество точек зрения на аграрный вопрос, что позволило идеологически обосновать развитие многоукладной аграрной экономики.

В-третьих, принятие новой редакции “Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле” (I съезд народных депутатов РСФСР, февраль 1990 г.). Это первый правовой документ по денационализации земли, в котором устанавливалось право граждан на пожизненное наследуемое владение землёй. Без преувеличения можно сказать, что А.А. Никонов положил начало земельной реформе в России. Он возглавлял рабочую группу, готовившую “Основы...”.

Говоря о 1980-х годах, следует подчеркнуть, что в то время аграрники-экономисты оказывали

весьма заметное влияние на выработку аграрного курса. Экономические и социальные проблемы села постепенно решались, а во второй половине 1980-х годов сельское хозяйство довольно динамично развивалось.

В 1991 г. начался новый этап российской истории. А.А. Никонов глубоко переживал распад СССР. Как президент ВАСХНИЛ он пытался трансформировать академию в межгосударственный научный центр – Академию аграрных наук суверенных государств, возникших на постсоветском пространстве. Его инициатива, выдвинутая в ноябре 1991 г., была поддержана руководителями академий сельскохозяйственных наук России, Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Туркменистана, Узбекистана, Украины, но после Беловежских соглашений осталась нереализованной. На базе ВАСХНИЛ и Всероссийской академии сельскохозяйственных наук указом Президента РФ 30 января 1992 г. была создана Российская академия сельскохозяйственных наук, А.А. Никонов стал директором Аграрного института, организованного им в 1990 г.

Перу А.А. Никонова принадлежат более 300 научных публикаций. Характеризуя основные положения его творческого наследия, необходимо обратить внимание на тематику его исследований. Первая особенность заключается в нацеленности на постановку и решение крупных, фундаментальных вопросов аграрной теории и практики, обращение к вечным темам, которыми занимались экономисты разных стран, школ и времён:

- соотношение мелкого и крупного производства в сельском хозяйстве (именно этой теме во многом посвящена кандидатская диссертация А.А. Никонова);
- системы ведения сельского хозяйства;
- организация сельскохозяйственных предприятий;
- роль аграрной экономики и крестьянства в обществе и аграрная политика;
- организация аграрной науки.

Вторая особенность никоновских работ – преобладание в них социально-экономической проблематики, что особенно характерно для 1980–1990-х годов. В одной из статей 1989 г. Никонов писал: «Долгие годы мы страдали “технологизмом”, делая ставку в науке и аграрной политике на развитие материально-технической базы, кардинально не меняя производственные отношения» [5, с. 226].

Центральная методологическая идея Никонова заключалась в необходимости применения *системного подхода* в экономических исследованиях сельского хозяйства. Это обусловлено, с одной

стороны, самой природой отрасли, являющейся сложной, вероятностной, динамичной производственной системой, с другой стороны, влиянием на отрасль большого числа внешних факторов.

Всю совокупность факторов, определяющих развитие сельского хозяйства, А.А. Никонов разделил на пять групп: общественный строй страны (господствующие производственные отношения); потребности общества; аграрная политика и методы руководства сельским хозяйством; уровень научно-технического развития; природные условия. Основываясь на этом, если так можно выразиться, пан-системном подходе, коллектив Ставропольского НИИСХ под руководством Никонова разработал систему ведения сельского хозяйства Ставропольского края (1980), которая стала эталоном для аналогичных работ в других регионах, а в масштабе страны вылилась в подготовку Продовольственной программы СССР.

Второй методологический принцип Никонова — использование *исторического анализа* при рассмотрении любой крупной проблемы, которая попадала в поле его научных интересов. Например, при исследовании систем ведения сельского хозяйства он обращался к работам экономистов XIX в. А. Тэера, И. Тюнена, Ф. Аэрбоза, Г.А. Гольца, А.П. Любоговского, А.И. Скворцова, А.С. Ермолова и других. Анализируя проблему устойчивости, он рассматривает труды В.В. Докучаева, П.А. Костычева, А.В. Советова, А.А. Измаильского, И.А. Стебута, Н.И. Вавилова, Н.М. Тулайкова, А.Г. Дояренко, А.Ф. Фортунатова. Наиболее ярко исторический подход к изучению аграрной экономики воплощён в последней монографии А.А. Никонова, обобщившей 300-летнюю историю аграрной политики в России. По нашему мнению, публикацией этой книги Александр Александрович открыл новое направление в российской аграрно-экономической науке — историческую аграрную экономику — и продемонстрировал продуктивность трансформационного подхода к анализу сельскохозяйственных проблем.

Следующим методологическим принципом Никонова было обращение к *мировому опыту* решения того или иного вопроса. Он любил повторять слова великого Н.И. Вавилова, что учёный должен “стоять на шарике”, то есть знать мировую литературу и применять эти знания в своей практике.

Достижением А.А. Никонова в области методологии является, на наш взгляд, широкое использование социально-экономических экспериментов по совершенствованию производственных отношений и хозяйственного механизма в АПК. Если ранее в ходе экспериментов на отдельных предприятиях разрабатывались лишь элементы хозяйственного механизма, то под руководством

Никонова проводились комплексные работы по совершенствованию всех его составляющих. В эти работы вовлекались не отдельные предприятия, а целые сельскохозяйственные районы. Эксперимент стал не только формой апробации определённой научной концепции или идеи — его главная цель заключалась в получении знаний, нахождении путей решения экономических проблем. Зарождались хозяйственные формы, которые не вписывались в существовавшую систему производственных отношений. Эксперимент выступал, таким образом, локальной реформой аграрных отношений.

Главной темой творчества Никонова, безусловно, были аграрная политика, её история, стратегия и тактика, формы организации, критерии эффективности. По существу, в каждой его работе затрагивался тот или иной аграрно-политический аспект. Рациональная аграрная политика, по мнению Никонова, должна строиться на следующих принципах:

- *системность*, раз сельское хозяйство — система, то воздействие на неё должно носить системный характер, затрагивать все аспекты сельскохозяйственной деятельности;
- *приоритет человека-крестьянина* при определении как целей политики, так и механизмов их реализации;
- *опора на науку* в ходе разработки стратегии и тактики политических решений, получения результатов, что обеспечивает реалистичность политики.

Степень соответствия аграрной политики этим критериям обуславливает её эффективность. Исходя из перечисленных принципов, А.А. Никонов давал жёсткие и отнюдь не положительные оценки аграрной реформе 1990-х годов в России. На международной конференции в Орле 3 июля 1993 г. он говорил: «Что же представляла собой наша аграрная сфера? Агропромышленное производство было крайне затратным, экстенсивным, дефицитным, со всё возрастающим импортом продовольствия и огромными потерями собственной продукции. Оно нуждалось в глубоком реформировании. Наше село всегда было внутренней колонией и донором людских и материальных ресурсов для других сфер производства. Хотя вопросы сельского хозяйства всегда были в центре внимания всяких инструкций, принималась масса крупных и мелких решений, но в них было больше риторики. Наше сельское хозяйство долгие десятилетия “поднимали”, “развивали”, “модернизировали”, коллективизировали, “индустриализировали”, специализировали, концентрировали, ему “помогали”, над ним “шефствовали”, его опекали... А надо было просто не мешать крестьянину» [5, с. 230].

Ещё одна крупная тема, которой занимался Никонов, — науковедение. Он много размышлял о роли аграрной науки в обществе, занимался её теорией, организацией, управлением научными коллективами и другими науковедческими проблемами. Особенно важны выводы, сформулированные им при обобщении истории аграрных исследований в России:

- не допускать ни в какой форме монополизма какого-то одного направления;
- чутко прислушиваться к жизни, своевременно замечать ростки нового, пусть слабые, одинокие, но назревшие, с богатыми задатками;
- активнейшим образом использовать мировой опыт;
- ценить и беречь людей науки, заботливо их воспитывать, рационально использовать их труд, вовремя поощрять [7].

Формой развития науки и одновременно свидетельством её благополучия Никонов считал наличие лидеров и научных школ. “Формирование научных школ — дело не одного дня или года, их не откроешь приказом по ВАСХНИЛ, министерству или агропрому, — писал он в 1989 г. — Они могут вырасти в условиях демократичного, открытого, высокообразованного и культурного общества, где плюрализм мнений, свобода дискуссий, взаимное обогащение знаниями, умение слушать друг друга являются нормой жизни. Именно в такой среде родились Тимирязев, Вавилов, Чайнов, Кондратьев” [7, с. 15].

Установки А.А. Никонова не всегда удавалось претворить в жизнь, что подтверждается и опытом его работы на посту президента ВАСХНИЛ. Академия стремилась укрепиться в статусе независимой научной организации, но тематика её сессий и проблематика исследовательских программ определялась в значительной мере в ЦК КПСС. В научных организациях (вслед за производственными коллективами) демократизировалось управление, развивался хозрасчёт, но одновременно вместо отделений академии в конце 1980-х годов были созданы отраслевые научные комплексы, управляемые головными институтами, которые стремились занять монопольное положение в науке. Приоритетным направлением работы ведущих институтов объявлялись фундаментальные исследования, но нередко их сотрудники “бросались на прорыв” — на выполнение заданий директивных органов.

Говоря о такой масштабной и деятельной личности, как академик А.А. Никонов, хотелось бы коснуться его деловых и человеческих качеств. Александр Александрович был открытым и жизнерадостным человеком, умевшим слушать и слышать и всегда по первому зову прийти на помощь. Он заразительно смеялся, любил юмор, рассказывал

анекдоты, с шуткой воспринимал розыгрыши. Его отличали инициативность, деловитость, простота в общении, задушевность. Но он мог быть строгим и жёстким, хотя крайне редко. Никонов всегда хотел людям добра, даже в мелочах, часто говорил: “Быть добру!”. Всё помнил, что обещал, старался быть обязательным, жил с чувством долга и совести. Никогда не мирился с серостью, рвачеством, халтурой, однообразием, не жаловал бездельников и особенно болтунов. Щепетильно относился к своему здоровью и никогда не терял бодрости духа, умел настраивать себя.

Александр Александрович был целеустремлённым человеком, умел ставить перед собой цель и решать задачи, ведущие к её достижению. Он никогда не стеснялся обратиться к коллегам за советом, обсудить тот или иной вопрос, и неважно, был это убеждённый сединой учёный или совсем молодой человек. Его жизненный путь — это неустанный личный труд и постоянное накопление знаний. У него было поразительное чувство нового, необычайное политическое чутьё и умение схватывать новейшие тенденции. Для каждой новой идеи он находил своё место и время, когда она могла быть в наибольшей степени востребованной. Его научные интересы выходили далеко за рамки аграрной науки. Он обладал энциклопедическими знаниями. Александр Александрович всё делал качественно и основательно, был великолепным оратором и прирождённым лидером, любил возглавлять творческие коллективы и работать с умными людьми, умел консолидировать людей, поэтому окружавшие его сотрудники всегда тянулись к нему. Он был увлечённым просветителем, очень эмоциональным и неравнодушным руководителем, служил образцом для молодёжи и своих сотрудников, требовательным к себе, а уже потом к подчинённым. Часто говорил, что “никогда нельзя дискредитировать должность большого начальника, авторитет мгновенно падает” [7, с. 15]. Будучи президентом ВАСХНИЛ, он не допустил ни одного серьёзного промаха, пользовался заслуженным авторитетом среди научно-образовательного аграрного сообщества страны.

Своего рода воплощением представлений и идей Никонова об организации научной деятельности стало создание в 1990 г. Аграрного института РАСХН, который работает по сей день. В 1996 г. он был объединён с Всероссийским НИИ кибернетики АПК и стал называться Всероссийским институтом аграрных проблем и информатики. В 2002 г. ему было присвоено имя его основателя — академика А.А. Никонова.

В институте проделана значительная работа по сбережению никоновского наследия и увековечению его памяти. Создан личный фонд академика в Государственном архиве экономики (бывший ЦГАНХ СССР) объёмом свыше 4 тыс.

единиц хранения. В Центральную научную сельскохозяйственную библиотеку и Тимирязевскую сельскохозяйственную академию в специальные фонды сданы книги из личной библиотеки А.А. Никонова. Его монография “Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII–XX вв.)” разослана во все ведущие исследовательские институты ВАСХНИЛ и сельскохозяйственные вузы страны. Было проведено несколько семинаров и конференций, посвящённых памяти А.А. Никонова, в том числе за рубежом (в 1996 г. Американская ассоциация экономистов-аграрников провела специальное заседание, посвящённое его творчеству).

На могиле А.А. Никонова на Новодевичьем кладбище установлен памятник работы скульптора В.М. Клыкова. Мемориальные доски в его честь открыты на учебных корпусах Ставропольского государственного аграрного университета и РГАУ — МСХА им. К.А. Тимирязева. Ежегодно на площадке Тимирязевки проводятся Никоновские чтения, на которых обсуждаются актуальные аграрно-политические проблемы и намечаются планы исследовательских работ.

Говоря об академике А.А. Никонове, мы должны вспомнить то светлое, доброе и высоконравственное, что он заложил в организацию и методологию научных исследований в аграрно-экономической науке, по-новому взглянуть на его богатое научное наследие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никонов А.А.* Автобиография // Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50–80-х годов и современная реформа в сельском хозяйстве. М.: Академия, 2000. С. 213–220.
2. *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.
3. *Баутин В.М.* Александр Александрович Никонов (очерк-воспоминание о выдающемся учёном экономисте-аграрнике и крупном организаторе аграрной науки). М.: Росинформагротех, 2013.
4. *Абалдов А.Н.* А.А. Никонов — выдающийся организатор аграрной науки Ставрополья // Человек, Учёный, Патриот. Михайловск: ЗАО “МАРТ”, 2003. С. 14–15.
5. *Петриков А.В.* Научное наследие академика А.А. Никонова и проблемы рыночных преобразований в исследованиях Аграрного института // Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50–80-х годов и современная реформа в сельском хозяйстве. М.: Академия, 2000. С. 221–241.
6. *Никонов А.А.* Улучшать качество продовольственного снабжения // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. № 8. С. 3–10.
7. *Никонов А.А.* Наука на путях перестройки // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. № 2. С. 13–18.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ
ОТДЕЛ

ПРЕЗИДИУМ РАН РЕШИЛ

(апрель-май 2018 г.)

• Присвоить звание “профессор РАН”:

по Отделению математических наук РАН — доктору физико-математических наук **Н.Ю. Антонову** (Институт математики и механики им. Н.Н. Красовского УрО РАН); доктору физико-математических наук **С.И. Безродных** (Федеральный исследовательский центр “Информатика и управление” РАН); доктору физико-математических наук **П.А. Бородину** (Механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); доктору физико-математических наук **А.В. Горобец** (Федеральный исследовательский центр “Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша” РАН); доктору физико-математических наук **Д.Н. Запорожцу** (Санкт-Петербургское отделение Математического института им. В.А. Стеклова РАН); доктору физико-математических наук **А.А. Корневу** (Механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); доктору физико-математических наук **М.А. Королёву** (Математический институт им. В.А. Стеклова РАН); доктору физико-математических наук **И.С. Мамаеву** (Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова); доктору физико-математических наук **М.А. Марченко** (Институт вычислительной математики и математической геофизики СО РАН); доктору физико-математических наук **Д.В. Осипову** (Математический институт им. В.А. Стеклова РАН); доктору физико-математических наук **Ю.Л. Трахину** (Институт математики им. С.Л. Соболева СО РАН);

по Отделению физических наук РАН — доктору физико-математических наук **И.В. Аникину** (Лаборатория теоретической физики им. Н.Н. Боголюбова Объединённого института ядерных исследований); доктору физико-математических наук **С.А. Богачёву** (Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН); доктору физико-математических наук **Д.Ю. Водолазову** (Институт физики микроструктур РАН — филиал Федерального исследовательского центра “Институт прикладной физики” РАН); доктору физико-математических наук **С.И. Каблукову** (Институт автоматики и электрометрии СО РАН); доктору физико-математических наук

Я.В. Карташову (Институт спектроскопии РАН); доктору физико-математических наук **К.В. Лотову** (Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН); доктору физико-математических наук **И.П. Лохтину** (Физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); доктору физико-математических наук **П.М. Лушникову** (Институт теоретической физики им. Л.Д. Ландау РАН); доктору физико-математических наук **Д.И. Макарову** (Специальная астрофизическая обсерватория РАН); доктору физико-математических наук **А.Н. Поддубному** (Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН); доктору физико-математических наук **А.В. Родиной** (Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН); доктору физико-математических наук **Г.И. Рубцову** (Институт ядерных исследований РАН); доктору физико-математических наук **А.В. Слюняеву** (Федеральный исследовательский центр “Институт прикладной физики” РАН);

по Отделению химии и наук о материалах РАН — доктору химических наук **Т.В. Басовой** (Институт неорганической химии им. А.В. Николаева СО РАН); доктору химических наук **Г.В. Зырянову** (Институт органического синтеза им. И.Я. Пастера УрО РАН); доктору химических наук **С.С. Карлову** (Химический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); доктору химических наук **Д.В. Конареву** (Институт проблем химической физики РАН); доктору химических наук **А.А. Корлюкову** (Институт элементоорганических соединений им. А.Н. Несмеянова РАН); доктору химических наук **А.Г. Мажуге** (Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева); доктору физико-математических наук **А.А. Полоцкому** (Институт высокомолекулярных соединений РАН); доктору химических наук **А.Ю. Фёдорову** (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского); доктору химических наук **В.Н. Хрусталёву** (Объединённый институт химических исследований Российского университета Дружбы народов);

по Отделению биологических наук РАН — доктору биологических наук **Н.А. Барлеву** (Институт цитологии РАН); доктору биологических наук

В.Е. Дьяконовой (Институт биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН); доктору биологических наук **А.В. Марданову** (Федеральный исследовательский центр “Фундаментальные основы биотехнологии”); доктору биологических наук **С.В. Найдено** (Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН); доктору биологических наук **П.Ю. Пархаеву** (Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН); доктору биологических наук **О.А. Радченко** (Институт биологических проблем Севера ДВО РАН); доктору химических наук **П.В. Сергиеву** (Химический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); доктору физико-математических наук **З.О. Шенкарёву** (Институт биоорганической химии им. академиков М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова РАН);

по Отделению нанотехнологий и информационных технологий РАН — доктору биологических наук **К.С. Голохвасту** (Дальневосточный федеральный университет); доктору физико-математических наук **А.Л. Казакову** (Институт динамики систем и теории управления им. В.М. Матросова СО РАН); доктору технических наук **А.Г. Насибулину** (Сколковский институт науки и технологий); доктору физико-математических наук **О.Е. Терещенко** (Институт физики полупроводников им. А.В. Ржанова СО РАН);

по Отделению энергетики, машиностроения, механики и процессов управления РАН — доктору физико-математических наук **Ю.А. Баимовой** (Институт проблем сверхпластичности металлов РАН); доктору физико-математических наук **Е.В. Карпову** (Институт гидродинамики им. М.А. Лаврентьева СО РАН); доктору физико-математических наук **Л.В. Ковтанюк** (Институт автоматики и процессов управления ДВО РАН); доктору технических наук **И.В. Колесникову** (Ростовский государственный университет путей сообщения); доктору технических наук **Н.И. Сельвесюку** (Государственный научно-исследовательский институт авиационных систем); доктору физико-математических наук **Д.Н. Сидорову** (Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН); доктору химических наук **О.Н. Федяевой** (Институт теплофизики им. С.С. Кутателадзе СО РАН); доктору физико-математических наук **А.М. Шматкову** (Институт проблем механики им. А.Ю. Ишлинского РАН);

по Отделению наук о Земле РАН — доктору геолого-минералогических наук **Т.Б. Беккер** (Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН); доктору геолого-минералогических наук **Р.В. Веселовскому** (Геологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); доктору физико-математических наук **В.Н. Глинских** (Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН); доктору геолого-минералогических наук **А.В. Иванову** (Институт земной коры СО РАН);

доктору физико-математических наук **И.Б. Коновалову** (Федеральный исследовательский центр “Институт прикладной физики” РАН); доктору географических наук **А.С. Макарову** (Арктический и антарктический научно-исследовательский институт); доктору географических наук **С.А. Огородову** (Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); доктору геолого-минералогических наук **П.Ю. Плечову** (Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН); доктору технических наук **В.В. Строковой** (Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова);

по Отделению общественных наук РАН — доктору юридических наук **О.А. Беляевой** (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ); доктору юридических наук **О.С. Капинус** (Академия Генеральной прокуратуры РФ); доктору юридических наук **Л.В. Санниковой** (Институт государства и права РАН); доктору юридических наук **Н.Н. Черногору** (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ); доктору экономических наук **А.А. Широу** (Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН);

по Отделению глобальных проблем и международных отношений РАН — доктору политических наук **Я.В. Лексютинной** (Санкт-Петербургский государственный университет); доктору экономических наук **С.А. Лукьянову** (Государственный университет управления); доктору политических наук **М.И. Рыхтику** (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского); доктору социологических наук **Н.Н. Федотовой** (Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ);

по Отделению историко-филологических наук РАН — доктору филологических наук **Н.А. Бондарко** (Институт лингвистических исследований РАН); доктору исторических наук **И.В. Зайцеву** (Институт научной информации по общественным наукам РАН); доктору исторических наук **К.А. Колобовой** (Институт археологии и этнографии СО РАН); доктору филологических наук **С.Г. Татевосову** (Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова);

по Отделению медицинских наук РАН — доктору биологических наук **А.В. Алешкину** (Московский научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии им. Г.Н. Габричевского Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека); доктору медицинских наук **П.Г. Джувалякову** (Астраханский государственный медицинский университет Минздрава России); доктору медицинских наук **Н.В. Зароченцевой** (Московский областной научно-исследовательский институт

акушерства и гинекологии); доктору медицинских наук **Н.Е. Захаровой** (Национальный медицинский исследовательский центр нейрохирургии им. академика Н.Н. Бурденко Минздрава России); доктору медицинских наук **С.А. Иванову** (Национальный медицинский исследовательский центр радиологии Минздрава России); доктору медицинских наук **Э.Ф. Киму** (Российский научный центр хирургии им. академика Б.В. Петровского); доктору медицинских наук **И.С. Кицулу** (Иркутская государственная медицинская академия последипломного образования — филиал ФГБОУ дополнительного профессионального образования Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования Минздрава России); доктору медицинских наук **А.В. Колсанову** (Самарский государственный медицинский университет Минздрава России); доктору медицинских наук **А.А. Костину** (Национальный медицинский исследовательский центр радиологии Минздрава России); доктору медицинских наук **О.В. Левченко** (Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова Минздрава России); доктору медицинских наук **Н.Г. Мокрышевой** (Национальный медицинский исследовательский центр эндокринологии им. Н.Н. Блохина Минздрава России); доктору медицинских наук **А.М. Мудунову** (Национальный медицинский исследовательский центр онкологии Минздрава России); доктору медицинских наук **Д.А. Попкову** (Российский научный центр “Восстановительная травматология и ортопедия” им. академика Г.А. Илизарова Минздрава России); доктору биологических наук **Д.В. Ребрикову** (Национальный медицинский исследовательский центр акушерства, гинекологии и перинатологии им. академика В.И. Кулакова Минздрава России); доктору медицинских наук **Е.Г. Рыбакову** (Государственный научный центр колопроктологии им. А.Н. Рыжих Минздрава России); доктору медицинских наук **Д.В. Рыжковой** (Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова Минздрава России); доктору медицинских наук **А.С. Самойлову** (Государственный научный центр РФ — Федеральный медицинский биофизический центр им. А.И. Бурназяна); доктору медицинских наук **Н.А. Супоневой** (Научный центр неврологии); доктору медицинских наук **Д.К. Фомину** (Российский научный центр рентгенорадиологии Минздрава России); доктору медицинских наук **А.Л. Чернышовой** (Томский национальный исследовательский медицинский центр РАН); доктору медицинских наук **Р.Г. Шмакову** (Национальный медицинский исследовательский центр акушерства, гинекологии и перинатологии им. академика В.И. Кулакова Минздрава России); доктору медицинских наук **А.Ю. Щербине** (Национальный

медицинский исследовательский центр детской гематологии, онкологии и иммунологии им. Дмитрия Рогачёва Минздрава России); доктору биологических наук **И.Ю. Юрову** (Научный центр психического здоровья);

по Отделению физиологических наук РАН — доктору медицинских наук **Л.Г. Жуковой** (Национальный медицинский исследовательский центр онкологии им. Н.Н. Блохина Минздрава России); доктору физико-математических наук **М.А. Пантелееву** (Центр теоретических проблем физико-химической фармакологии РАН);

по Отделению сельскохозяйственных наук РАН — доктору биологических наук **Е.В. Абакумову** (Санкт-Петербургский государственный университет); доктору ветеринарных наук **М.В. Арисову** (Всероссийский научно-исследовательский институт фундаментальной и прикладной паразитологии животных и растений — филиал ФГБНУ “Федеральный научный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной ветеринарии им. К.И. Скрябина и Я.Р. Коваленко РАН”); доктору биологических наук **М.Г. Барышеву** (Кубанский государственный университет); доктору сельскохозяйственных наук **А.Н. Боровику** (Национальный центр зерна им. П.П. Лукьяненко); доктору технических наук **А.Ю. Брюханову** (Институт агроинженерных и экологических проблем сельскохозяйственного производства); доктору сельскохозяйственных наук **А.П. Глинушкину** (Всероссийский научно-исследовательский институт фитопатологии); доктору сельскохозяйственных наук **В.Г. Ерёмину** (Крымская опытно-селекционная станция — филиал Федерального исследовательского центра “Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н.И. Вавилова”); доктору сельскохозяйственных наук **В.В. Марченко** (Ставропольская межобластная ветеринарная лаборатория); доктору технических наук **М.Н. Московскому** (Федеральный научный агроинженерный центр ВИМ); доктору сельскохозяйственных наук **Р.В. Некрасову** (Федеральный научный центр животноводства — ВИЖ — им. академика Л.К. Эрнста); доктору экономических наук **А.А. Полухину** (Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства); доктору биологических наук **В.Н. Попову** (Воронежский государственный университет); доктору сельскохозяйственных наук **А.В. Солдатенко** (Федеральный научный центр овощеводства); доктору биологических наук **Ю.С. Токареву** (Всероссийский научно-исследовательский институт защиты растений).

• Считать утратившим силу постановление президиума РАН от 26 апреля 2016 г. “Об утверждении состава Координационного совета профессоров РАН”.

Утвердить состав Координационного совета профессоров РАН: доктор физико-математических наук **А.А. Лутовинов** (Институт космических исследований РАН) — председатель; доктор экономических наук **Е.Л. Андреева** (Институт экономики УрО РАН); доктор философских наук **О.Е. Баксанский** (Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН); доктор юридических наук **О.А. Беляева** (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ); доктор физико-математических наук **П.А. Бородин** (Механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); член-корреспондент РАН **С.Ю. Братская** (Институт химии ДВО РАН); доктор биологических наук **Р.Р. Вафин** (Казанский научный центр РАН); доктор медицинских наук **И.В. Винярская** (Научный центр здоровья детей Минздрава России); член-корреспондент РАН **М.С. Гинс** (Всероссийский научно-исследовательский институт селекции и семеноводства овощных культур); доктор физико-математических наук **С.В. Головин** (Институт гидродинамики им. М.А. Лаврентьева СО РАН); член-корреспондент РАН **Ю.Г. Горбунова** (Институт общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова РАН); член-корреспондент РАН **А.А. Громыко** (Институт Европы РАН); член-корреспондент РАН **А.В. Дворкович** (Московский физико-технический институт (государственный университет)); доктор технических наук **И.Л. Ермолов** (Институт проблем механики РАН); доктор сельскохозяйственных наук **Е.В. Журавлёва** (ФАНО); доктор медицинских наук **Н.В. Зароченцева** (Московский областной научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии); доктор медицинских наук **Н.Е. Захарова** (Национальный медицинский исследовательский центр нейрохирургии им. академика Н.Н. Бурденко Минздрава России); доктор медицинских наук **К.А. Зыков** (Московский государственный медицинско-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова Минздрава России); доктор химических наук **М.А. Калинина** (Институт физической химии и электрохимии им. А.Н. Фрумкина РАН); член-корреспондент РАН **Ю.Ю. Ковалёв** (Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН); доктор биологических наук **Л.Г. Колик** (Научно-исследовательский институт фармакологии им. В.В. Заварова); доктор биологических наук **А.Г. Кошаев** (Кубанский государственный аграрный университет); доктор физико-математических наук **И.Е. Кузнецова** (Институт радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова РАН); доктор исторических наук **М.А. Липкин** (Институт всеобщей истории РАН); доктор физико-математических наук

М.Л. Литвак (Институт космических исследований РАН); доктор исторических наук **А.В. Ломанов** (Институт Дальнего Востока РАН); доктор физико-математических наук **С.В. Люлин** (Институт высокомолекулярных соединений РАН); доктор биологических наук **А.Ю. Малышев** (Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН); доктор биологических наук **С.В. Найдено** (Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН); доктор физико-математических наук **А.В. Наумов** (Институт спектроскопии РАН); доктор медицинских наук **В.В. Негребецкий** (Российский национальный исследовательский университет им. Н.И. Пирогова Минздрава России); доктор психологических наук **Т.А. Нестик** (Институт психологии РАН); доктор физико-математических наук **А.Н. Печень** (Математический институт им. В.А. Стеклова РАН); доктор филологических наук **В.В. Полонский** (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН); доктор физико-математических наук **М.Е. Сачков** (Институт астрономии РАН); доктор биологических наук **Е.М. Серба** (Всероссийский научно-исследовательский институт пищевой биотехнологии); доктор химических наук **П.В. Сергиев** (МГУ им. М.В. Ломоносова); доктор философских наук **Ю.В. Синеокая** (Институт философии РАН); доктор физико-математических наук **А.В. Слюняев** (Федеральный исследовательский центр “Институт прикладной физики” РАН); член-корреспондент РАН **А.А. Собисевич** (Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН); доктор физико-математических наук **Р.Ю. Тараканов** (Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН); член-корреспондент РАН **А.О. Терентьев** (Институт органической химии им. Н.Д. Зелинского РАН); доктор физико-математических наук **Г.В. Чучева** (Институт радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова РАН); доктор экономических наук **А.А. Широ** (Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН).

• Освободить академика РАН **Ж.И. Алфёрова** от обязанностей сопредседателя российской части Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства в соответствии с его просьбой. За плодотворную работу на этом посту объявить Жоресу Ивановичу Алфёрову благодарность.

Утвердить академика РАН **В.Н. Пармона** сопредседателем российской части Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства.

Утвердить состав российской части Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства:

Бюро совета: академик РАН **В.Н. Пармон** — сопредседатель; **А.А. Кубрин** (заместитель Государственного секретаря, член Постоянного комитета

Союзного государства) — сопредседатель (по согласованию); академик РАН **С.М. Алдошин** — заместитель сопредседателя; академик РАН **В.П. Чехонин** — заместитель сопредседателя; доктор сельскохозяйственных наук **К.В. Харламов** (советник вице-президента РАН) — учёный секретарь; академик РАН **И.М. Донник**; член-корреспондент РАН **В.В. Иванов**; доктор юридических наук **Р.Ф. Идрисов** (Центр исследований проблем безопасности РАН); академик РАН **С.И. Колесников**.

Члены совета: академик РАН **Ж.И. Алфёров**; академик РАН **А.Л. Асеев**; член-корреспондент РАН **Ю.М. Батулин**; академик РАН **В.М. Бузник**; член-корреспондент РАН **А.Ю. Вараксин**; академик РАН **Э.С. Горкунов**; академик РАН **А.И. Григорьев**; член-корреспондент РАН **Р.С. Гринберг**; академик РАН **А.А. Дынкин**; член-корреспондент РАН **В.А. Ильин**; академик РАН **Г.Я. Красников**; академик РАН **Ю.Ф. Лачуга**; доктор технических наук **Е.А. Лупян** (Институт космических исследований РАН); академик РАН **А.Г. Лисицын-Светланов**; доктор исторических наук **К.В. Никифоров** (Институт славяноведения РАН); академик РАН **В.А. Тутельян**.

• Считать утратившим силу приложение к постановлению президиума РАН от 19 января 2016 г. «Об утверждении Положения о Научном совете РАН по проблеме “Координатно-временное и навигационное обеспечение”» и состав совета.

Утвердить состав Научного совета РАН по проблеме “Координатно-временное и навигационное обеспечение”:

Бюро совета: академик РАН **Ю.М. Михайлов** — председатель; академик РАН **С.Н. Багаев** — заместитель председателя; доктор технических наук **А.В. Ипатов** (Институт прикладной астрономии РАН) — заместитель председателя; кандидат технических наук **С.Г. Смоленцев** (Институт прикладной астрономии РАН) — секретарь; доктор технических наук **В.В. Бутенко** (Научно-исследовательский институт радио, по согласованию); кандидат технических наук **С.С. Голубев** (Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии, по согласованию); доктор технических наук **С.И. Донченко** (Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений, по согласованию); **А.Н. Залюзнюк** (Военно-топографическое управление Генерального штаба Вооружённых сил РФ, по согласованию); кандидат технических наук **С.Н. Карутин** (Центральный научно-исследовательский институт машиностроения, по согласованию); член-корреспондент РАН **Н.Н. Колачевский**; доктор технических наук **В.Н. Конешов** (Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН); доктор технических наук **В.Е. Косенко** (АО “Информационные спутниковые

системы” им. академика М.Ф. Решетнёва, по согласованию); **С.В. Кузьмин** (ФАНО, по согласованию); академик РАН **В.Г. Пешехонов**; член-корреспондент РАН **В.П. Савиных**; доктор технических наук **Г.Г. Ступак** (АО “Российские космические системы”, по согласованию); член-корреспондент РАН **Н.А. Тестоедов**; **М.Н. Хайлов** (ГК “Роскосмос”, по согласованию); член-корреспондент РАН **В.В. Шайдуров**; доктор технических наук **В.Д. Шаргородский** (АО Научно-производственная корпорация “Системы прецизионного приборостроения”, по согласованию); кандидат технических наук **В.Б. Шебшаевич** (АО “Российский институт радионавигации и времени”, по согласованию).

Члены совета: доктор технических наук **Г.А. Аванесов** (Институт космических исследований РАН); **В.Н. Бабаков** (ЗАО “Конструкторское бюро навигационных систем”, по согласованию); доктор технических наук **В.М. Владимиров** (Красноярский научный центр СО РАН); доктор технических наук **В.М. Власов** (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет — МАДИ, по согласованию); доктор физико-математических наук **И.С. Гаязов** (Институт прикладной астрономии РАН); доктор физико-математических наук **М.А. Губин** (Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН); доктор технических наук **В.В. Дворкин** (АО “Российские космические системы”, по согласованию); **А.А. Дмитриев** (Российская академия наук); кандидат технических наук **Д.Б. Жиленко** (Центральный научно-исследовательский институт Войск воздушно-космической обороны Министерства обороны РФ, по согласованию); доктор физико-математических наук **Ю.И. Зецер** (Институт динамики геосфер РАН); кандидат физико-математических наук **Д.В. Иванов** (Институт прикладной астрономии РАН); академик РАН **Д.М. Климов**; доктор технических наук **В.Н. Крутиков** (Всероссийский научно-исследовательский институт оптико-физических измерений, по согласованию); кандидат технических наук **А.В. Кузовников** (АО “Информационные спутниковые системы” им. академика М.Ф. Решетнёва, по согласованию); кандидат технических наук **А.О. Куприянов** (Московский государственный университет геодезии и картографии, по согласованию); кандидат технических наук **А.Д. Куропятников** (ФГУП “Морсвязьспутник”, по согласованию); кандидат технических наук **А.П. Назаренко** (Научно-исследовательский институт радио”, по согласованию); доктор технических наук **Р.Р. Назиров** (Институт космических исследований РАН); **В.В. Нелидов** (Российская академия наук); доктор технических наук **В.Б. Непоклонов** (Московский государственный университет геодезии и картографии, по согласованию); доктор технических

наук **Ю.И. Носенко** (АО “Российские космические системы”, по согласованию); доктор технических наук **В.В. Пасынков** (АО Научно-производственная корпорация “Системы прецизионного приборостроения”, по согласованию); доктор технических наук **Д.И. Плешаков** (27 Центральный научно-исследовательский институт Министерства обороны РФ, по согласованию); кандидат технических наук **С.Г. Ревнивых** (АО “Информационные спутниковые системы” им. академика М.Ф. Решетнёва, по согласованию); доктор технических наук **И.В. Сахно** (Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского Министерства обороны РФ, по согласованию); кандидат технических наук **В.П. Седельников** (АО Научно-исследовательский и производственный центр “Природа”, по согласованию); кандидат технических наук **А.В. Соколов** (АО Концерн “ЦНИИ Электроприбор”, по согласованию); доктор физико-математических наук **Г.М. Стеблов** (Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН); доктор физико-математических наук **А.В. Тайченачев** (Институт лазерной физики СО РАН); кандидат технических наук **С.В. Тасенко** (Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, по согласованию); кандидат технических наук **С.В. Травин** (Управление навигации и океанографии Министерства обороны РФ, по согласованию); **А.Е. Тюляков** (АО “Российский институт радионавигации и времени”, по согласованию); доктор технических наук **В.Ф. Фатеев** (Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений, по согласованию); доктор технических наук **В.Н. Филатов** (АО “Российские космические системы”, по согласованию); кандидат технических наук **В.М. Царёв** (АО Научно-технический центр современных навигационных технологий “Интернавигация”, по согласованию); академик РАН **А.М. Черепашук**; член-корреспондент РАН **Г.М. Чернявский**; доктор технических наук **В.М. Шершаков** (Научно-производственное объединение “Тайфун”, по согласованию); член-корреспондент РАН **Б.М. Шустов**.

• Принять предложение Отделения наук о Земле РАН и Российского минералогического общества о проведении в сентябре 2019 г. в г. Белгороде XIV Международного конгресса по прикладной минералогии на базе Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. Назначить председателем Национального организационного комитета конгресса члена-корреспондента РАН **Е.С. Савченко**, председателем Национального программного комитета конгресса — академика РАН **Л.А. Вайсберга**. Поручить комитету разработать и представить бюро Отделения наук о Земле РАН на утверждение в установленном порядке план мероприятий по подготовке

и проведению конгресса, включая согласование с правительством Белгородской области. Контроль за выполнением календарного плана и ответственность за координацию работы по подготовке и проведению конгресса возложить на Отделение наук о Земле РАН. Включить мероприятия по подготовке и организации конгресса в государственное задание Отделения наук о Земле РАН на 2018 г. Поручить Пресс-службе РАН организовать освещение связанных с подготовкой конгресса мероприятий в средствах массовой информации. Обязать Управление внешних связей РАН осуществить контроль за организацией протокольных мероприятий с участием иностранных учёных.

Утвердить состав Национального организационного комитета конгресса: член-корреспондент РАН **Е.С. Савченко** (губернатор Белгородской области) — председатель; доктор экономических наук **С.Н. Глаголев** (Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова) — заместитель председателя (по согласованию); кандидат геолого-минералогических наук **И.Н. Бурцев** (Институт геологии Коми НЦ УрО РАН); академик РАН **А.О. Глико**; доктор географических наук **Н.А. Зайцева** (Отделение наук о Земле РАН); академик РАН **Д.Ю. Пушаровский**; академик РАН **Д.В. Рундквист**; член-корреспондент РАН **В.В. Масленников**; доктор технических наук **В.В. Строкова** (Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, по согласованию); кандидат геолого-минералогических наук **Н.Н. Тимонина** (Институт геологии Коми НЦ УрО РАН, по согласованию).

Утвердить состав Национального программного комитета конгресса: академик РАН **Л.А. Вайсберг** — председатель; академик РАН **Н.С. Бортников** — заместитель председателя; доктор геолого-минералогических наук **О.Б. Котова** (Институт геологии Коми НЦ УрО РАН) — секретарь (по согласованию); академик РАН **А.М. Асхабов**; член-корреспондент РАН **С.В. Кривовичев**; член-корреспондент РАН **Ю.Б. Марин**; доктор технических наук **Т.Н. Матвеева** (Институт проблем комплексного освоения недр РАН, по согласованию); доктор геолого-минералогических наук **Е.Г. Ожогина** (Всероссийский институт минералогии сырья им. Н.М. Федоровского, по согласованию); академик РАН **Н.В. Соболев**; академик РАН **В.А. Чантурия**; доктор геолого-минералогических наук **В.В. Щипцов** (Институт геологии Карельского НЦ РАН, по согласованию).

• Освободить академика РАН **В.Е. Фортова** от обязанностей главного редактора журнала “Вестник Российской академии наук” по личной просьбе. За плодотворную научно-организационную работу в должности главного редактора

журнала объявить Владимиру Евгеньевичу Фортону благодарность.

Утвердить академика РАН **А.Р. Хохлова** главным редактором журнала “Вестник Российской академии наук” РАН с 24 апреля 2018 г. сроком на пять лет.

- В соответствии с представлением Научно-издательского совета РАН и Отделения математических наук РАН продлить полномочия главным редактором журналов Отделения математических наук РАН, издаваемых Математическим институтом им. В.А. Стеклова РАН, до 31 декабря 2018 г.: доктор физико-математических наук **А.М. Зубков** — “Дискретная математика”; академик РАН **Б.С. Кашин** — “Математический сборник”; академик РАН **В.В. Козлов** — “Известия Российской академии наук. Серия математическая”; академик РАН **В.П. Маслов** — “Математические заметки”; академик РАН **С.П. Новиков** — “Успехи математических наук”; академик РАН **А.А. Славнов** — “Теоретическая и математическая физика”; академик РАН **А.Н. Ширяев** — “Теория вероятностей и её применения”.

Контроль за выполнением распоряжения возложить на Научно-издательский совет РАН (академик РАН **А.Р. Хохлов**).

- Освободить академика РАН **М.В. Иванова** от обязанностей главного редактора журнала

“Микробиология” РАН по личной просьбе. За многолетнюю научно-организационную работу в должности главного редактора журнала объявить Михаилу Владимировичу Иванову благодарность.

Утвердить доктора биологических наук **Н.В. Пименова** главным редактором журнала “Микробиология” РАН с 24 апреля 2018 г. сроком на пять лет.

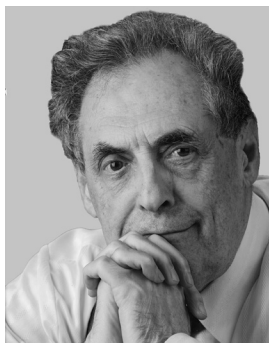
- Освободить академика РАН **Н.П. Весёлкина** от обязанностей главного редактора “Российского физиологического журнала им. И.М. Сеченова” РАН по личной просьбе. За многолетнюю плодотворную научно-организационную работу в должности главного редактора журнала объявить Николаю Петровичу Весёлкину благодарность.

Утвердить главными редакторами журналов Отделения физиологических наук РАН с 24 апреля 2018 г. сроком на пять лет: академика РАН **Н.П. Весёлкина** — “Журнал эволюционной биохимии и физиологии” (на новый срок); академика РАН **Л.Г. Магазаника** — “Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова”.

- Утвердить члена-корреспондента РАН **Н.Н. Розанова** главным редактором журнала “Оптика и спектроскопия” РАН с 24 апреля 2018 г. сроком на пять лет.

ЮБИЛЕИ

АКАДЕМИКУ И.И. ГИТЕЛЬЗОНУ – 90 ЛЕТ

Иосиф Исаевич ГИТЕЛЬЗОН – крупный учёный в области биофизики, организатор науки, автор более 300 научных публикаций, в том числе 15 монографий. Им выполнены исследования по биофизическим методам анализа эритроцитарных популяций, регуляции системы крови, параметрическому управлению биосинтезом

микробных популяций, замкнутым экологическим системам жизнеобеспечения человека, биофизическому мониторингу объектов природной среды, развитию методов биолюминесцентного анализа.

И.И. Гительзоном совместно с академиком И.А. Терсковым основано новое научное направление – биофизика надорганизменных систем.

Учёным разработаны методы и аппаратура параметрического управления биосинтезом, что позволило осуществить биотехнологические процессы синтеза белка и биodeградируемых полимеров водородными бактериями и создать уникальную высокoзамкнутую экосистему жизнеобеспечения людей “Биос-3”, безопасность и биологическая надёжность которой подтверждены многомесячными экспериментами жизни в ней экипажей испытателей. Использование элементов системы открывает возможность создания энергоавтономного высококомфортного жилья для освоения северных территорий.

Под руководством учёного развиты биофизические методы, послужившие основой научных проектов “Биолюминесценция Мирового океана”, “Зелёная волна”, “Хлорофилл в биосфере”, “Чистый Енисей”, “Замкнутые экосистемы”, “Эритрон” (закономерности управления системой красной крови в организме).

Иосифом Исаевичем выполнены пионерные инструментальные исследования биолюминесценции океана. Разработан комплекс методов и аппаратуры для биолюминесцентной визуализации пространственной структуры морских экосистем. В результате ряда экспедиций на судах Института океанологии РАН совместно с сотрудниками этого института представлена первая карта биолюминесцентной светимости Мирового океана. Совместно с сотрудниками Института биоорганической химии РАН расшифрован молекулярный механизм биолюминесценции грибов и некоторых видов сибирских олигохет.

И.И. Гительзон с 1986 по 1998 г. работал директором Института биофизики СО РАН. Он один из основателей первого академического учреждения в Красноярске – Института физики СО РАН (ныне имени его главного основателя Л.В. Киренского), Красноярского государственного университета (ныне Сибирский федеральный университет) и Института биофизики (совместно с И.А. Терсковым). В настоящее время он советник РАН в Институте физики СО РАН, научный руководитель Института фундаментальной биологии и биотехнологии Сибирского федерального университета, профессор СФУ, член Объединённого учёного совета по биологическим наукам СО РАН, ряда научных советов РАН, член Комиссии РАН по борьбе с лженаукой, член Международной академии астронавтики, приглашённый профессор Международного космического университета, участник конгрессов МАФ и COSPAR, член редколлегий многих научных изданий. Среди его учеников более 15 докторов и 60 кандидатов наук.

И.И. Гительзон награждён орденами “За заслуги перед Отечеством” IV степени, Трудового Красного Знамени и Дружбы народов; почётный гражданин г. Красноярска и Красноярского края.

ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ РАН В.И. БОГОЯВЛЕНСКОМУ – 60 ЛЕТ

Василий Игоревич БОГОЯВЛЕНСКИЙ – известный учёный в области комплексного геолого-геофизического изучения и освоения нефтегазовых ресурсов континентального шельфа, развития минерально-сырьевой базы России, признанный эксперт в области рационального природопользования и экологической безопас-

ности Арктической зоны, автор около 300 научных публикаций, в том числе 12 монографий, а также автор “Национального атласа Арктики” и 11 атласов нефтегазоносности Европейской части страны и сопредельных государств.

Учёным развиты новые научные направления и предложены технологические разработки в области комплексирования сейсморазведки и околоскважинного профилирования в различных сейсмогеологических условиях Мирового океана и суши, включая арктические и южные моря России и СНГ. Разработаны теоретические основы и новые способы геофизических и геоэкологических исследований, повышающие эффективность и экологическую безопасность всего цикла освоения ресурсов углеводородного сырья, включая поиск, разведку и разработку месторождений.

Обоснована возможность обнаружения залежей нефти и газа в палеозойских отложениях суши и акватории Каспийского региона; проведены комплексные региональные геолого-геофизические исследования нефтегазоносности акваторий и сопредельной суши Европейской части России и СНГ, среди которых особую важность имеют акватории Баренцева, Печорского, Карского и Каспийского морей с сопредельной сушей (Тимано-Печорская, Западно-Сибирская, Прикаспийская, Центрально- и Южно-Каспийская провинции). В итоге обнаружено более 50 новых крупных перспективных объектов.

В.И. Богоявленский – заместитель директора Института проблем нефти и газа РАН; заведующий кафедрой геоэкологии Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина; директор Межведомственного центра компетенции “Рациональное природопользование, экологическая и экономическая безопасность”; член ряда научно-экспертных советов правительственного уровня, в том числе Государственной комиссии по вопросам развития Арктики Государственной думы и Совета Федерации ФС РФ.

В.И. Богоявленский – Почётный разведчик недр, лауреат премии ЦП НТО НГ им. И.М. Губкина, награждён почётными грамотами РАН, Министерства природных ресурсов и экологии РФ, секретаря Совета безопасности РФ, губернатора Ямало-Ненецкого АО.

ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ РАН В.И. ДАНИЛОВУ-ДАНИЛЬЯНУ – 80 ЛЕТ

Виктор Иванович ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН – крупный учёный в области гидрологии и управления водными ресурсами, географии, экологии и экономики, автор и соавтор более 600 научных публикаций, в том числе 30 монографий. Им внесён значительный вклад в развитие экономики природо-

пользования, экономико-математического моделирования и теории устойчивого развития. Учёный занимается решением проблем рационального использования природных ресурсов, ресурсосбережения, экономики охраны окружающей среды, выяснением роли природного фактора в долгосрочном

развитии народного хозяйства, решением проблем вод суши, обоснованием необходимости интенсификации развития водного хозяйства и использования водных ресурсов в противовес экстенсивному водопользованию.

Виктор Иванович участвует в формировании государственной политики и законодательных основ в области водопользования, в подготовке соответствующих материалов для руководящих органов нашей страны. В частности, он принимал активное участие в разработке противопаводковых мероприятий, в работе правительственных комиссий по озеру Байкал и Каспийскому морю, в подготовке концепции развития российской экономики в постнефтяном периоде на основе использования водных ресурсов как стратегического фактора, в разработке системы платы за негативное воздействие на окружающую среду,

в том числе за сброс сточных вод. Под его руководством разработан и внедрён природоохранный комплекс “Экопатруль” — система специализированных средств контроля экологического состояния водной среды.

В.И. Данилов-Данильян с 2003 по 2018 г. занимал пост директора Института водных проблем РАН, в настоящее время он научный руководитель института, заведующий кафедрой отраслевого

и природно-ресурсного управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, заместитель академика-секретаря Отделения наук о Земле РАН, член ряда научных и научно-экспертных советов, главный редактор издательства “Энциклопедия” и журнала “Водные ресурсы”. Среди его учеников более 40 кандидатов наук.

В.И. Данилов-Данильян — лауреат премии Правительства РФ, награждён орденом Почёта.

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А.Ф. ИОФФЕ 2017 ГОДА — М.Я. АМУСЬЕ И Л.В. ЧЕРНЫШЁВОЙ

Президиум РАН присудил премию им. А.Ф. Иоффе 2017 г. доктору физико-математических наук Миرونу Янкелевичу Амусье и доктору технических наук Ларисе Владимировне Чернышёвой (Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН) за цикл работ “Теория резонансных явлений в процессах взаимодействия фотонов, электронов и позитронов с атомами, фуллеренами и эндоэдрами”.

Удостоенный премии цикл работ содержит результаты многолетних теоретических исследований

авторов. Построена теория процессов взаимодействия электронных оболочек обычных и “гигантских” (фуллерены и эндоэдры) атомов с фотонами, электронами и позитронами с учётом корреляционных взаимодействий между электронами в рассматриваемых многочастичных системах. Авторы объяснили и предсказали ряд необычных резонансных явлений, возникающих благодаря коллективному поведению электронов. Многие из этих предсказаний были подтверждены экспериментально, среди них: интерференционные резонансы в сечениях фотоионизации; внутридублетные резонансы, обусловленные взаимодействием компонент спин-орбитальных дублетов; резонансы пленения и др. Авторы внесли важный вклад в развитие математического аппарата для решения ряда сложных задач атомной физики и разработали комплекс программ “Атом”, широко используемый для исследования многоэлектронных атомных систем. Результаты обобщены в нескольких монографиях, изданных на русском и английском языках.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ К.И. СКРЯБИНА 2017 ГОДА – И.А. АРХИПОВУ

Президиум РАН присудил премию им. К.И. Скрябина 2017 г. доктору ветеринарных наук Ивану Алексеевичу Архипову (Всероссийский научно-исследовательский институт фундаментальной и прикладной паразитологии животных и растений им. К.И. Скрябина) за монографию “Антигельминтики: фармакология и применение” и цикл работ по терапии гельминтозов.

Основные результаты исследований лауреата в выдвинутых на конкурс работах сводятся к следующему:

- представлены и систематизированы сведения по всем антигельминтикам из разных классов соединений с подробной характеристикой химических, антигельминтных и фармако-токсикологических свойств;

- описан механизм действия препаратов, фармакокинетика, сроки выведения препаратов из организмов животных и методы количественного определения антигельминтиков в органах и тканях;

- приводятся данные о средствах терапии гельминтозов животных и человека; разработана схема применения антигельминтиков и оценка их эффективности;

- представлена информация о способах снижения экологического риска при применении препаратов и побочных действиях антигельминтиков;

- разработаны пути повышения эффективности и безопасности применения антигельминтиков, методы выявления и профилактики развития резистентности паразитов к препаратам.

Работы И.А. Архипова обогатили биологическую науку как в фундаментальном плане, так и в плане проведения прикладных исследований в области гельминтологии и паразитологии.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А.Д. АРХАНГЕЛЬСКОГО 2017 ГОДА – Ю.И. ТЕСАКОВУ

Президиум РАН присудил премию им. А.Д. Архангельского 2017 г. доктору геолого-минералогических наук Юрию Ивановичу Тесакову (Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН) за монографию “Силурийский бассейн Восточной Сибири”.

Удостоенная премии монография – не имеющее аналогов научное обобщение по региональной геологии и стратиграфии крупнейшего в России и мире силурийского осадочного бассейна (СОБ), расположенного на Сибирской платформе. В монографии дано описание и обоснование

стратиграфии СОБ с детализацией как в разрезах, так и по площади распространения бассейна. По разработанной автором методике и номенклатуре систематизированы палеонтологические и седиментологические данные по всем фациально-стратиграфическим зонам бассейна с выделением иерархически соподчинённых эко-стратиграфических единиц. Реконструированы палеогеография и история геологического развития бассейна.

Монография Ю.И. Тесакова имеет важное прикладное значение для проектирования поисков месторождений нефти и газа в силуре Ленно-Тунгусской нефтегазоносной провинции и является достойным продолжением традиции региональных исследований геологии крупных осадочных бассейнов, заложенной академиком А.Д. Архангельским.